

ISSN 0131-6117

РУСС-

R U S S I A N

СЛОВА

S P E E C H

РЕЧЬ

МОСКВА, 2022

МАРТ–АПРЕЛЬ

Журнал основан в январе 1967 года

Выходит 6 раз в год

Главный редактор:

А. Д. Шмелев д. ф. н., проф., Московский педагогический государственный университет;
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Зам. главного редактора:

М. Л. Каленчук д. ф. н., член-корр. РАО, проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Е. Я. Шмелева к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Редколлегия:

Е. Л. Березович д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Уральский федеральный университет
А. А. Гиппиус д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»; Институт славяноведения РАН
М. Горэм PhD, проф., Флоридский университет, США
В. В. Дементьев д. ф. н., проф., Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского
А. Ф. Журавлев д. ф. н., проф., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
А. А. Кибрик д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН; Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Ю. А. Клейнер д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет
А. М. Красовицкий PhD, Оксфордский университет, Великобритания
М. А. Кронгауз д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
М. А. Осадчий д. ф. н., проф., Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
М. С. Полинская PhD, проф., Мэрилендский университет, США
Е. Ю. Протасова PhD, проф., Хельсинкский университет, Финляндия
Х. Пфандль Dr. phil., проф., Грацский университет, Австрия
Л. Рязанова-Кларк PhD, проф., Эдинбургский университет, Великобритания
А. А. Соколянский д. ф. н., проф., Северо-Восточный государственный университет

Зав. редакцией: **О. В. Антонова**
Зав. отделами: **А. В. Занадворова, М. А. Пузина**

Статьи отбираются редколлегией
журнала на основе анонимного
независимого рецензирования.

Журнал индексируется в: Российский
индекс научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции: 119019, Москва,
ул. Волхонка, 18/2, Институт русского
языка им. В. В. Виноградова РАН,
редакция журнала «Русская речь»

Телефон: +7 495 637-27-35
E-mail: rus-rech@mail.ru
Сайт: <http://russkayarech.ru/>

© Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
© Государственный институт
русского языка им. А. С. Пушкина
© Российская академия наук
© Составление. Редколлегия журнала
«Русская речь», 2022

ISSN 0131-6117

Russian R U S S K A Y A Speech R E C H'

MOSCOW, 2022

**MARCH -
APRIL**

Founded in January 1967

6 issues per year

Editor-in-chief:

Alexei D. Shmelev

Moscow State University of Education; Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Assistant editors:

Maria L. Kalenchuk

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Elena Ya. Shmeleva

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Editorial board:

Elena L. Berezovich

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Vadim V. Demytyev

Saratov State University, Saratov, Russia

Alexei A. Gippius

National Research University Higher School of Economics; Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia

Michael Gorham

University of Florida, Gainesville, USA

Andrey A. Kibrik

Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Yury A. Kleiner

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Alexander M. Krasovitsky

University of Oxford, UK

Maxim A. Kronhaus

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Mikhail A. Osadchiy

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Heinrich Pfandl

University of Graz, Austria

Maria Polinsky

University of Maryland, College Park, USA

Ekaterina Y. Protassova

University of Helsinki, Finland

Larissa Ryazanova-Clarke

University of Edinburgh, UK

Alexander A. Sokolyansky

North-Eastern State University, Magadan, Russia

Anatoly F. Zhuravlev

Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Managing editor:

Olga V. Antonova

Editorial staff:

Anna V. Zanadvorova, Maria A. Puzina

Articles are selected by the editorial board on the basis of blind peer review process.

Abstracting / Indexing: Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTs).

Address: «Russkaya rech'», editorial office, Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 495 637-27-35

E-mail: rus-rech@mail.ru

Website: <http://russkayarech.ru/>

Содержание

Проблемы современного русского языка

- 7..... *Сунь Сяоли*. Слово *самый* в свете активных процессов русской речи (грамматикализация, идиоматизация и прагматикализация)
- 24..... *С. Д. Шелов, Т. Д. Четверикова*. О вариативном написании строчных и прописных букв в некоторых группах лексики русского языка

Из истории русского языка

- 38..... *М. В. Ахметова*. Еще раз об известном фразеологизме *Тамбовский волк тебе товарищ*: вариативность компонентов и контексты употребления
- 53..... *С. В. Князев*. О выражении пространственных отношений в одном севернорусском говоре
- 72..... *В. И. Максимов*. «Растѣкашется мыслию по древу»
- 96..... *М. В. Мирошниченко*. Языковой аспект литургических текстов глазами Синодальной цензуры

Язык художественной литературы

- 110..... *Н. В. Капустин*. Историсофия Чаадаева и русское слово
- 118..... *Е. М. Матвеев*. Тропологические и аллегорические преобразования семантики антропонимов в русской панегирической поэзии XVIII века

Contents

Issues of Modern Russian Language

- 7..... *Sun Xiaoli*. The Word *Samyj* in the Light of Active Processes of Russian Speech (Grammaticalization, Idiomatization and Pragmaticalization)
- 24..... *Sergei D. Shelov, Tatyana D. Chetverikova*. On Variable Spelling of Lowercase and Uppercase Letters in Some Groups of the Russian Language Vocabulary

From the History of the Russian Language

- 38..... *Maria V. Akhmetova*. Once More on the Popular Phraseological Unit ‘Tambov Wolf Is Your Comrade’: Variability of Components and Contexts of Usage
- 53..... *Sergey V. Knyazev*. On the Expression of Spatial Relations in a Northern Russian Dialect
- 72..... *Vladimir I. Maksimov*. “Rastekashetsya Mysliyu po Drevu”
- 96..... *Maria V. Miroshnichenko*. The Linguistic Aspect of Liturgical Texts as Viewed by the Synodal Censorship

The Language of Fiction

- 110..... *Nikolai V. Kapustin*. Chaadayev’s Historiosophy and Russian Word
- 118..... *Evgeniy M. Matveev*. Tropological and Allegorical Semantic Transformations of Anthroponyms in Russian Panegyric Poetry of the 18th Century

Слово *самый* в свете активных процессов русской речи (грамматикализация, идиоматизация и прагматикализация)

Сунь Сяоли, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург),
sunxiaoli_smile@163.com

DOI: 10.31857/S013161170019839-1

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена сравнению традиционного лексикографического описания слова *самый* и его реального употребления, в свете активных процессов русской спонтанной речи. Изменения — это движущая сила языка. Языковые преобразования имеют непосредственное отношение к ряду активных процессов современной речи, которые зачастую способствуют изменению категориального статуса исходной единицы. В этой связи особый интерес представляют такие процессы, как грамматикализация, идиоматизация и прагматикализация. Все они действуют на синхронном срезе одновременно и самым очевидным образом связаны друг с другом, а внимание к результатам этих процессов позволяет увидеть многообразие функциональных возможностей любой единицы. Источником материала для настоящего исследования стали различные словари и корпус повседневной русской речи «Один речевой день». В результате всех активных процессов местоимение *самый* становится либо формообразующей частицей в составе формы суперлатива (*самый быстрый, самая высокая*), либо интенсификатором

в аналитических конструкциях (*до самой последней минуты, возле самого метро*), либо компонентом фразеологизма (*самое плёвое дело, самое то*), либо компонентом устойчивого сочетания с идиоматическим потенциалом (*самое модное, то же самое, тем самым*), либо прагматическим маркером (*это самое*). Некоторые лексико-грамматические характеристики единиц, рождающихся под действием активных процессов современной речи, находятся в периферийной зоне словарной статьи, а иные вообще не находят себе места в словарях. В настоящее время можно даже поставить задачу создания нового академического словаря дескриптивного типа с учетом когнитивно необходимой информации, с фиксацией всего разнообразия употребления каждой языковой единицы в русском языке и устной речи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лексикографическая традиция, грамматикализация, идиоматизация, прагматикализация, спонтанная речь

для цитирования: Сунь Сяоли. Слово *самый* в свете активных процессов русской речи (грамматикализация, идиоматизация и прагматикализация) // Русская речь. 2022. № 2. С. 7–23. DOI: 10.31857/S013161170019839-1.

Issues of Modern Russian Language

The Word *Samyj* in the Light of Active Processes of Russian Speech (Grammaticalization, Idiomatization and Pragmaticalization)

Sun Xiaoli, St. Petersburg State University (Russia, St. Petersburg), sunxiaoli_smile@163.com

АБСТРАКТ: The article is devoted to comparison of the traditional lexicographic description of the word *samyj* and its actual use, in the light of active processes of Russian spontaneous speech. Change is the driving force of language.

Linguistic transformations are directly related to a number of active processes in modern speech, which often contribute to a change in the categorial status of the original unit. In this regard, processes such as grammaticalization, idiomaticization and pragmaticalization are of particular interest. All of them operate synchronously and simultaneously and are obviously related to each other, and by paying close attention to the results of these processes we can see the diversity of functional possibilities of any unit.

The source material for the present study was various dictionaries and the corpus of everyday Russian speech “One Speech Day”. As a result of all the active processes, the pronoun *samyj* becomes either a formative particle in the superlative form (*samyj bystryj*, *samaya vysokaya*), or an intensifier in analytical constructions (*do samoj poslednej minuty*, *vozle samogo metro*), or a component of a phraseological unit (*samoe plevoe delo*, *samoe to*), or a component of a fixed expression with idiomatic potential (*samoe modnoe*, *to zhe samoe*, *tem samym*), or a pragmatic marker (*eto samoe*).

Some lexical and grammatical characteristics of units created under the influence of active processes in modern speech are placed in peripheral zones of dictionary entries, while others are omitted in dictionaries altogether. At present, it is possible to set the task of creating a new academic descriptive dictionary that would take into account the cognitively necessary information and represent the entire diversity of each linguistic unit’s usage in the Russian language and oral speech.

KEYWORDS: lexicographic tradition, grammaticalization, idiomaticization, pragmaticalization, spontaneous speech

FOR CITATION: Sun Xiaoli. The Word *Samyj* in the Light of Active Processes of Russian Speech (Grammaticalization, Idiomaticization and Pragmaticalization. Russian Speech = Russkaya Rech’. 2022. No. 2. Pp. 7–23. DOI: 10.31857/S013161170019839-1.

Введение

Традиционная прескриптивная академическая лексикография придерживается принципа «отражения только тех фактов лексики и семантики, которые характерны для стандартного современного общелитературного, общеразговорного употребления как в его письменной, так и в устной форме; ничего индивидуального, ничего окказионального» [Герд 1990: 29–30]. Так, в Малом академическом словаре слово *самый* характеризуется как *определятельное местоимение* [Евгеньева (ред.) 1988: 25–26]. Но уже и здесь это слово трактуется в основном через употребление, ср.: «1. Употребляется при указательных местоимениях “тот”, “этот” для их

уточнения в значении: *именно, как раз. В эту самую минуту* сильный порыв ветра раздвоил тучу...» (курсив автора. — С. С.) [Там же].

В период *лексикографического ренессанса* конца XX — начала XXI века, с появлением новых лексикографических технологий, естественным образом возникла потребность в научном осмыслении новых объектов или более углубленном изучении объектов, ранее не описанных словарями [Приемышева 2020: 58]. В настоящем исследовании таким новым объектом стала современная русская повседневная речь, которая, со всеми особенностями ее спонтанного порождения, пока не подвергалась масштабному лексикографическому описанию¹.

Думается, что язык можно рассматривать только как постоянно развивающуюся систему, самая суть которой состоит в ее бытовании в конкретном речевом общении, то есть описывать язык без обращения к особенностям его бытования — не совсем правильно. В реальной речи происходят активные процессы, которые часто способствуют изменению категориального статуса той или иной языковой единицы и формированию специфических правил ее функционирования, что не всегда фиксируется словарями. В настоящей работе особенное внимание уделено одновременно происходящим в современной спонтанной речи активным процессам — грамматикализации, идиоматизации и прагматикализации.

Источники материала исследования

Источником материала настоящего исследования стали различные словари, которые можно разделить на несколько групп:

- 1) *толковые словари*: «Словарь русского языка в четырех томах» под ред. А. П. Евгеньевой [МАС 1985–1988]; «Толковый словарь русского

¹ Многочисленные работы по русской разговорной речи, выходящие с 70–80-х гг. XX века в Саратове, Москве, Санкт-Петербурге, Омске и Перми (здесь можно упомянуть имена таких исследователей, как О. Б. Сиротинина, Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова, Т. И. и Е. В. Ерофеевы, А. А. Юнаковская и ряд др.), включая теоретические работы Ю. М. Скребнева и В. Д. Девкина, заложившие основы *коллоквиалистики* — науки о разговорной речи как одной из форм существования литературного языка, — сделали очень много для описания разговорной речи (ее фонетики, лексики, синтаксического строя, даже жестов), но практически не затрагивали особенностей такой речи, связанных с работой самого механизма ее порождения. Корпусный подход к сбору и анализу разговорного материала, без деления его на литературный и нелитературный (наша повседневная речь отнюдь не ограничивается одними только литературными формами), а также подчеркнутый интерес к содержательно не значимым элементам устного текста, важным с точки зрения его организации и прагматики (см., например, словарь прагматических маркеров, вышедший в Санкт-Петербурге [Прагматические маркеры... 2021] или работы А. А. Кибрика и В. И. Подлесской), как раз и подготовили почву для того *лингвистического ренессанса*, о котором писала М. Н. Приемышева [Приемышева 2020: 58] и в интересах которого выполнено настоящее исследование.

- языка» [Ожегов, Шведова 1992]; «Новый словарь русского языка. Толково-образовательный» [Ефремова 2000];
- 2) *словари разговорного языка*: «Живая речь. Словарь разговорных выражений» [Белянин, Бутенко 1994], «Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи» [Химик 2004]; «Большой словарь русских поговорок» [Мокиенко, Никитина 2007]; «Толковый словарь русской разговорной речи» под ред. Л. П. Крысина [2014–2021];
 - 3) *фразеологические словари*: «Фразеологический словарь русского языка» под ред. А. И. Молоткова [Фразеологический словарь... 1968]; «Учебный фразеологический словарь» [Быстрова и др. 1997]; «Жгучий глагол: Словарь народной фразеологии» [Кузьмич 2000];
 - 4) «Словарь синонимов ASIS» [Тришин 2013];
 - 5) Русский Викисловарь [<https://ru.wiktionary.org/wiki/>].

Кроме словарей, к анализу привлекался материал корпуса повседневной русской речи «Один речевой день» (ОРД), который можно назвать наиболее представительным на сегодняшний день ресурсом по исследованию современного русского устного дискурса (см. о нем подробнее: [Звуковой корпус... 2013; Русский язык... 2016; <https://ord.spbu.ru/>]).

На материале всех этих ресурсов в работе проведен анализ реальных употреблений слова *самый*.

Процесс грамматикализации

Термин *грамматикализация* впервые был использован А. Мейе в статье 1912 г. «Эволюция грамматических форм» [Meillet 1912]. Хотя началом становления современной теории грамматикализации обычно считают публикацию монографии немецкого лингвиста Х. Лемана «Размышления о грамматикализации» («Thoughts on grammaticalization»), в которой автор рассматривает *грамматикализацию* в узком смысле как морфологический процесс, в котором знак теряет свою автономность, становясь в большей степени подверженным ограничениям языковой системы [Lehmann 2004: 155]. В более широком смысле *грамматикализация* — это превращение единицы из полнозначной с референциальным значением — в функциональную, которая становится маркером (грамматическим и дискурсивным). Таким образом, грамматикализация объединяет все подобные изменения языковых элементов, в ходе которых они приобретают функции, более близкие к грамматическим или оператороподобным (*operator-like*) [Traugott 2003: 645].

«В современном русском языке грамматическая структура многих слов и форм переживает переходную стадию от синтетического к смешанному,

аналитико-синтетическому... К сожалению, в последующей грамматической традиции вопрос... об усилении и росте аналитизма в грамматической системе русского языка заглох» [Виноградов 1947: 37]. Грамматикализация слова *самый* в современном языке и речи наблюдается в аналитических конструкциях степеней сравнения прилагательного. Местоимение *самый*, в сочетании с качественными прилагательными, начинает функционировать как компонент формы превосходной степени (суперлатива) — фактически как формообразующая частица: *самый быстрый, самый короткий* [Евгеньева (ред.) 1988: 26]. Говоря словами В. В. Виноградова, «эта серия форм степеней сравнения должна быть признана очень живой и продуктивной в составе современного русского языка» [Виноградов 1947: 247]. Здесь в слове *самый* нет уже ничего лексически самостоятельного, нет конкретности и лексической отчетливости, т. е. слово *самый* изменило свой категориальный статус, ср.:

- 1) *да ещё говорится что у него самая высокая струя / двадцать два метра* (ОРД);
- 2) *то есть / когда мораль был отодвинута (м-м) в сторону / самым ос... (н-н) главным действующим лицом / церковь* (ОРД).

«В системе языка аналитические формы обладают более широкими возможностями образования и функционирования, чем синтетические» [Граудина 1980: 101]. Грамматическое удобство употребления ряда аналитических форм с *самый* состоит в том, что «они могут быть образованы от любого качественного прилагательного, даже от такого, от которого нельзя образовать простые формы степеней сравнения» [Виноградов 1947: 247]. Здесь слово *самый* передает предельность проявления признака, во всей его полноте, придает оттенок исключительности, и в то же время его сема градуальности усиливается.

- 3) *потому что типа / самое самое продаваемое у них время* (ОРД).

Контекст (3) — естественный пример употребления слова *самый* в сочетании со страдательным причастием, которое в данном случае «утрачивает управление творительным падежом, что приводит к ослаблению глагольности и усилению в [его] семантике значения качества, которое может проявляться в большей или меньшей степени» [Родионова 2020: 17]. Иными словами, страдательное причастие настоящего времени наиболее активно переходит в качественное прилагательное и вместе со словом *самый* образует аналитическую форму превосходной степени.

Иногда к грамматикализации добавляется еще и действие процесса ресемантизации, в результате чего слово *самый*, в сочетании уже с относительными прилагательными (обычно обозначающими временной или

пространственный признак), указывает на крайний предел признака: *в самом верхнем этаже, до самой последней минуты* [МАС 1988: 26]. Кроме того, приобретение словом *самый* грамматического значения предельности (более широкого, чем значение степени проявления признака) может реализоваться в сочетании с именами существительными, преимущественно с теми, которые обозначают пространство или время: часть пространственного объекта, в которой признаки данного объекта проявляются в максимальной степени: *в самые дебри, на самом ветру*; часть пространства (временного отрезка), которая ближе всего к некоторому объекту (событию): *подошёл к самому дому, перед самой войной* [Урысон 1995: 130; 135–136]. В корпусе ОРД достаточно много таких примеров, что может свидетельствовать не только о наличии, но и об активизации процесса грамматикализации в современном языке и речи. Ср.:

- 4) *и вот он начал оттормаживать в самый последний момент / такой в бампер бдыщ ей* (ОРД);
- 5) *ну я отлично жил / на Васильевском острове вообще // в самом центре / возле самого метро* (ОРД).
- 6) *да / и не / как-то раз у меня ещё когда комната была в очень пошарпанном состоянии после самого начала ремонта* (ОРД).

В данных контекстах *самый* выступает в роли слова-интенсификатора, план содержания которого включает ряд функционально-семантических операций: подчеркивание (акцентирование), усиление, полноту, градацию (обычно высокую ее степень), обобщение и оценку [Лекант 2011: 58] (об интенсифицирующем характере слова *самый* подробнее см. [Сунь Сяоли 2021a]). В широком смысле слово-интенсификатор отражает «функцию словесного знака — в высказывании, в тексте, — а не его грамматический статус» [Лекант 2015: 46]. Частотное употребление слова *самый* в этой функции в современной русской речи свидетельствует об усилении аналитических тенденций в грамматическом строе русского языка.

Процесс идиоматизации

В настоящей работе *идиома* понимается достаточно широко и используется как синоним *фразеологизма* (ФЕ): это любое устойчивое сочетание лексем с полностью или частично переосмысленным значением. Она отвечает категориальным признакам устойчивости, воспроизводимости, отчасти сверхсловности, образности, смысловой неразложимости и возможности замены словом / единицей-идентификатором (о таких категориях см.: [Шанский 1957; Лю Даян 2020]). Сам процесс *идиоматизации*

не был исследован в лингвистике столь же детально, как собственно *идиома*/ФЕ. Интересно отметить определение М. В. Копотева и Т. И. Стексовой: «Идиоматизация — динамический процесс, в ходе которого изменение языковой системы проходит через множество локальных обобщений, часть которых исчезает из языка, часть составляет его идиоматизированный компонент, часть расширяется до языковых правил широкого охвата. В этом смысле языковые единицы представляют собой континуум градуальных переходов по шкале “свободные — идиоматизированные” без четко очерченных границ» [Копотев, Стексова 2016: 148]. Результатом идиоматизации могут быть единицы разного типа: *идиома*/ФЕ, устойчивые конструкции (например, фразема, коллокация и дискурсивные формулы).

В рамках рассмотренной выше модели <*самый* + качественное прилагательное> некоторые формы суперлатива — уже в результате процесса идиоматизации — становятся фразеологизмами, ср.:

- 7) — ну д... д... не двадцать ни у кого не работало / **самое** большое это //
— пятнадцать по-моему //
— десять процентов / максимум / о чём это говорит / о том / что наш мозг ещё в масштабах вселенной спит (ОРД);
- 8) эта встреча закончится где-то без четверти восемь / но ... **самое** позднее в восемь (ОРД).

Самое большое = ‘не больше чем (столько-то)’ [Быстрова и др. 1997]; *Самое позднее* = ‘о конечном сроке совершения какого-л. действия’ [Евгеньева (ред.) 1987: 238]. В этих устойчивых сочетаниях отмечаются такие яркие признаки фразеологизма, как устойчивость, воспроизводимость, сверхсловность и целостность значения.

Другие найденные в корпусе ОРД и весьма распространенные в нашей речи фразеологизмы:

- 9) но вообще **на самом деле** Таня фальсифицировала ре... результаты (ОРД);
- 10) на кислые щи **самое то** как раз / я поняла уже выстоявшиеся (ОРД).

Но ни разу не встретилось в корпусном материале большинство из зафиксированных в словарях устойчивых выражений с относительно высокой идиоматичностью: *самое плёвое дело, в самом чёрном виде, по самое некуда, по самую шею, по самое не балуйся, по самое не хочу, по самое покорно благодарю, самый что ни на есть* [Сунь Сяоли 2021б]. Видно, таким образом, что существует явная «несогласованность дефиниции того или иного слова и его реального употребления в речи рядового носителя языка» [Богданова 2012: 65].

В результате процесса идиоматизации некоторые конструкции тяготеют к фразеологизированному употреблению. Например, *тем самым* = ‘нареч. качеств.-обстоят. Таким способом, таким образом, именно так’ [Ефремова 2000]; *то же самое* = ‘о чём-либо, совпадающем, одинаковом с вышесказанным’ (подробнее см.: <https://ru.wiktionary.org/wiki/>). Ср.:

- 11) *не // смотри на Серёгу и делай то же самое* (ОРД);
- 12) (а-а) *тем самым / ну / доверяет как бы ему / да / доверяет ему видение / да / опять же* (ОРД).

В. В. Виноградов особенно выделил «описательные, аналитические формы степеней сравнения» [Виноградов 1947: 243] и обосновал этот статус: «*самый* <...> не является самостоятельным словом, а образует вместе с формой имени прилагательного *грамматический идиоматизм* (курсив мой. — С. С.), одну составную форму» [Там же: 245]. Эта форма является продуктивной и может быть иллюстрирована текстами как из словарей (не обязательно в статьях на слово *самый*), так и из корпусного материала, ср.:

- 13) *Самое характерное в его манере говорить — это постоянно шуточный тон.* Чехов, Скучная история [Евгеньева (ред.) 1988: 738];
- 14) *это самое модное — рыжие волосы.* Ю. Яковлев, Гонение на рыжих [Евгеньева (ред.) 1987: 71];
- 15) *ну этикетка да ? и там значит (э) (м) есть (э) ... мне кажется что самое важное это чтобы ...*(ОРД);
- 16) *ну да / самое главное / вот как Ваня говорит / конечно могло быть куча вариантов* (ОРД).

Идиоматический потенциал данных устойчивых сочетаний можно проверить с помощью подсчетов с привлечением *теоремы умножения вероятностей* (см., напр.: [Manning, Schütze 1999]). Нужно отметить также, что идиоматизация, строго говоря, представляет собой частный случай общего процесса грамматикализации, который сопровождается утратой морфосинтаксической автономности единицы. Но в настоящей работе процессу идиоматизации придается особое значение, и он рассматривается отдельно.

Процесс прагматикализации

Многие функциональные единицы — прагматические маркеры (ПМ) — обнаруживаются в спонтанной устной речи всех говорящих, обладают высокой частотой встречаемости в устном дискурсе и употребляются

говорящими бессознательно и рефлекторно, на уровне речевого автоматизма [Прагматические маркеры... 2021: 13]. Источником их «рождения» в дискурсе служат полноценные речевые единицы, из которых они разбиваются по такому пути: «де- или ресемантизация — грамматикализация — прагматикализация — закрепление функции за определенным маркером» [Богданова-Бегларян 2020: 26]. Слово *самый* в повседневной речи часто попадает под действие процесса прагматикализации и в результате практически утрачивает свое словарное значение, «превращаясь» в ПМ *это самое* (ЭС) [Прагматические маркеры... 2021: 435–458]. Маркер ЭС функционирует в устной речи в различных своих грамматических формах (*этот самый, эта самая, это самое, эти самые, этого самого...*), хотя наиболее часто встречается его «классический» вид — форма им.-вин. п., ср. р., ед. ч. (*это самое*).

Характеристика прагматического маркера ЭС выглядит в результате следующим образом: хезитатив, маркер самокоррекции и разграничительный маркер (о типологии ПМ, положенной в основу настоящего исследования, см. подробнее: [Прагматические маркеры... 2021: 28–33]). Рассмотрим ряд примеров.

- 17) *мне наверное ... Танечка ! будь ласка / это самое / спроси у Анечки письмо* (ОРД);
- 18) — *топай / топай / топай*
— *топ / топ / топ с фингалом под этим самым / под глазом* (ОРД);
- 19) *ну это этот самый / первая хирургия* (ОРД);
- 20) *слушай да ничего / я готовлюсь к этой самой / у меня в пятницу у двух факультетов одновременно выпуск* (ОРД);
- 21) *если ты говоришь / что у них летом мёртвый сезон // это самое* (ОРД).

В примерах (17)–(20) все употребления ЭС выступают в роли *поискового хезитатива*. Однако результат поиска оказывается разным: искомое слово либо найдено (в контекстах подчеркнуто) (удачный поиск) (17)–(19), либо не найдено (неудачный поиск) (20). Объектом поиска в этих контекстах являются разные единицы: глагол-сказуемое (17), имя существительное или именная группа (18)–(19). В примере (18) видна гармония форм вербального хезитатива и найденного имени (*под этим самым / под глазом*), а в примере (19) можно наблюдать дисгармонию этих форм (*этот самый / первая хирургия*). В последнем примере (21) ЭС используется в качестве чисто хезитационного маркера, без видимой мотивации поиска.

- 22) *так припо... приподнята при... это самое сетчатка* (ОРД);

В контексте (22) ЭС реализует в устной речи сразу две функции: самокоррекции и хезитации). Говорящий произнес не то слово и исправился (*при... → сетчатка*). Полифункциональность — это типичная черта ПМ любого языка.

- 23) *в грубой форме это что ли / это самое?* (ОРД);
- 24) — *ну это самое / ну да / она такая //*
— *Конева завтра не выходит ?* (ОРД);
- 25) *а что нам надо / я так от тебя и не добилась в... это самое / плёнка нам нужна плёночка нам нужна* (ОРД).

В данных примерах употреблены три типа разграничительных прагматических маркеров ЭС — финальный (23), стартовый (24) и навигационный (25). Они либо помогают говорящему начать реплику или продвинуть вперед начатый речевой фрагмент, либо маркируют завершение отрезка речи.

Из рассмотренных примеров следует, что прагматический маркер ЭС способен менять свою грамматическую форму, подстраиваясь под форму искомого имени существительного. Если объектом поиска является не существительное (наименование), а иная единица, вплоть до продолжения речи после некоторой заминки, грамматическая подстройка полностью невозможна — в этом случае используется «классический» маркер-хезитатив *это самое*. Другие функции ПМ ЭС (маркер самокоррекции или разграничительный маркер) реализуются только в его «классической» форме.

ПМ несколько не мешают носителям языка правильно и без помех воспринимать обращенную к ним речь, а в устных синхронных переводах их попросту опускают — как «слова-паразиты», некий «словесный мусор». При этом данные, реально активные, элементы повседневной русской речи не находят себе места даже в периферийных зонах традиционных словарных статей. С точки зрения Н. В. Богдановой-Бегларян, «периферийные зоны лексико-грамматической характеристики русского слова являются той “благодатной почвой”, на которой произрастают ростки нового в нашей речи и, в конечном счете, в нашем языке» [Богданова-Бегларян 2020: 28]. Очевидно, что описание таких периферийных зон лексико-грамматической характеристики любых единиц необходимо во всех прикладных аспектах лингвистики.

Заключение

Как можно заключить из проведенного анализа, все активные процессы русской речи — грамматикализация (иногда параллельно с ресемантизацией), идиоматизация и прагматикализация — действуют на синхронном

срезы одновременно и очевидно связаны друг с другом. Что касается лексико-грамматических характеристик единиц, рождающихся в этих процессах, то легко обнаружить, что некоторые из них находятся в периферийной зоне словарной статьи, а иные даже полностью выходят за рамки лексикографической фиксации, в чем видится ценность и перспектива настоящего исследования.

«Действительная жизнь <...> всякого <...> слова совершается в речи» [Потебня 1958: 15]. «Жизнь слова в его реальном употреблении не всегда отражается и фиксируется словарями» [Богданова 2017: 7–8]. «Языковая деятельность носителя литературного языка протекает в постоянном — но при этом обычно не осознаваемом — согласовании собственных речевых действий с традиционными способами употребления языковых средств, с тем, что предписывают словари и грамматики данного языка, и с тем, как реально используют язык в повседневном общении его современники» [Черняк 2010: 23]. Нет никакого сомнения в том, что необходимо изучать и давать лексикографическое описание функционирования слова в речи. Это может быть академический словарь дескриптивного типа, отражающий современное состояние повседневной речи. Там найдут свое отражение различные специфические пласты языка, частотные, но не описанные единицы современной разговорной речи. Корпусный подход к отбору материала делает создание словаря такого типа возможным в рамках перехода от *лексикографии* (описания только лексики) к *речеграфии* (описанию речи как дискурса) [Приемышева 2020].

Источники

Белянин В. П., Бутенко И. А. Живая речь. Словарь разговорных выражений. М.: ПАИМС, 1994. 192 с.

Быстрова Е. А., Окунева А. П., Шанский Н. М. Учебный фразеологический словарь. М.: АСТ. 1997. 289 с.

Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка: в 4 т. М.: Русский язык. Т. I. А — Й. 1985. 696 с.; Т. II. К — О. 1986. 736 с.; Т. III. П — Р. 1987. 752 с.; Т. IV. С — Я. 1988. 790 с.

Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. Том II: П — Я. М.: Русский язык, 2000. 1084 с.

Крысин Л. П. (ред.). Толковый словарь русской разговорной речи. М.: ЯСК. Вып. 1: А — И. 2014, 775 с.; Вып. 2: К — О. 2017, 860 с.; Вып. 3: П — Р. 2019, 820 с.; Вып. 4: С — Т. 2021, 676 с.

Кузьмич В. Б. Жгучий глагол: Словарь народной фразеологии. М.: Зеленый век, 2000. 448 с.

Сунь Сяоли. Слово *самый* в свете активных процессов русской речи (грамматикализация, идиоматизация...)
Sun Xiaoli. The Word *Samyj* in the Light of Active Processes of Russian Speech (Grammaticalization, Idiomaticization...)

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 785 с.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992. 908 с.

Тришин В. Н. Большой словарь-справочник синонимов русского языка системы ASIS. URL: <http://www.trishin.ru/left/dictionary/> (дата обращения: 20.09.2021).

Фразеологический словарь русского языка / А. И. Молотков (ред.). Изд. второе, стер. М.: Советская энциклопедия, 1968. 544 с.

Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004. 768 с.

<https://ru.wiktionary.org/wiki/> (дата обращения: 21.09.2021).

<https://ord.spbu.ru/> (дата обращения: 25.09.2021).

Литература

Богданова Л. И. Когнитивная информация для толковых словарей // Вестник Московского ун-та. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012, № 2. С. 65–70.

Богданова Л. И. Слово в речи и в словаре // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium. Сб. научных материалов / И. Л. Копылов (гл. ред.). Минск: Четыре четверти. 2017. С. 7–12.

Богданова-Бегларян Н. В. Ядро и периферия лексико-грамматической характеристики русского слова: о судьбе периферийных единиц // Мир русского слова. № 2. 2020. С. 23–31.

Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л.: Гос. учеб.-пед. изд-во. 1947. 784 с.

Герд А. С. Новый академический словарь – исходные позиции и ориентиры // Актуальные проблемы разработки нового академического словаря русского языка. Тезисы. 20–22 ноября 1990 г. / Г. Н. Складневская и др. (ред.). Л.: АН СССР, Ленингр. отд. Ин-та языкознания, 1990. С. 29–30.

Граудина Л. К. Вопросы нормализации русского языка. Грамматика и вариант. М.: Наука, 1980. 288 с.

Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание / Отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2013. 532 с.

Коптев М. В., Стеклова Т. И. Исключение как правило. Переходные единицы в грамматике и словаре. М.: Языки славянской культуры, 2016. 168 с.

- Лекант П. А.* Субъективная аналитическая категория интенсификации в русском языке // Аналитизм в лексико-грамматической системе русского языка. Монография / П. А. Лекант (ред.). М.: МГОУ, 2011. С. 130–136.
- Лекант П. А.* Аналитические формы и аналитические конструкции в современном русском языке: монография. М.: ИИУ МГОУ, 2015. 86 с.
- Лю Даян.* Фразеологизмы в русской повседневной речи: типология и функционирование. Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2020. 201 с.
- Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. М.: Учпедгиз, 1958. 536 с.
- Прагматические маркеры* русской повседневной речи: Словарь-монография / Сост., отв. ред. и автор предисловия Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021. 520 с.
- Приемышева М. Н.* Разговорная лексика vs разговорная речь: тенденции и проблемы лексикографического описания // Повседневная речь как объект лексикографии (XIII Шмелевские чтения). Тез. докл. междунар. конф. (23–25 февраля 2020 г.) / Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: ИРЯ РАН, 2020. С. 58–59.
- Родионова И. Г.* Развитие аналитических форм и аналитических конструкций в грамматическом строе современного русского языка: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Тамбов, 2020. 45 с.
- Русский язык* повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах. Коллективная монография / Отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: ЛАЙКА, 2016. 244 с.
- Сунь Сяоли.* Самый как слово-интенсификатор в современном русском языке: модели употребления // Мир русского слова. № 3. 2021а. С. 53–60.
- Сунь Сяоли.* Слово САМЫЙ на веерной шкале переходности (по данным речевого корпуса) // Языки и культуры: функционально-коммуникативный и лингвопрагматический аспекты. Сб. статей по материалам II Международной научно-практической конференции, посвященной памяти С. Г. Стерлигова / Отв. ред. Н. А. Воскресенская. Нижний Новгород, 12–13 мая 2021 г. Н. Новгород: Нижегородский ун-т им. Н. И. Лобачевского, 2021б. С. 241–246.
- Урысон Е. В.* Словарная статья местоимения САМЫЙ: лексическая система языка и диахрония // Теоретическая лингвистика и лексикография: опыты системного описания лексики / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М., 1995. С. 126–139.
- Черняк В. Д.* Нормативные словари в современном социокультурном пространстве // Слово. Словарь. Словесность: Текст словаря и контекст лексикографии. Материалы Всероссийской научной конференции. С.-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена, 11–13 ноября 2009 года. СПб.: САГА, 2010. С. 22–27.
- Шанский Н. М.* Лексика и фразеология современного русского языка. М.: Учпедгиз, 1957. 168 с.
- Lehmann Ch.* Theory and method in grammaticalization. In Zeitschrift für Germanistische Linguistik. 2004. Bd. 32. № 2, pp. 152–178.

Сунь Сяоли. Слово *самый* в свете активных процессов русской речи (грамматикализация, идиоматизация...)
Sun Xiaoli. The Word *Samyj* in the Light of Active Processes of Russian Speech (Grammaticalization, Idiomaticization...)

- Manning C.D., Schütze H. Collocations. Foundations of statistical natural language processing. Cambridge, MA: MIT Press, 1999. 680 p.
- Meillet A. L'évolution des formes grammaticales. In Linguistique historique e linguistique générale. Paris: Société de Linguistique Paris. 1912. Vol. 2. Aufl, pp. 130–148.
- Traugott E. C. Constructions in grammaticalization. The handbook of historical linguistics / B. Joseph, R. Janda (eds.). Oxford: Blackwell, 2003, pp. 624–647.

References

- Bogdanova L. I. [Cognitive information for dictionaries]. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Seria 19. Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikatsia*, no. 2, 2012, pp. 65–70. (In Russ.)
- Bogdanova L. I. [Word in speech and in dictionary]. *Slovo i slovar' = Vocabulum et Vocabularium*. Minsk, 2017, pp. 7–12. (In Russ.)
- Bogdanova-Beglarian N. V. [The core and periphery of lexical and grammatical characteristics of the Russian word: about the fate of peripheral units]. *Mir russkogo slova*, no. 2, 2020, pp. 23–31. (In Russ.)
- Chernyak V.D. [Normative dictionaries in modern socio-cultural space] // *Slovo. Slovar'. Slovesnost': Tekst slovarya i kontekst leksikografii*. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii. Sankt-Peterburg [Word. Dictionary. Literature: The text of the dictionary and the context of lexicography. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference. St. Petersburg], RGPU im. A. I. Gertsena, November 11–13, 2009. St. Petersburg, SAGA, 2010, pp. 22–27. (In Russ.)
- Gerd A. S. [New academic dictionary – initial positions and guidelines]. *Aktual'nyye problemy razrabotki novogo akademicheskogo slovarya russkogo yazyka*. Thesis. November 20–22, 1990 / G. N. Sklyarevskaya et al. (ed.). Leningrad, AN SSSR, Leningr. dep. Institute of Linguistics, 1990, pp. 29–30. (In Russ.)
- Graudina L. K. *Voprosy normalizatsii russkogo yazyka. Grammatika I variant* [Normalization issues of the Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 288 p.
- Kopotev M. V., Steksova T. I. *Isklyucheniye kak pravilo. Perekhodnyye yedinitys v grammatike i slovare* [Exception as a rule. Transitional units in grammar and vocabulary]. Moscow, Yazyki Slavyanskoj Kul'tury, 2016. 168 p.
- Lekant P.A. [Subjective analytical category of intensive in the Russian language]. *Analitizm v leksiko-grammaticheskoy sisteme russkogo yazyka. Monografiya* [Analyticism in the lexical and grammatical system of the Russian language. Monograph]. P.A. Lekant (ed.). Moscow, MGOU, 2011, pp. 130–136. (In Russ.)
- Lekant P. A. *Analiticheskie formy i analiticheskie konstrukcii v sovremennom russkom yazyke: monografiya* [Analytical forms and analytical constructions in modern Russian: Monograph]. Moscow, MGOU Publ., 2015. 86 p.

- Lehmann Ch. Theory and method in grammaticalization. *Zeitschrift für Germanistische Linguistik*. 2004. Bd. 32. № 2, pp. 152–178.
- Liu Dayang. *Frazeologizmy v russkoy povsednevnoy rechi: tipologiya i funktsionirovanie*. Dis. ... kand. filol. nauk [Phraseological units in Russian everyday speech: typology and functioning. PhD thesis.]. St. Petersburg, 2020. 201 p. (In Russ.)
- Manning C. D., Schütze H. *Collocations. Foundations of statistical natural language processing*. Cambridge, MA: MIT Press, 1999. 680 p.
- Meillet A. L'évolution des formes grammaticales. *Linguistique historique e linguistique générale*. Paris: Société de Linguistique Paris. 1912. Vol. 2. Aufl, pp. 130–148.
- Potebnya A. A. *Iz zapisok po russkoy grammatike* [From notes on Russian grammar]. V. 1–2. Moscow, Uchpedgiz, 1958. 536 p.
- Pragmaticheskiye markery russkoy povsednevnoy rechi: Slovar'-monografiya* [Pragmatic markers of Russian everyday speech: dictionary-monograph]. N. V. Bogdanova-Beglarian (ed.). St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2021. 520 p.
- Priyemysheva M. N. [Colloquial vocabulary vs colloquial speech: tendencies and problems of lexicographic description]. *Povsednevnyaya rech' kak objekt leksikografii (XIII Shmelevskiy chteniya)* [Everyday speech as an object of lexicography (XIII Shmelev Readings)]. Abstracts report international conf. (23–25 February 2020), L. P. Krysin (ed.). Moscow, IRYA RAN, 2020, pp. 58–59. (In Russ.)
- Rodionova I.G. *Razvitiye analiticheskikh form i analiticheskikh konstruktsiy v grammaticheskom stroe sovremennogo russkogo yazyka: avtoreferat dis. ... d-ra filol. nauk* [Development of analytical forms and analytical constructions in the grammatical structure of the modern Russian language: Abstract of the thesis. ... Dr. philol. sci. diss.]. Tambov, 2020. 45 p. (In Russ.)
- Russkiy yazyk povsednevnogo obshcheniya: osobennosti funktsionirovaniya v raznykh sotsial'nykh gruppakh. Kollektivnaya monografiya* [Russian language of everyday communication: features of functioning in different social groups. Collective monograph] / N. V. Bogdanova-Beglarian (ed.). St. Petersburg, LAYKA, 2016. 244 p.
- Sun Xiaoli [*Samyi* as a word-intensifier in the modern Russian language: usage models]. *Mir russkogo slova*, no. 3, 2021a, pp. 53–60. (In Russ.)
- Sun Xiaoli [The word *SAMYI* on the Fan Scale of Transitivity (According to the data of the Speech Corpus)]. *Yazyki i kul'tury: funktsional'no-kommunikativnyy i lingvopragmaticheskiy aspekty*. Sb. statey po materialam II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati S. G. Sterligova [Languages and cultures: functional-communicative and linguopragmatic aspects. Sat. articles on the materials of the II International Scientific and Practical Conference dedicated to the memory of S. G. Sterligov] / N. A. Voskresenskaya (ed.). Nizhny Novgorod, May 12–13, 2021. N. Novgorod, Nizhegorodskii Un-t im. N. I. Lobachevsky, 2021b, pp. 241–246. (In Russ.)
- Shanskiy N. M. *Leksika i frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Lexicon and phraseology of the modern Russian language]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1957. 168 p.

Сунь Сюэли. Слово *самый* в свете активных процессов русской речи (грамматикализация, идиоматизация...)
Sun Xiaoli. The Word *Samyj* in the Light of Active Processes of Russian Speech (Grammaticalization, Idiomaticization...)

Traugott E. C. Constructions in grammaticalization. *The handbook of historical linguistics* (B. Joseph, R. Janda, eds.). Oxford: Blackwell, 2003, pp. 624–647.

Uryson E. V. [Dictionary entry of the pronoun SAMYJ]: Lexical system of language and diachronicity]. *Teoreticheskaya lingvistika i leksikografiya: opyty sistemnogo opisaniya leksiki* [Theoretical linguistics and lexicography: experiments on the systemic description of vocabulary] Yu. D. Apresyan (ed.). Moscow, 1995, pp. 126–139. (In Russ.)

Vinogradov V. V. *Russkiy yazyk. Grammaticheskoye ucheniye o slove* [Russian language. Grammar doctrine about the word]. Moscow; Leningrad, St. Study-ped. Publ., 1947. 784 p.

Zvukovoy korpus kak material dlya analiza russkoy rechi. Kollektivnaya monografiya. Chast' 1. Chteniye. Pereskaz. Opisaniye [Speech sound corpus as a material for the analysis of Russian speech: a collective monograph. Part 1. Reading. Retelling. Description] N. V. Bogdanova-Beglarian (ed.). St. Petersburg, Filologicheskij f-t SPbGU, 2013. 532 p.

О вариативном написании строчных и прописных букв в некоторых группах лексики русского языка

Сергей Дмитриевич Шелов¹, Татьяна Дмитриевна Четверикова²,

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва),

volehs@mail.ru¹; tchetverikova@mail.ru²

DOI: 10.31857/S013161170019840-3

АННОТАЦИЯ: Значительную проблему в письменной речи составляет выбор строчной или прописной буквы при написании некоторых слов русского языка. Рекомендации по использованию строчных и прописных букв в подобной лексике содержатся в орфографических словарях и справочниках, в том числе в материалах, одобренных Орфографической комиссией при Отделении историко-филологических наук РАН. Однако на практике, в некоторых текстах печатных СМИ, в ряде официальных документов, данные рекомендации не соблюдаются. Более того, при использовании строчных и прописных букв в написании отдельных лексических единиц, по данным Национального корпуса русского языка, часто наблюдается непоследовательность (ср., например, *Государственная дума — Государственная Дума, Верховный суд — Верховный Суд, Великий пост — великий пост и Великий Пост, Страшный суд — страшный суд и Страшный Суд* и др.).

Задача данной статьи — выявить орфографические варианты написания строчной/ прописной букв, которые актуальны для двух групп лексики русского языка — названий государственных, административных органов Российской Федерации, государственных должностей и т. п., а также слов церковно-религиозной тематики современного русского

языка, и указать на некоторые причины такого разнобоя в написании соответствующих слов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: орфография русского языка, орфографические словари, прописная буква, строчная буква

для цитирования: Шелов С. Д., Четверикова Т. Д. О вариативном написании строчных и прописных букв в некоторых группах лексики русского языка // Русская речь. 2022. № 2. С. 24–37. DOI: 10.31857/S013161170019840-3.

Issues of Modern Russian Language

On Variable Spelling of Lowercase and Uppercase Letters in Some Groups of the Russian Language Vocabulary

Sergei D. Shelov¹, Tatyana D. Chetverikova², Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), volehs@mail.ru¹; tchetverikova@mail.ru²

ABSTRACT: A rather difficult problem in producing text in Russian is the choice of lowercase or uppercase letters for some words. Recommendations on the use of lowercase and uppercase letters do exist in spelling dictionaries and reference books – including materials approved by the Spelling Commission at the Department of Language and Literature of the Russian Academy of Sciences. However, in practice these recommendations are not followed in some texts of print media and in a number of official documents, moreover, according to the data of the Russian National Corpus, inconsistency in using lowercase and uppercase letters in individual lexical units is often observed (cf., for example, *Государственная дума* (the State дума) – *Государственная Дума* (the State Дума), *Верховный суд* (the Supreme court) – *Верховный Суд* (the Supreme Court), *Великий пост* (Great lent) – *великий пост* (great lent) – *Великий Пост* (Great Lent), *Страшный суд* (the Last judgment) – *Страшный Суд* (the Last Judgment) etc.).

The aim of this contribution is to identify spelling variants of lowercase / uppercase letters that are relevant for two groups of vocabulary of the Russian language — titles of state and administrative bodies of the Russian Federation and words from clerical and religious spheres of the modern Russia; and to point out some reasons of such discrepancies in spelling of the corresponding words.

KEYWORDS: Russian language orphography, orphography dictionaries, uppercase letter, lowercase letter

FOR CITATION: Shelov S. D., Chetverikova T. D. On Variable Spelling of Lowercase and Uppercase Letters in Some Groups of the Russian Language Vocabulary. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2022. No. 2. Pp. 24–37. DOI: 10.31857/S013161170019840-3.

Вариативное написание строчных и прописных букв представляет отдельный аспект проблемы вариативности лексики в современном русском языке. Этот вопрос далеко не нов: его обсуждению посвящена обширная литература, изданы рекомендательные орфографические словари и справочники, которые регламентируют написание больших классов слов и отдельных сложных случаев [Розенталь 1984; Лопатин, Нечаева, Чельцова 2007]. Некоторые из этих словарей содержат правила употребления прописных и строчных букв, одобренные Орфографической комиссией при Отделении историко-филологических наук РАН. Однако, как мы полагаем, необходимо обращать внимание не только на сами правила, но и на практику их использования / неиспользования, в которой отражается реальная речевая деятельность носителей языка [Бешенкова, Иванова 2011; Нечаева 2011, 2015; Нечаева, Перцов 2020; Шмелев 2017].

Весьма противоречивые, на наш взгляд, случаи написания строчных и прописных букв встречаются в лексике, отражающей реалии политической, правовой, идеологической и т. п. жизни государства, а также в религиозной лексике. В отношении религиозной лексики детально этот вопрос рассматривается в работе А. Д. Шмелева, который отмечает не только разницей в написании соответствующих единиц, но и непоследовательность (а иногда и противоречивость) самих правил, которыми рекомендуется руководствоваться при решении этого вопроса [Шмелев 2017]. Что касается вариативного написания строчных и прописных букв в названиях органов власти, учреждений, должностей и т. п., то этот вопрос исследуется

в работах [Васильева 2018; Карпович 2014; Пономарева 2001; Хакимова 2018] и др.

В данной статье мы не будем касаться вопроса о необходимости нормализации и кодификации различных написаний или избыточности таковых, а ограничимся указанием на орфографические варианты строчная/прописная начальная буква слова, которые актуальны для названной лексики, сопровождая те или иные орфографические воплощения слова или словосочетания примерами из Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ)¹, а также попытаемся выявить некоторые причины такого разнобоя в написании соответствующих слов.

Так, «Русский орфографический словарь» [Лопатин, Иванова (ред.) 2012] предписывает словосочетания [*Верховный суд РФ*], [*Конституционный суд РФ*], [*Высший арбитражный суд РФ*] и т. п. писать по правилам русского языка: первое слово с прописной, второе — со строчной. Такое оформление часто встречается в СМИ, но журналисты не всегда его придерживаются, и в употреблении строчной и прописной буквы в данных словосочетаниях иногда наблюдается разницей, например:

*В 2018 году, как следует из статистики судебного департамента при **Верховном суде**, за уклонение от уплаты налогов осуждены более 566 человек (Путин поддержал идею пореже сажать бизнесменов // lenta.ru, 2019.12.10). Организация «Талибан» признана **Верховным Судом России** террористической организацией, ее деятельность запрещена на территории страны (Раздел «Армия». Организация «Талибан» объявила о перемирии на Ураза-Байрам // gazeta.ru, 2018.06.09);*

*В январе 2017 года **Конституционный суд** России (КС) потребовал пересмотра приговора (Правительство не поддержало смягчение «дадинской» статьи // Коммерсант, 2019.12.16); Как сообщает телеканал, депутаты включили в повестку дня сессии и направили на заключение в **Конституционный Суд** законопроекты № 7203 и № 6773 (Раздел «Политика». Большинство нардепов Рады поддержали закон об отмене депутатской неприкосновенности // gazeta.ru, 2017.10.19);*

*В 1992 году была назначена судьей **Высшего Арбитражного Суда** Российской Федерации (ВАС РФ), с 1995 года — председатель 1 судебного*

¹ Для усиления справочного характера информации об имеющихся вариантах мы приводим также написания, соответствующие нормам «Русского орфографического словаря» [Лопатин, Иванова (ред.) 2012] и зафиксированные в Орфографическом академическом ресурсе «Академос» на сайте <http://orfo.ruslang.ru>; эти данные даются в квадратных скобках, например [*Святая Троица*] или [*Высший арбитражный суд РФ*].

состава, занимавшегося договорными спорами (Умерла судья Верховного суда Ольга Козлова // Коммерсант, 2016.04.13); В 2014 году **Высший арбитражный суд** отказал ФАС и компании «Торнадо» в пересмотре решения властей Краснодарского края, запретивших продажу слабоалкогольных энергетических напитков в регионе (В Якутии запретили продажу слабоалкогольных энергетиков // lenta.ru, 2015.10.14); Американская компания подала апелляцию в **Высший Арбитражный суд** России, однако суд отказал в рассмотрении иска (Омский предприниматель выиграл суд у Coca-Cola // lenta.ru, 2014.10.29).

Тот же разницей встречается и в написании названий органов власти, государственных должностей, например [Государственная дума], [Федеральное собрание], [Совет Федерации], что подтверждается вариантами Государственная дума — Государственная Дума; Федеральное собрание — Федеральное Собрание; совет Федерации — Совет Федерации и др.

Приведем соответствующие примеры из НКРЯ с некоторыми комментариями:

Депутат Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации седьмого созыва Николай Валуйев прокомментировал поражение Дениса Лебедева от южноафриканского боксера Табисо Мчуну (Отдел «Спорт». Депутат Валуйев пожалел проигравшего боксера Лебедева // gazeta.ru, 2019.12.22).

В том же источнике встречаем похожий текст, но с иным написанием тех же органов власти:

Депутат Государственной Думы федерального собрания Российской Федерации седьмого созыва Николай Валуйев прокомментировал победу российского боксера Артура Бетербиева над украинцем Александром Гвоздиком в бою за титул чемпиона мира по версиям Всемирного боксерского совета (WBC) и Международной боксерской федерации (IBF) (Отдел «Спорт». Валуйев прокомментировал победу Бетербиева над Гвоздиком // gazeta.ru, 2019.10.19).

И уж совсем странно, что в одном и том же тексте одного и того же источника каждый раз встречается новое написание одного и того же самого органа власти:

*Пресс-секретарь российского президента Дмитрий Песков не исключил, что послания президента **Федеральному Собранию** до конца 2019 года может не быть <...> Путин объяснил «оборонную» часть прошлогоднего послания **Федеральному собранию** (Раздел «Политика». Песков не исключил, что послания Путина Федеральному Собранию может не быть до конца года // gazeta.ru, 2019.11.05).*

Утром 11 декабря совет Федерации начал очередное заседание с минуты молчания в память о бывшем мэре Москвы Юрии Лужкове, скончавшемся в Германии 10 декабря на 84-м году жизни. <...> Спикер верхней палаты парламента Валентина Матвиенко напомнила, что Лужков с 1996 по 2001 годы представлял Москву в Совете Федерации (В Совете Федерации почтили Лужкова минутой молчания // Московский комсомолец, 2019.12.11).

Заметим, что в орфографическом словаре [Лопатин, Нечаева, Чельцова 2007: 353] отмечается, что в текстах официальных документов глава государства — Президент РФ (России) — пишется с прописной буквы. И лишь в неофициальных высказываниях рекомендуется употреблять строчную букву (напр., выборы президента). Однако в материалах газетного подкорпуса НКРЯ даже при ссылке на тексты официальных документов данное правило подчас игнорируется:

В тексте документа уточняется, что консультации с Кириенко и Вайно устанавливаются в соответствии с указом президента от 11 июля 2013 года № 620 «Об утверждении Положения о порядке внесения и рассмотрения предложений о кандидатурах на должность высшего должностного лица (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти) субъекта Российской Федерации» (Раздел «Политика». Вайно и Кириенко будут консультироваться с партиями по кандидатам на пост глав субъектов // gazeta.ru, 2017.07.19),

По поводу такого официального названия документа, как Указ Президента РФ, также есть рекомендация в работе [Лопатин, Нечаева, Чельцова 2007: 448]: Указ Президента Российской Федерации (как первые слова офиц. названия документа); но: указы Президента Российской Федерации. Однако и в этом случае журналисты не всегда придерживаются установленных правил, о чем свидетельствует предыдущий пример из НКРЯ, в котором слово «Указ» является первым словом официального названия документа, но написано оно со строчной буквы.

Интересен тот факт, что в специальных лингво-юридических справочниках² четко прослеживается иная тенденция в отношении рассматриваемых словосочетаний — все слова пишутся с прописной буквы — Верховный Суд РФ, Конституционный Суд РФ, Высший Арбитражный Суд РФ, Государственная Дума, Федеральное Собрание, Совет Федерации, Президент РФ (России), Указ Президента РФ и др.

² Таковы, например, «Справочник по оформлению правовых актов в Администрации Президента Российской Федерации»: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70111106/>, «Справочник по оформлению актов в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации»: <http://council.gov.ru/activity/analytics/publications/388/> и др.

Следует отметить, что такие правила написания сложились в многолетней юридической практике и зафиксированы не только в упомянутых материалах, но и в так называемых «Памятках для корректора и редактора», которые имеются во многих редакционно-издательских отделах учебно-научных юридических организаций, а также в издательствах, специализирующихся на выпуске в печать большей частью юридической литературы³. Несмотря на то, что подобные справочники не издаются большими тиражами и не имеют ссылок на литературу, в них наблюдается единообразие и логика в оформлении строчных и прописных букв, основывающиеся на следующем:

- а) написание некоторых слов юридической литературы с прописной буквы следует их написанию в Конституции РФ, других законодательных актах, а не правилам русского языка;
- б) использование прописных букв в названиях органов власти, организаций, должностей и т.п. чаще всего зависит от места объекта в структуре власти.

Так, функционирование лексики, отражающей новые современные реалии политической и правовой жизни российского государства, иногда создает свои правила, выходящие за рамки лингвистических предписаний. Можно отметить, что, попадая в контекст официальных документов, данная лексика выполняет не только номинативную функцию, но и отражает иерархию в системе органов власти, учреждений, должностей и т. п. Если в официально-деловой литературе соблюдаются лингво-юридические критерии выбора строчной/прописной букв, то в печатных СМИ, как показывает анализ текстового материала, и лингвистические, и юридические рекомендации полностью игнорируются.

Рассмотрим теперь совсем другую сферу функционирования языка — лексику религиозной и церковной тематики. Имея давнюю историю и в большинстве своем определенную традицию написания, эта лексика довольно противоречива в выборе написания строчных и прописных букв. Более того, в современном редакционно-издательском справочнике по оформлению церковных печатных изданий находим весьма толерантный подход к проблеме использования строчной/прописной буквы в рассматриваемой группе слов: «Употребление прописной буквы — особый случай, который всякий раз требует специального описания и весомого обоснования. ... Текст не должен быть перегружен прописными буквами,

³ Подобные «Памятки» предназначены только для служебного пользования и доступны лишь непосредственно сотрудникам той или иной организации. Здесь речь идет о редакционно-издательском отделе учебно-научной юридической организации «Академия Генеральной прокуратуры РФ», а также издательствах «Юрайт», «Норма» и «Новая адвокатская газета».

иначе возникают проблемы с его зрительным восприятием, а сами прописные буквы стремительно девальвируются в сознании читателя. Сказанное касается как светских, так и церковных текстов. ... Осознавая, что никакие руководства и справочники не могут вместить в себя все многообразие словоупотребления, следует признать допустимым и нормальным наличие вариантов в написании различных слов, словосочетаний и терминов в зависимости от жанра текста, предполагаемой аудитории, индивидуальных авторских предпочтений. При этом необходимо воздержаться от сколько-нибудь жесткой регламентации написания строчных и прописных букв в художественных текстах: в произведениях подобного рода язык является не только средством, но и целью. Не следует ограничивать свободу авторского замысла» [Справочник... 2015: 120]⁴.

Тем не менее в словарях русского языка есть четкие правила по употреблению строчных/прописных букв в именах собственных, названиях праздников и т. п. в соответствии с нормами русского языка. Так, согласно нормативным словарям, однословные названия церковных праздников должны писаться с прописной буквы, таковы [*Масленица*] и [*Святки*].

*Однако, судя по многочисленным описаниям святочных празднеств в журналах 1820-х — 1830-х годов, в эту пору рождественское дерево в большинстве русских домов еще не ставилось. Ни Пушкин, ни Лермонтов, ни их современники никогда о ней не упоминают, тогда как **Святки**, святочные маскарады и балы описываются в это время постоянно: святочные гаданья даны в балладе Жуковского «Светлана» (1812), **Святки** в помещицьем доме изображены Пушкиным в V главе «Евгения Онегина» (1825), в сочельник происходит действие поэмы Пушкина «Домик в Коломне» (1828), к **Святкам** (зимним праздникам) приурочена драма Лермонтова «Маскарад» (1835). Ни в одном из этих произведений о елке не говорится ни слова (Е. Душечкина, Л. Берсенева. Три века русской елки // «Наука и жизнь», 2007).*

Но, как свидетельствуют данные НКРЯ, написание этих слов со строчной буквы встречается регулярно, а существительное *святки* встречается в таком написании чуть ли не чаще, чем написание с прописной, указанное в словарях как правильное:

*27 декабря 1914 г. Впервые такие грустные **святки**. Мне так плохо! Мартыановы уехали на каникулы (М. Шишкин. Венерин волос, 2004); Блюдо это привычно, скорее, как десертное, но продают блины и с мясом, и с сыром, и с другими начинками, спрос на них заметно возрастает весной, на **масленицу** (О. Колева. Буфет на колесах // «Бизнес-журнал», 2004.01.30).*

⁴ Авторы признательны рецензенту настоящей статьи за указание на данный справочник.

Особенно разнообразно написание церковных обозначений, выраженных словосочетаниями. Так, НКРЯ дает примеры трех различных написаний словосочетания [*Святая Троица*]:

- а) все слова начинаются с прописной буквы: *После смерти жизнь не особенно изменится, никакого рая, никакого ада. Сам по себе дом, заключавший внутри себя трехкамерный двор и бряцающие цепями фонари в арках, и был Царством Небесным, только **Святая Троица** давно оставила его без присмотра* (Д. Симонова. Легкие крылышки, 2002);
- б) все слова начинаются со строчной буквы: *Ох, нет, протопоп, жалеть жалей страдальцев миленьких, но сбить себя с прямого пути не давай. И ради **святой троицы** не щади ни ближних своих, ни себя самого* (Ю. Нагибин. Огненный протопоп, 1972–1979);
- в) синтаксически главное слово начинается с прописной буквы, а синтаксически подчиненное слово — со строчной: — *Почему вы решили обратиться к Новому завету — к эпизоду, в котором божественное явление в человеческой природе, когда происходит Откровение всех ликом **святой Троицы**?* (Л. Малюкова. Разговор на три голоса. Интервью музыкантов Эдуарда Артемьева и Владимира Минина — «Новой» // Новая газета, 2018.10.14).

Сказанное в той же мере распространяется и на выражение [*Пресвятая Троица*], написание которого обнаруживает, по данным НКРЯ, такую графемную вариативность, ср.:

- а) *Миру была явлена **Пресвятая Троица**: Бог-Сын, Бог-Дух Святой, сошедший на Христа в виде голубя, и Бог-Отец, свидетельствовавший о Христе с небес* (О. Липич. Митрополит Кирилл совершит освящение воды в Богоявленском соборе // РИА Новости, 2009.01.19);
- б) *Сергий усмотрел в том видении волю Божию и заповедал основать Павлу обитель во славу **пресвятой Троицы*** (С. Еремеева. Лекции по русскому искусству, 2000);
- в) *Голоса **пресвятой троицы** воззвали: «Иди, спаси святую церковь от козней врага рода человеческого»* (Р. Штильмарк. Наследник из Калькутты, 1950–1951).

Следует отметить, что словари и справочники советского периода предписывали использовать строчную букву практически во всех словах, касающихся церковной и религиозной тематики, соответственно, в некоторых художественных текстах того времени слова данной группы, скорее всего, намеренно писались со строчной буквы, о чем свидетельствуют приведенные выше примеры из произведений Ю. М. Нагибина

и Р. Штильмарка. Добавим к сказанному еще несколько примеров, ярко иллюстрирующих сказанное:

*К каждому празднику своя стряпня, **рождество** ли, **пасха**, **масленица**, именины возьми* (В. Личутин. Крылатая Серафима, 1977). *Пельменей у меня в кладовке полмешка заморожено, на все **святки** хватит...* (М. Халфина. Простая история, 1978).

Заметим, что в подобных примерах в наше время преобладающим все же является написание [*Троицы*] с прописной буквы; написание главного слова со строчной буквы, хотя и встречается, но, скорее, как исключение. Противоположный случай представляет неоднократно обсуждавшееся выражение [*Страшный суд*]. Нормативные предписания диктуют только приведенную выше графемную реализацию, ср.:

*Красин, как и ряд других большевиков-интеллигентов, был очарован идеей философа Николая Федорова о воскрешении всех предков до второго пришествия Христа, чтобы они избежали **Страшного суда*** (Е. Черных. Ильича планировали воскресить // Комсомольская правда, 2014.01.23).

Однако практика использования этого выражения охватывает и другие написания, ср.:

*Почему Всевышний и в Коране, и в Библии пугает нас **страшным судом**, обещает наказание адом?* (С. Поворазнюк. «Ему смягчат срок, если он проявит желание исправиться» // lenta.ru, 2016.09.06);

*Страшиновато, если тот самый владыка и пастырь, который готовит твою душу к предстоянию на **Страшном Суде**, расхаживает по космодромам, стадионам или заправочным станциям и, размахивая кадиллом, освящает все, от мяча до ракеты* (Гоп-политика, гоп-журналистика, гоп-религия. Михаил Эпштейн — о том, чем определяется эта новая государственная субкультура // Новая газета, 2017.11.13).

В аналогичной ситуации оказывается выражение [*Великий пост*], называющее важнейшую часть литургического года. Литературно-нормативное написание подразумевает использование строчной буквы для слова *пост* и заглавной — для слова *Великий*: *Великий пост*, однако практическое словоупотребление, как и выше, демонстрирует бóльшее разнообразие, ср.:

*В обычные дни **Великого поста** подавал капусту с маслом, крошеную редьку, тертую с медом бруснику, в дни же субботние и воскресные — черную икру с луком или красную икру с перцем* (Е. Водолазкин. Лавр, 2012);

*Так вот, в этом отеле в первый день **великого поста** рекламируются «лучшие свиные рульки» (А. Ахмадиева. П. Гусев: «Для Исаева газета МК закрыта» // Известия, 2013.03.18);*

*С понедельника в православной России начнется **Великий Пост** (Е. Таскина. В магазины Екатеринбурга начали завозить продукты для православных — с понедельника начинается Великий Пост // Новый регион 2, 2010.02.12).*

После сказанного не будет удивительным разноречивой в написании названий трех летних православных праздников, посвященных Христу Спасителю, — [Медовый Спас], [Яблочный Спас], [Ореховый Спас], ср.:

*По древнему обычаю пчеловоды стараются принести первые вырезанные соты. Вот почему в народе этот день называют первым **Медовым Спасом** (Итоговый выпуск вечерний — 15.08.05 18:00 — Нижний Новгород // Новый регион 2, 2005.08.16);*

*Прихожанка местного храма Анна — сама мать пятерых детей — вспомнила, как глава семейства Алексей угощал их яблоками в **Яблочный Спас** (Е. Лебедева, Фото из личного архива семьи Моисеевых. Девочку, потерявшую на пожаре семью, хочет удочерить священник // Комсомольская правда, 2012.02.15);*

*Впереди еще — **Яблочный и Ореховый Спасы**. В этот день вместе с освящением воды совершается освящение меда. Его также называют «Спас на воде», «Мокрый Спас», так как в Русской Церкви это празднество соединилось с воспоминанием Крещения Руси 1 августа (ст. ст.)⁵ (14 августа // РИА Новости, 2007.08.14);*

*За Китай же городом сразу начинались городские усадьбы, почти непременно окруженные садами, сиренью, службами; монастыри, обязательно встречавшие **яблочный Спас** урожаем собственных яблок (В. Голованов. Есть ли жизнь в Москве? // «Столица», 1997.06.17);*

*Сокрушался, что не может выпить в связи с **яблочным спасом**. Спросил — сколько? Оказалось, что 40 рублей на чекушку (В. Тучков. Прибытие поезда. Надуманное // «Волга», 2014);*

*19 августа состоится конкурс «Лучший молочный и мясной продукт по оценке посетителей», пройдет «Медовый бал», приуроченный к **медовому Спасу** (Ю. Малецкая. Южноуральская выставка «АГРО-2010» пройдет под знаком молодежи // Новый регион 2, 2010.08.06).*

Медовый спас можно считать праздником всех пчеловодов, ведь по народным приметам к первому спасу мед созревает и его можно употреб-

⁵ По старому стилю (прим. ред.).

*лять в пищу. В народе говорят так: на **медовый спас** заламывай соты. Если этого не сделать, то пчелы с соседних пчелок вытаскают весь мед из ульев. А еще на **медовый спас** улетают ласточки и стрижи, что считается первым признаком приближающейся осени (Итоговый выпуск вечерний — 13.08.04 // Новый регион 2, 2004.08.14).*

Встречается и совсем странная реализация этих наименований, при которой главное слово начинается со строчной графемы, а подчиненное слово — с прописной, ср.:

*В **Яблочный спас** освящать можно практически любые овощи и фрукты, но все же главное — это яблоки (16 августа в Кирове у цирка освящают мед // Комсомольская правда, 2008.08.13) или Ближе к этим числам певчие птицы будут переселяться на лесные поляны, опушки — то есть туда, где и солнца больше, и теплее, и сытнее по части насекомых. Уже на **Медовый спас** могут улететь первые ласточки, а за ними и стрижи в теплые края (А. Копчиков. Угости сиротку медом // Труд-7, 2006.08.10).*

Итак, вариативное написание строчных и прописных букв в названиях государственных, административных органов Российской Федерации, государственных должностей и др. обусловлено функциональной спецификой этой лексики; расходясь с рекомендациями правил русской орфографии, такая лексика создает собственные правила, в некоторых случаях выходящие за рамки чисто лингвистических установлений, но все же имеющие под собой известные основания другого рода. Религиозная лексика консервативна, в ней выбор строчной или прописной букв обусловлен многолетней церковно-религиозной и культурно-речевой традицией, однако, попадая в светскую литературу, такая лексика порой теряет особый статус, характерный для религиозного контекста, и выполняет лишь номинативную функцию. Этими причинами, на наш взгляд, и объясняются случаи ее вариативного написания в письменной речи.

Литература

- Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Современная орфографическая вариативность: тенденция к унификации/дифференциации написаний // Язык и социальная действительность. Красноярск, 2011. С. 5–19.
- Васильева М. И. Новые функции прописной буквы в современном русском языке: автореф. ... дис. канд. филол. наук. Тверь, 2018. 20 с.

- Карпович М. И.* Конкуренция прописной и строчной букв в современном языке // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2014. Т. 14. № 3. С. 25–30.
- Лопатин В. В., Иванова О. Е.* (ред.). *Русский орфографический словарь*: около 200 000 слов. Изд. 4-е, испр. и доп. М.: АСТ ПРЕСС, 2012. 896 с.
- Лопатин В. В., Нечаева И. В., Чельцова Л. К.* Прописная или строчная? Орфографический словарь. М.: Эксмо, 2007. 512 с.
- Нечаева И. В.* Орфографическая кодификация сегодня и коллегиальность нормативных решений // Кодификация норм современного русского языка: результаты и проблемы. СПб., 2011. С. 38–39.
- Нечаева И. В.* Некоторые особенности сложившейся орфографической кодификации и реалии современного письма // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2015. № 1. С. 49–61.
- Нечаева И. В., Перцов Н. В.* О вариативности в русской орфографии // Русский язык в научном освещении. 2020. № 1. С. 10–35.
- Орфографический академический ресурс «Академос» [Электронный ресурс]. URL: <http://orfo.ruslang.ru>
- Пономарева Н. И.* Употребление прописной буквы в официонимах: Проблема совершенствования орфографической нормы: дис. канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 197 с.
- Редакционно-издательское оформление церковных печатных изданий: справочник автора и издателя. М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2015. 208 с.
- Розенталь Д. Э.* Прописная или строчная? Опыт словаря-справочника. М.: Русский язык, 1984. 28 с.
- Хакимова Е. М.* Некодифицированные употребления прописных/строчных букв в текстах массовой коммуникации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 56. С. 166–186.
- Шмелев А. Д.* Прописные буквы в светской и церковной печати // Сретенский сборник. Вып. 7–8. М., 2017. С. 698–734.

References

- Beshenkova E. V., Ivanova O. E. [Modern spelling variability: the trend towards unification/differentiation of spellings]. *Yazyk I sotsial'naya deistvitel'nost'*. Krasnoyarsk, 2011, pp. 5–19. (In Russ.)
- Karpovich M. I. [Competition between uppercase and lowercase letters in the modern language]. *News of Saratov University. A new series. Series: Philology. Journalism*, 2014, vol. 14, no. 3, pp. 25–30. (In Russ.)

- Khakimova E. M. [Uncodified use of uppercase / lowercase letters in mass communication texts]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* 2018, no. 56, pp. 166–186. (In Russ.)
- Lopatin V. V., Ivanova O. E. (eds.). *Russkii orfograficheskii slovar': okolo 200 000 slov* [Russian orthography dictionary: about 200,000 words, 4th ed., corr. and add.]. Moscow: ASTPRESS Publ., 2012. 896 p.
- Lopatin V. V., Nechaeva I. V., Chel'tsova L. K. *Propisnaya ili strochnaya? Orfograficheskii slovar'* [Uppercase or lowercase? Spelling dictionary]. Moscow: Exmo Publ., 2007, 512 p.
- Nechaeva I. V. [Spelling codification today and collegiality of regulatory decisions]. *Kodifikatsiya norm sovremennogo russkogo yazyka: rezul'taty i problemy* [Codification of norms in modern Russian: results and problems]. St. Petersburg, 2011, pp. 38–39. (In Russ.)
- Nechaeva I. V. [Some features of current spelling codification and practice of modern writing]. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie*, 2015, no. 1, pp. 49–61. (In Russ.)
- Nechaeva I. V., Pertsov N. V. [On variability in Russian spelling]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshcheni*, 2020. no. 1, pp. 10–35. (In Russ.)
- Orfograficheskii akademicheskii resurs "Akademos"* [Orphography academic resource "Akademos"]. Available at: <http://orfo.ruslang.ru>
- Ponomareva N. I. *Upotreblenie propisnoi bukvy v ofitsionimakh: Problema sovershenstvovaniya orfograficheskoi normy*. Dis. kand. filol. nauk [The use of uppercase letters in official names: The problem of improving the spelling norm. Diss. of philol. sci.]. Volgograd, 2001. 197 p.
- Redakcionno-izdatel'skoe oformlenie tserkovnyh pechatnyh izdaniy: spravochnik avtora i izdatelya* [Editorial and publishing design of church printed publications: handbook for authors and publishers]. Moscow, Publishing House of the Moscow Patriarchy of the Russian Orthodox Church, 2015. 208 p.
- Rozental' D. E. *Propisnaya ili strochnaya? Opyt slovarya-spravochnika* [Uppercase or lowercase letter? Dictionary development]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1984. 28 p.
- Shmelev A. D. [Uppercase letters in secular and ecclesiastical press]. *Sretenskii sbornik*. Issue 7–8. Moscow, 2007, pp. 698–734.
- Vasil'eva M. I. *Novye funktsii propisnoi bukvy v sovremennom russkom yazyke* [New functions of the uppercase letter in modern Russian. Cand. philol. sci. abstr. of diss.]. Tver, 2018. 20 p.

Из истории русского языка

Еще раз об известном фразеологизме *Тамбовский волк тебе товарищ*: вариативность компонентов и контексты употребления

Мария Вячеславовна Ахметова, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Москва), malinx@rambler.ru

DOI: 10.31857/S013161170019841-4

АННОТАЦИЯ: На материале восточнославянской (преимущественно русской) литературы XIX–XX вв. рассматривается модель, по которой образован фразеологизм *Тамбовский/брянский волк тебе товарищ*. В качестве субъектов в рамках данной модели выступает, наряду с *волком*, широкий набор персонажей, связанных с семантикой в широком смысле «нечистого», демонического, опасного и используемых в пейоративных конструкциях: *черт, собака (пес, кобель), свинья* и др. С семантической точки зрения такие формулы сопоставимы с высказываниями, делегирующими «нечистому» персонажу действия, которые говорящий отказывается выполнять. Как до вхождения в оборот обращения *товарищ* (в том числе в «классовом» значении), так и после этого конструкции типа *Тамбовский волк тебе товарищ* могут служить клишированным ответом на любое обращение (в том числе на термины родства, используемые как буквально, так и метафорически) либо на характеристику, устанавливающую отношения между двумя лицами (*друг, земляк, свой* и т. д.); в отдельных случаях являются реакцией практически на любое высказывание собеседника, тем самым реализуя функции установления дистанции по отношению к автору предыдущей реплики, его передразнивания и т. д.

М. В. Ахметова. Еще раз об известном фразеологизме *Тамбовский волк тебе товарищ*: вариативность компонентов...

M. V. Akhmetova. Once More on the Popular Phraseological Unit 'Tambov Wolf Is Your Comrade': Variability...

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: фразеологизм, формула, пейоратив, тамбовский волк, вариативность

для цитирования: Ахметова М. В. Еще раз об известном фразеологизме *Тамбовский волк тебе товарищ*: вариативность компонентов и контексты употребления // Русская речь. 2022. № 2. С. 38–52. DOI: 10.31857/S013161170019841-4.

благодарности: Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

From the History of the Russian Language

Once More on the Popular Phraseological Unit 'Tambov Wolf Is Your Comrade': Variability of Components and Contexts of Usage

Maria V. Akhmetova, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Moscow), malinxi@rambler.ru

ABSTRACT: The paper is based on the material of the 19th–20th centuries East Slavic (principally Russian) literature. The author analyzes the model underlying the phraseological unit *Tambovskii/bryanskii volk tebe tovarishch* (lit. 'Tambov/Bryansk wolf is your comrade'). Besides 'wolf', the discussed model can include such subjects, as 'devil', 'dog', 'swine' etc., which are associated with semantics of something, that possesses "unclean", demonic or dangerous nature, and are used in pejorative constructions. From a semantic point of view, such formulas concern the statements delegating an action that the speaker refuses to perform to an "unclean" character (mostly to devil). Both before the word *tovarishch* 'comrade' (including its "class", Soviet connotations) has come into usage, and after that, the constructions

of the type *Tambovskii/bryanskii volk tebe tovarishch* were used as clichéd responses to any appeal (including terms of kinship, used both literally and metaphorically) or to a characteristic, establishing some relations between two persons ('friend', 'fellow countryman', 'relative', etc.). In some cases, the discussed formulas in practice serve as reaction to any statement of an interlocutor, thereby realizing the functions of both establishing a distance between a speaker and an author of the previous remark, mocking his speech, etc.

KEYWORDS: phraseological unit, formula, pejorative, 'Tambov wolf', variability

FOR CITATION: Akhmetova M. V. Once More on the Popular Phraseological Unit 'Tambov Wolf Is Your Comrade': Variability of Components and Contexts of Usage. *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2022. No. 2. Pp. 38–52. DOI: 10.31857/S013161170019841-4.

ACKNOWLEDGEMENTS: The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research programme.

В «Активном словаре русского языка» разговорно-сниженный фразеологизм *Тамбовский <брянский> волк тебе товарищ* интерпретируется как 'возражение на обращение «товарищ», выражающее неодобрение личности обращающегося и установление дистанции в общении с ним' [Апресян (отв. ред.) 2014: 228]. Согласно общему мнению, его популяризации способствовал фильм «Дело Румянцева» (1955), где следователь говорит подозреваемому: «Я вам не товарищ, тамбовский волк вам товарищ», а далее *тамбовский волк* в сочетании с *товарищем* появляется еще в двух высказываниях [Кожевников 2009: 443–444]. В связи с происхождением формулы неизменно вспоминают и о «брянском волке»: обычно приводятся хронологически наиболее ранние ее упоминания — цитата из «Песни о Сталине» (1959) Юза Алешковского («А я простой советский заключенный, / И мне товарищ — серый брянский волк») и свидетельство из «Справочника по ГУЛАГу» Жака Росси, согласно которому стандартным ответом вольнонаемного эку в ответ на обращение *товарищ* было: «Волк в брянском лесу тебе товарищ, а не я!» [Росси 1991 (2): 409]. В частности, именно эти три источника упомянуты в словаре [Душенко 2011].

Специфические ситуации, в которых появляются соответствующие формулы в этих источниках, зачастую актуализируют в первую очередь

тюремно-лагерное или милицейское словоупотребление по отношению к лицу, пораженному в правах. Ср. комментариев к использованию обращений *гражданин* vs *товарищ* в советское время: «...к человеку, попавшему в лапы правоохранительной системы, начинали обращаться “гражданин”, и он... терял право обращаться к другим людям “товарищ” (он сразу получал в ответ: “серый/брянский/тамбовский волк тебе товарищ” или просто “волк тебе товарищ”») [Левонтина, Шмелев 2019: 170]. Высказываются и предположения о тюремно-лагерном происхождении этих формул: так, М. А. Грачев [2009: 6], основываясь, с одной стороны, на табуированности слова *товарищ*, а с другой — на «волчьих» топосах в уголовной субкультуре, однозначно утверждает, что эти фразеологизмы происходят «из милицейско-криминальной среды» и «придуманы уголовным миром».

Исследователей может занимать вопрос о том, какая из формул, «брянская» или «тамбовская», является исходной. Тот факт, что первая упоминается авторами, тюремно-лагерный опыт которых состоялся задолго до выхода фильма «Дело Румянцева», позволяет с большей или меньшей уверенностью предполагать ее хронологическое старшинство. По мнению М. А. Грачева, выражение *Тамбовский волк тебе товарищ* «образовалось по аналогии»: «волка *брянского* заменил волк *тамбовский*» [Грачев 2009: 6]; согласно К. В. Душенко, «в исходной форме был “брянский волк”», лишь благодаря фильму закрепилось выражение с «тамбовским волком» [Душенко 2011: 334].

К противоположным выводам приходит А. А. Бурькин [Бурькин 2019], проанализировавший употребление формул *Тамбовский/брянский волк (тебе товарищ)* на большом массиве текстов. Словосочетание *тамбовские волки* (не включенное в клишированный ответ на обращение, а являющееся «территориальным именованим персонажей») впервые обнаруживается им в тексте 1912 г.; формулу *Тамбовский волк тебе товарищ* Бурькин возводит к народной речи, к сфере просторечия и жаргона (не уделяя при этом серьезного внимания тюремно-лагерным контекстам), а словосочетание *брянский волк* и включающий его фразеологизм предлагает считать окказиональными и вторичными.

Другой вопрос, поднимаемый в связи с этим материалом, — чем обусловлено появление конкретных оттопонимных прилагательных. Если «брянский» фразеологизм трактуют через историческое название города *Дебрянск* и, соответственно, через связь с *дебрями* [Друговойко-Должанская 2006; Грачев 2009: 6], то относительно происхождения фразеологизма «тамбовского» в исторической и краеведческой литературе (а также — в связи с его известностью как локальной формулы идентичности и с попытками продвижения «тамбовского волка» в качестве местного бренда —

в популярных медиа¹) существует несколько версий. А. А. Бурькин [Бурькин 2019] считает наиболее убедительными версии, согласно которым *тамбовскими волками* в XIX в. именовали местных крестьян-отходников, отбивавших работу у конкурентов, а в начале 1920-х годов — крестьян, участвовавших в Тамбовском восстании.

В целом все, кто обращается к соответствующему фразеологизму, исходят из предпосылки об обязательности в нем элементов *волк* и *товарищ*. Показательно, что Бурькин [Бурькин 2019: 88] рассматривает встречающиеся в литературе выражения типа «Тамбовский волк тебе друг/братец и т. д.» лишь как трансформации инвариантной киноцитаты. Безусловно, в современной культуре прецедентная формула *Тамбовский волк тебе товарищ* активно обыгрывается и пародируется. Однако существуют и ранние контексты, где топонимный компонент в составе формул *N-ский волк тебе товарищ* / *Волк в N-ском лесу тебе товарищ* варьируется. Наряду с *тамбовским* и *брянским* в художественной литературе 1930-х годов упоминается также *киренский волк*, ср.: — *Товарищи, граждане, ослобоните <...> — Киренский волк тебе товарищ...* [Петров 1936: 168]; — *Я уж так привык, дорогие товарищи. — Тебе киренские волки — товарищи...* [Нилин 1940: 75–76] (текст написан в 1939 г.).

Киренск — город в Иркутской области; в тюремно-лагерном контексте немаловажно, что Киренский уезд еще до революции был местом ссылки. Географическая принадлежность авторов приведенных текстов (П. П. Петров и П. Ф. Нилин родились и выросли в Восточной Сибири) позволяет предположить региональный характер данного варианта. Интересно, что в поздней версии своей повести Нилин меняет прилагательное *киренские* на дериват от другого иркутского ойконима — Жигалово (*Вам жигаловские волки — товарищи* [Нилин 1956: 26]), вероятно по (само)цензурным соображениям: в 1930-е годы в Киренске находилась тюрьма НКВД. Наряду с этим обнаруживаются варианты и с другими прилагательными: например, *Финский волк тебе товарищ, а не мы* в воспоминаниях о Гражданской войне [Медведев 1960: 48 (1-я публ. 1939)] или *Волк в Лужском² лесу тебе товарищ!* в автобиографической повести диссидента Ю. А. Ветохина [Ветохина 1983: 400] (последнее, впрочем, можно считать индивидуальным варьированием тюремно-лагерной формулы с упоминанием «волка в брянском лесу»).

В цели этой статьи не входит ни установление «исходного» варианта, ни выявление причин, по которым во фразеологизм включается та или

¹ Так, на портале «Тамбовия» собрано более десяти версий происхождения формулы *тамбовский волк* разной степени фантастичности (http://tambovia.ru/tambovskiy_volk.html).

² Как пишет сам автор [Ветохин 1983: 10], в детстве он жил на даче в г. Луге под Ленинградом.

иная географическая привязка. Я рассмотрю саму модель, по которой построены подобные высказывания: субъектом в ней может выступать не только *волк*, а сами высказывания являются реакцией не только на обращение *товарищ*. В качестве материала используются художественная литература и публицистика; поиск источников производился по сервису Google.Books. Я постараюсь ограничиться примерами из текстов, созданных до 1955 г. (т. е. в которых соответствующие формулы заведомо не являются кинозависимыми), с привлечением некоторых текстов до начала XXI в.

* * *

Наряду с «географически маркированным» **волком** в ответах на обращение *товарищ* могут упоминаться *серый волк*, *волк в лесу* и просто *волк*: «Какой я тебе товарищ? Волк в лесу тебе товарищ, а не я!» Скоро нам объяснили, что обращение «товарищ» не допускается для арестованных и мы должны обращаться к начальству со словом «гражданин» (воспоминания о 1940 г.) [Марголин 1977: 159].

Контексты 1920-х годов позволяют говорить о том, что уже в это время соответствующий ответ мог инспирироваться использованием обращения *товарищ* идеологически или классово чуждым лицом. Однако речь может идти не столько о недопустимости этого обращения как классово маркированного, сколько о том, что отвечающий отказывается признавать «товарищеские» отношения между собой и говорящим, — как, например, в следующем фрагменте, где речь идет о конфликте моряка с командой: *Может, я не могу так, как злодей или чужой! Вот, давеча, Чумисова товарищем назвал, а он говорит: тебе товарищ один остался, в Брянском лесу волк. <...> Товарищем, понимаешь, товарищем опять хочу стать* [Гаврилов 1928: 147].

В романе Всеволода Иванова «Голубые пески» (1922) в одном случае *Волк тебе товарищ, сволочь!* служит ответом красногвардейцу от крестьян, в другом *Серый волк тебе — товарищ, стерва!* говорят женщине матросы [Иванов 1923: 139, 219]; в романе Ф. А. Березовского «Бабы тропы» (1928) *Волк тебе товарищ!* кричит крестьянин выступающему на митинге [Березовский 1934: 291]. Кроме того, и до вхождения в обиход «классового» обращения *товарищ*, и после этого стимулом для воспроизведения высказывания могли становиться, например, такие обращения и характеристики, устанавливающие отношения между двумя лицами, как метафорически используемые термины родства: *брат* (*братец* и т. д.), а также *друг*, *свой*: — *Он тебе не только земляк, но и брат <...> — Какой он мне*

брат! волк ему брат брянских лесов, а не я. — Как какой? Ведь мы все дети одного Отца небесного [Изыумченко 1905: 4]; — *Братцы, говорю, постарайтесь! <...> — Какие мы тебе братцы? Серый волк тебе братец!* [Скиталец 1955: 240] (Огарки, 1-я публ. 1906); — *...побратим мой хороший <...> — Волк тебе побратим, а не я!* [Савихин 1906: 68]; — *Братишка, помоги малость. <...> — Волк тебе братишка* [Шугаев 1925: 54]; — *Как там наша братва поживает? <...> — Какой чорт брат! Волк в тамбовском лесу [sic!] брат им, а не я* [Строд 1973: 213] (републ. изд. 1930-х годов); — *Русский стал братом алтайцу, а алтаец русскому <...> — Серый волк тебе брат!* — крикнул мужик [Коптелов 1951: 301]; — *Мы друзья при любой погоде, конечно. <...> («Тамбовский волк тебе друг», — подумал Канашев.)* [Кочин 1962: 267] (роман «Девки», 1-я публ. 1928–1931); — *Чего же на своего-то... с рога-тиной... — Волк тебе свой...* [Гайворон 1939: 76].

Наряду с волком в подобных высказываниях действуют и иные субъекты, наиболее частотны следующие:

- **черт** (окказионально **леший**): *Степанида. Он вас тоже всегда зовет братцем. Бедовый. Братцем? гм! черт ему братец, а не я* [Григорьев 1871: 145]; — *Брат о Христе! <...> — Черт тебе брат, а не я!* [Лопатин 1874: 178]; — *Свой, свой, то-ва-рищ... — Леший тебе товарищ* [Азарх 1956: 175],
- **собака (кобель, пес)**: — *Послушай, догёр (приятель), нет ли у тебя листочка махорки? <...> — Собака тебе приятель, а не я!* [Короленко 1953: 118] (Сон Макара. 1883); *Проходя мимо них (босяков. — М. А.), Лев Николаевич сказал: «Здорово, братцы!» — Собака тебе брат, — угрюмо сказал один из них* [Попов 1938: 368] (воспоминания Е. И. Петрова о Л. Н. Толстом); — *...товаришу офицер! <...> — Собака тебе товарищ, немецкая шлюха!* [Гай-Головко 1950: 85]; *Прибежал директор. <...> — Товарищи рабочие... — Кобель тебе товарищ!* [Серафимович 1934: 407] (История одной забастовки. 1924); *Игорь. Товарищи! Зинько. Пес тебе товарищ* (Василь Минко, пьеса «Черный змей», конец 1950-х) [Ищук 1960: 430]; — *Не губите, братцы-и!! — Сивый кобель тебе брат!* [Воробьев 1973: 47] (текст написан в 1960 г.); *«Не лейте напрасно кровь, братья казаки!» Лицо офицера перекосилось еще сильнее. «Пес тебе брат!»* [Василенко 1964: 262]; — *Как сыновей, предупреждаю вас... — Пес тебе сын! — шумела толпа* [Быков, Казаков 1967: 115] (литературно обработанные воспоминания участников революции 1917 г.),
- **свинья** (в то время как *черт* и *собака* достоверно выявляются в произведениях XIX — начала XX в., примеры со *свиньей* обнаруживаются в более поздних контекстах): *«По вашему распоряжению и указанию*

*старшины прибежал к вам, товарищ комиссар». Комиссар еще злее кричит: «Свинья тебе товарищ!» [Федоров 2002: 239] (цитата из письма 2000 г. С. В. Столыпина, 1913 г. р.; речь идет о дискриминации из-за фамилии: в 1934 г. он был изгнан из рядов Красной армии); «Я свой, товарищ!» А красноармеец в ответ: «Свинья тебе товарищ, бандюга!» [Никитин 1961: 19]; — *Добрый день, товарищ командир! — Свинья тебе товарищ, а не я!* [Последович 1962: 169].*

Редко появляются иные животные-субъекты — *медведь, змея* и *козел*. А. И. Молотков и Е. К. Павленко [Молотков, Павленко 1988: 57] на материале русских сказок (к сожалению, без указания источника и контекста) фиксируют фразеологизм *медведь тебе товарищ* как «выражение пренебрежения к кому-либо». Такие примеры единичны, но первый появляется до 1955 г. (— *Ей-богу, товарищи! — Волк тебе товарищ! Да медведь забайкальский...* [Барышников 1954: 359]); второй пример (— *Добрый вечер, товарищ. <...> — Медведь тебе товарищ, сука, — отвечает следователь...* [Рабин 1989: 44]) не слишком чистый, поскольку является переводным (с идиша), но, учитывая, что автор последнего текста, И. И. Рабин, в 1937–1943 гг. был заключенным, вполне возможно, что он цитирует актуальное лагерное выражение.

Пример со змеей уникален: — *Братушки... товарищи <...> — Змея тебе товарищ!* [Стаднюк 1958: 120]; примеры с козлом единичны и обнаруживаются не ранее 1990-х годов: — *«Мальборо». Досасывай, дядя! «Козел тебе дядя», — вместо благодарности подумал он* [Теплов 1991: 36].

Наконец, с 1950-х годов в контекстах, связанных с Великой Отечественной войной, фиксируются *Гитлер* и (единично) *фашист*: — *Что вам надо от меня, товарищи? <...> — Фашист тебе товарищ!* [Иосселиани 1959а: 14]; — *Что вам надо, товарищи? <...> — Волк тебе товарищ! <...> — Гитлер тебе товарищ, шпионская морда!* [Иосселиани 1959b: 14, 20]; *Какие мы тебе свои... Гитлер тебе свояк* [Сафонов 1969: 177]; — *Держись за меня, друг, не пропадешь! — Кобель да Гитлер тебе друзья, вошь тифозная!* (ответ власовцу) [Бережной 1997: 218].

В рассмотренных выше случаях речь шла о реакции а) на обращение или б) на характеристику, которая устанавливает особые отношения кого-либо с автором реплики, когда последний считает эти обращения и характеристики нерелевантными. В цитатах ниже обращения, стимулирующие воспроизведение формулы, отражают реально существующие отношения — родство/свойство, общность по территории: — *Ты что ж? Не отец значит своему дитю? <...> — Черт тебе отец, а не я...* [Гарин 1894: 60]; «...*Сва-ат!...*» <...> — «*Сукин ты сын, а не сват! Серый волк тебе сват...*» [Шилов 1925: 6]; — *Ты так-то, батяня? <...> — Серый волк тебе*

батяня <...> Отец с наградами да грамотами службу нес, а сын разбойник... [Веселый 1929: 395]; — *Батя!* — *Кобель тебе батя* [Федоров 1939: 110]; — *Говорю, можно лететь, земляк, значит, можно! <...> — Гитлер тебе земляк, а не я!* (диалог отца и сына) [Райгородецкий 1978: 126]. Отрицание этой связи, подразумеваемое внутренней формой фразеологизма, здесь не столько означает отказ в праве на использование соответствующего обращения, сколько указывает на символическую форму дистанцирования, подразумевающую, что собеседник не достоин называть/считать говорящего отцом, сватом, земляком и т. д.

Следующий (уникальный) пример интересен тем, что упомянутое в нем обращение не устанавливает никаких отношений между адресантом и адресатами, будучи нейтральной констатацией статуса последних: — *Постойте, станичники!* — *Куцый кабель [sic!] тебе станичник!* [Шолохов 1928: 150]. Речь идет не о том, что говорящий отказывает в праве называть его станичником (которым он по сути является), а вообще о дистанцировании от высказывания оппонента, каким бы оно ни было.

Наконец, еще в одном уникальном примере говорящий отвечает вообще не на обращение, а на упоминание некоего «закона»: — *...закон такой есть <...> — Закон? По новому закону? Нешто это закон?.. Волк тебе закон, вот что* [Муйжель 1912: 494] (1-я публ. 1911).

Приведенные контексты демонстрируют функции фразеологизма: наряду с «неуместностью предшествующего речевого акта собеседника» [Баранов, Добровольский 2009: 22] на уровне актуального значения, он может функционально использоваться как средство выражения «крайней невежливости», передразнивания собеседника и нежелания продолжить коммуникацию [Баранов, Добровольский 2009: 23], и приведенные высказывания, построенные по данной модели, выявляют это гораздо очевиднее, чем одна лишь формула *Тамбовский волк тебе товарищ*.

* * *

Заслуживает комментария набор персонажей, выступающих как субъекты в составе фразеологизма. Так или иначе, они связаны со сферой в широком смысле «нечистого»/опасного и в силу этого задействуются в пейоративных конструкциях. В рамках клишированных высказываний многие из них взаимозаменяемы: *черт/пес его знает; на кой черт/пес; чертов/собачий/песий/свинячий сын; к черту / к свиньям*; вятск. «На сердитых волки (иногда: черти) ср... ездить». Относительно последней поговорки приводящий ее Д. К. Зеленин замечает, что *волки* в данном случае — «конечно, волкодлаки, оборотни, нечистые» [Зеленин 1995: 56];

однако здесь мы имеем дело, вероятно, не столько с эвфемизацией, сколько с контекстуальной синонимией, ср. идиому, комментирующую неизвестное местоположение человека: *волки срать / в лес уехали (на ком)*. В народной речи апеллятивы *черт, волк, собака, пес, медведь, свинья* задействуются в образовании терминов, маркирующих сниженные коннотации обозначаемого объекта, в частности «служат источниками возникновения пейоративных топонимов. Так появляются “чертова”, “волчья”, “собачья” и прочая топонимия» [Феоктистова 1979: 80] (о пейоративной семантике свиньи, волка, собаки в славянской лексике см. также: [Березович 2014: 196]). Причины, по которым в данную модель в XX в. встраивается вполне демонизированный *Гитлер*, прозрачны.

С семантической точки зрения можно соотносить рассматриваемые формулы с высказываниями, предполагающими делегирование «нечистому» персонажу действия, которое говорящий отказывается совершать, например: *Только пускай чёрт будет твоим дружкой, а я не хочу* (П. А. Плавильщиков. Сговор Кутейкина. 1789; цит. по НКРЯ); — *...покажите сей же час мешок ваш! — Лысый чорт тебе покажет, а не мы* [Гоголь 1940: 229] (Ночь перед Рождеством. 1832); [После неудачного обсуждения брака] *...дочь — пьфу! пусть на ней черт женится* [Вельтман 1989: 230] (Новый Емеля, или Превращение. 1845). Показательно, что наряду с демонологическим персонажем в рамках таких высказываний ситуативно появляются, в частности, те же субъекты, что и в формулах типа *Тамбовский волк тебе товарищ*. Ср. формулу *Пусть медведь работает*, упоминаемую, в частности, в «Архипелаге ГУЛАГ» А. И. Солженицына, но, видимо, имеющую догулаговское происхождение³, или: — *Хорошенькая женщина вправе не пояснять своих капризов. Но мне бы хотелось услышать ваши претензии. — Кобель тебе пояснит, а не я* [Александров 1978: 301].

Напоследок можно отметить интересную подробность: пейоративная формула в виде *пес тебе брат* вполне буквально разворачивается в таком неожиданном типе фольклорных текстов, как духовные стихи. В некоторых вариантах стиха о двух братьях Лазарях богатый брат оскорбляется просьбой нищего о милостыне и обращением к нему как к *братцу*: *Какой я тебе братец, какой я родной / Мои-ти ведь братья — князья, бояра, / Твои-ти ведь братья борзые кобели!* [Истомин, Ляпунов 1899: 29]; *А ты ж мне ня братиц и ня родной мой, / Есть у меня братия тебе — [а твои ли братья] люты [подстольные] псы* [Бессонов 1861: 74] (квадратные скобки в источнике).

³ Первое достоверное упоминание — в [Андреев 1926: 79], где *Пускай медведь работает. У него голова большая* говорит персонаж, имеющий связи с околориминальным миром. Автор текста, В. М. Андреев, находился в ссылке в 1910–1913 гг.

* * *

Таким образом, фразеологизм *Тамбовский/брянский волк тебе товарищ* следует считать частным случаем формульного ответа, имеющего вид [*«Нечистый» персонаж*] (кому) [*цитата из реплики собеседника*] (а не я), который задействует семантику «нечистого»/демонического/опасного и на самом деле имеет параллели в западноевропейских языках⁴. Связь фразеологизма с тюремно-лагерным контекстом не является первичной и обусловлена «классовыми» коннотациями, которые в советскую эпоху приобрело обращение *товарищ*.

В контексте семантики демонического, «нечистого» и опасного интересной представляется трактовка тюремно-лагерной формулы из *Брянского леса* С. А. Снеговым, заключенным ГУЛАГа в 1936–1945 гг.: «Ни от кого. Письмо из Брянского леса — письма нет. Волк из Брянского леса тебе товарищ — нет у тебя товарища» [Снегов 1991: 224]. Противоречие этой интерпретации другим существующим трактовкам (и актуальному словоупотреблению) снимается, если рассматривать «брянский лес» в понимании Снегова как условный, абстрактный локус, совмещающий семантику чужого, опасного, «нечистого» и демонического (потустороннего), т. е. относящегося к той же самой сфере, в которой «обитают» фразеологические *черт, пес, свинья* и др.

Источники

Азарх Р. Дорога чести: роман-хроника. Кн. 1. М.: Советский писатель, 1956. 234 с.

Александров Г. М. Я уважу к отверженным селениям: роман: в 2 т. Т. 1. Paris: YMCA-Press, 1978. 368 с.

Андреев В. Расколдованный круг: рассказы. Л.: Государственное издательство, 1926. 154 с.

Барышников А. П. Кто честен и смел: роман. М.: Советский писатель, 1954. 540 с.

Бахвиц Х. Благонравный роман / пер. с нем. Г. Ярхо. М.: Недра, 1928. 208 с.

Бережной И. Трем смертям назло // Нижний Новгород. 1997. № 5. С. 203–245.

⁴ Ср., например: *Bruder! Mein theurer Bruder! — Der Teufel ist Dein Bruder* (= Черт твой брат) [Juin 1858: 29]; *Aber, meine Brüder...! — Der Satanas ist dein Bruder!* (= Сатана твой брат) [Spindler 1855: 211]. Показательно, что в русской литературе XIX в. формула появляется в том числе в переводных текстах: *Отец... Черт тебе отец!* (на обращение «Отец мой») (пер. с англ.) [Корш 1834: 36]; *«Свинья тебе друг!» — злобно подумал майор* (на реплику с упоминанием «друга») (пер. с нем.) [Бахвиц 1928: 101].

Березовский Ф. Бабы тропы: роман: в 4 ч. М.: Художественная литература, 1934. 488 с.

Бессонов П. (сб. стихов и исслед.). Калеки переходные. Ч. 1. Вып. 1. М.: Типография А. Семена, 1861. 268 с.

Быков М. В., Казанков В. А. (сост.). За власть Советов! (Вспоминают участники борьбы за Советскую власть в Нижегородской губернии). Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1967. 350 с.

Василенко И. Жизнь и приключения Заморыша: [повести]. М.: Детская литература, 1964. 573 с.

Вельтман А. Ф. Избранное. М.: Правда, 1989. 556 с.

Веселый А. Пирующая весна [и другие рассказы]. [Харьков:] Пролетарий, [1929]. 550 с.

Ветохин Ю. Склонен к побегу. [Б. м. (США)]; [б. и.], 1983. 558 с.

Воробьев К. Д. Сказание о моем ровеснике: повести и рассказы. М.: Советская Россия, 1973. 367 с.

Гаврилов П. Глубина 225: [повесть]. М.: Московский рабочий, 1928. 189 с.

Гайворон А. Утро за Перекопом: повесть. Л.: Советский писатель, 1939. 158 с.

Гай-Головки О. Поединок з дияволом: фільми наших днів. Т. 2. Вінніпег: Видавець Іван Тиктор, 1950. 160 с.

Гарин Н. Деревенские панорамы. III. Дикий человек // Русское богатство. 1894. № 2. С. 53–79.

Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1940. 556 с. [Григорьев П. И.] Театр П. И. Григорьева. Т. 1. СПб.: Издание М. О. Вольфа, 1871. 396 с.

Иванов Вс. Голубые пески. М.: Круг; Пб.: [б. и.], 1923. 320 с.

Изюмченко Н. Т. В дисциплинарном батальоне: записки Н. Т. Изюмченко. [Б. м.]: А. Tchertkoff, 1905. 64 с.

Иоселиани Я. К. В битвах под водой. М.: Воениздат, 1959а. 272 с.

Иоселиани Я. Огонь в океане. М.: Молодая гвардия, 1959б. 475 с.

Истомин Ф. М., Ляпунов С. М. Песни русского народа: собраны в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 году. СПб.: Типография Э. Арнольда, 1899. 279 с.

Ицук А. Василь Минко // Литературные портреты: критико-библиографические очерки. Т. 1. Киев: Радянський письменник, 1960. С. 408–422.

Коптелов А. Великое кочевье: [главы из романа] // Алтай в художественной литературе. Барнаул: Алтайское краевое издательство, 1951. С. 279–306.

Короленко В. Г. Собр. соч.: в 10 т. Т. 1: Повести и рассказы. Ч. 1. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. 496 с.

Корш Е. (пер.). Графиня из простых. Сцены образованного света / пер. [из «New Monthly Magazine»] // Библиотека для чтения. Т. 3. Отд. 2. 1834. С. 36–48.

Кочин Н. Девки. Парни: [романы]. М.: Гослитиздат, 1962. 720 с.

[*Лопатин Г. А.*] Из Иркутска // Вперед! Т. 3. Отд. 2. 1874. С. 160–181. (Републ. в 1911 г. под загл. «Не-Наши»).

Марголин Ю. Сентябрь, 1939 // Время и мы. № 15. 1977. С. 155–185.

Медведев А. И. По долинам и по взгорьям. М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1960. 152 с.

[*Муйжель В. В.*]. Собр. соч. В. В. Муйжеля. Т. 8: Год. Ч. 1. СПб.: Просвещение, 1912. 386 с.

Никитин С. Во все дела человеческие: очерки и рассказы. [М.]: Профиздат, 1961. 96 с.

Нилин П. О любви // Новый мир. 1940. № 7. С. 68–91.

Нилин П. Жестокость // Знамя. 1956. № 11. С. 3–61.

Петров П. Половодье // Будущая Сибирь. 1936. № 1. С. 3–306.

Попов Е. Отрывочные воспоминания о Л. Н. Толстом // Л. Н. Толстой. М.: Издательство Государственного литературного музея, 1938. (Летописи Гос. лит. музея; Кн. 2). [Т. 1]. С. 363–370.

Последович М. С тобою рядом: повесть / пер. с белорус. М.: Детгиз, 1962. 248 с.

Рабин И. Тот самый год / пер. [с идиша] // Год за годом: лит. ежегодник: по материалам журнала «Советиш Геймланд» («Советская Родина») / под общ. ред. А. Вергелиса. М.: Советский писатель, 1989. С. 3–84.

Райгородецкий Р. Бухта сомнения. Ловцы человека: романы. М.: Советский писатель, 1978. 352 с.

Савихин В. И. Пробуждение и другие рассказы. М.: Типо-литография Товарищества И. Н. Кушнерев и К^о, 1906. 371 с.

Сафонов В. И. Там, в лесу, партизаны...: две повести. М.: Московский рабочий, 1969. 224 с.

Серафимович А. С. Сочинения. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1934. 536 с.

Скиталец С. Г. Избр. произведения. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. 624 с.

Снегов С. Язык, который ненавидит. М.: Просвет, 1991. 251 с.

Стаднюк И. Человек не сдастся // Нева. 1958. № 2. С. 85–130.

Строд И. В якутской тайге. Якутск: Книжное издательство, 1973. 359 с.

Теплов Ю. Маленькие трагедии // Дальний Восток. 1991. № 11. С. 52–59.

Федоров Б. Г. Петр Столыпин: «Я верю в Россию»: биография П. А. Столыпина. Т. 2. СПб.: Лимбус Пресс, 2002. 268 с.

- Федоров Е.* Горная дорога. Л.: Художественная литература, 1939. 570 с.
- Шилов С.* Дебри // Новый мир. 1925. № 4. С. 3–25.
- Шолохов М.* Тихий Дон. Ч. 2 // Октябрь. 1928. Кн. 2. С. 125–222.
- Шугаев Ал.* Золотая голова // Сибирские огни. 1925. № 2. С. 45–72.
- Juin (Giugno) С.* Ein toller Tag oder: noch ein Wiener Dienstbote! Burleske mit Gesang in 3 Akten. Wien, Druck aus J. B. Wallishaussers k. k. Hoftheater-Druckerei, 1858. 31 S.
- Spindler С.* Der Jesuit: Charakter-Gemälde aus dem Ersten Viertel des achtzehnten Jahrhunderts. Philadelphia, Verlag von F. W. Thomas, 1855. 223 S.

Литература

- Апресян Ю. Д.* (отв. ред.). Активный словарь русского языка. Т. 2. М.: Языки славянской культуры, 2014. 736 с.
- Баранов А. Н., Добровольский Д. О.* Принципы семантического описания фразеологии // Вопросы языкознания. 2009. № 6. С. 21–34.
- Березович Е. Л.* Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2014. 487 с.
- Грачев М. А.* Кому товарищ тамбовский волк? // Мирь имён и названий. 2009. Март. С. 1, 6.
- Друговойко-Должанская С. В.* Почему брянский тамбовскому не *lupus est* // Gramma.ru [2006]. [Электронный ресурс]. URL: <http://gramma.ru/RUS/?id=14.62> (дата обращения: 11.03.2022).
- Душенко К.* Большой словарь цитат и крылатых выражений. М.: ЭКСМО; ИНИОН РАН, 2011. 1215 с.
- Зеленин Д. К.* Избранные труды. Т. 2: Очерки русской мифологии: умершие неестественной смертью и русалки. М.: Индрик, 1995. 430 с.
- Кожевников А. Ю.* Крылатые фразы и афоризмы отечественного кино: материалы к Словарю отечественной кинокрылатики. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. 671 с.
- Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.* Либеральный лексикон. СПб.: Нестор-История, 2019. 180 с.
- Молотков А. И., Павленко Е. К.* Идиоматика фольклора (на материале русских сказок) // Русское языкознание: респ. междведомств. науч. сб. Вып. 17 / ред. кол.: М. А. Карпенко (отв. ред.) и др. Киев: Выща школа, 1988. С. 53–59.
- Росси Ж.* Справочник по ГУЛАГу: в 2 ч. М.: Просвет, 1991. Ч. 1: 269 с.; Ч. 2: 284 с.
- Феоктистова И. Е.* К вопросу о пейоративах // Вопросы ономастики. Вып. 13. Свердловск: [Урал. гос. ун-т], 1979. С. 79–86.

References

- Apresyan Yu. D. (ed.). *Aktivnyi slovar' russkogo yazyka* [Active dictionary of Russian language]. Vol. 2. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2014. 736 p.
- Baranov A. N., Dobrovol'skii D. O. [The principles of the semantic description of phraseology]. *Voprosy Yazykoznaniiya*, 2009, no. 6, pp. 21–34. (In Russ.)
- Berezovich E. L. *Russkaya leksika na obshchoslavianskom fone: semantiko-motivatsionnaya rekonstruktsiya* [Russian lexis on the common Slavic phone: Semantical and motivational reconstruction]. Moscow, Dmitriy Pozharsky University Publ., 2014. 487 p.
- Drugoveiko-Dolzanskaya S. V. [Why is Bryansk wolf not *lupus est* to the Tambov one?]. *Gramma.ru* [2006]. Available at: <http://gramma.ru/RUS/?id=14.62> (accessed 11.03.2022). (In Russ.)
- Dushenko K. *Bol'shoi slovar' tsitat i krylatykh vyrazhenii* [Large dictionary of citations and catchphrases]. Moscow, EKSMO Publ., Institute of Scientific Information for Social Sciences, RAS, 2011. 1215 p.
- Feoktistova I. E. [On the problem of pejoratives]. *Voprosy onomastiki* [Problems of onomastics]. Vol. 13. Sverdlovsk, Ural State Univ. Publ., 1979, pp. 79–86. (In Russ.)
- Grachev M. A. [Whose comrade is Tambov wolf?]. *Mir imen i nazvanii* [World of names and titles], 2009, March, pp. 1, 6. (In Russ.)
- Kozhevnikov A. Yu. *Krylatye frazy i aforizmy otechestvennogo kino: materialy k Slovaryu otechestvennoi kinokrylatiki* [Catchphrases and aphorisms of the Russian cinema: Materials for Dictionary of domestic 'cinema catchphrases studies']. Moscow, OLMA Media Grupp Publ., 2009. 671 p.
- Levontina I. B., Shmelev A. D. *Liberal'nyi leksikon* [A liberal lexicon]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2019. 180 p.
- Molotkov A. I., Pavlenko E. K. [Folklore idiomatic (on the material of Russian folktales)]. *Russkoe yazykoznanie: respublikanskiy mezhdvedomstvennyy nauchnyy sbornik* [Russian language studies: A republican interdepartmental scholarly collection of papers]. Vol. 17. Ed. by M. A. Karpenko et al. Kyiv, Vyscha Shkola Publ., 1988, pp. 53–59. (In Russ.)
- Rossi J. *Spravochnik po GULAGu* [A handbook on GULAG]. In 2 vols. Moscow, Prosvet Publ., 1991. Vol. 1, 269 p.; Vol. 2, 284 p.
- Zelenin D. K. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Vol. 2. *Ocherki russkoi mifologii: umershie neestestvennoi smert'yu i rusalki* [Essays on Russian mythology: The died an unnatural death and the 'rusalkas']. Moscow, Indrik Publ., 1995. 430 p.

Из истории русского языка

О выражении пространственных отношений в одном севернорусском говоре

Сергей Владимирович Князев, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия), svknia@gmail.com

DOI: 10.31857/S013161170019844-7

АННОТАЦИЯ: В статье излагаются результаты исследования выражения пространственных отношений в севернорусском говоре дд. Вадюга и Тинева Верхнетоемского района Архангельской области в сопоставлении с другими русскими говорами и современным русским литературным языком по данным 14 речевых корпусов. Проведенный анализ дает основания утверждать, что в говоре бассейна Верхней Пинеги и Выи на момент его обследования нами в 1987 и 1990 гг. еще сохранялись весьма заметные следы архаической (в некоторых отношениях сходной с древнерусской) системы выражения пространственных отношений без использования наречий направления *туда* и *сюда*, которая в настоящее время подвергается разрушению под влиянием современного литературного языка. Наречия *туда* и *сюда* употребляются в говоре в относительном выражении значительно (в 2–4 раза) реже, чем в литературном языке и других русских диалектах (южных, северных и среднерусских, в том числе — в территориально близком архангельском говоре бассейна реки Устья) и фиксируются приблизительно с той же частотностью, что и в старорусском подкорпусе Национального корпуса русского языка. Значение направления в верхнепинежских говорах может выражаться наречиями *там*, *тут*, *здесь* и *это*, а также при помощи предложного падежа существительных.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русский язык, севернорусские говоры, наречия места и направления

для цитирования: Князев С. В. О выражении пространственных отношений в одном севернорусском говоре // Русская речь. 2022. № 2. С. 53–71. DOI: 10.31857/S013161170019844-7.

благодарности: От всей души благодарю Е. А. Галинскую, А. В. Птенцову и М. Н. Шевелеву за поддержку и помощь при подготовке этой статьи (конечно, все сохранившиеся недочеты остаются целиком на совести автора).

From the History of the Russian Language

On the Expression of Spatial Relations in a Northern Russian Dialect

Sergey V. Knyazev, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow), svknia@gmail.com

ABSTRACT: The paper reports new findings concerning the expression of spatial relations in the archaic Northern Russian dialect spoken in the villages Tineva and Vadyuga in the upper reaches of Pinega river (Verkhnetoemsky district, Arkhangel'sk region) as compared with other Russian dialects and Modern Standard Russian based on the data of 14 speech corpora. The study shows that the Upper Pinega dialect still preserves some obvious traces of the Old Russian system (gradually decaying under the influence of Modern Standard Russian) in the way it expresses meaning of place and direction. Namely, in contrast to other Russian dialects and Modern Standard Russian it much less frequently (two to four times) utilizes adverbs *tuda* 'to that place' and *syuda* 'to this place' substituting them with the adverbs *tam*, *tut*, *zdes*' and *etto*, which usually mean 'in this/that place' in other Russian idioms. The meaning of direction can also be expressed in the Upper Pinega dialect by means of the prepositional (locative) case of a noun instead of the accusative one common to other Russian language systems.

KEYWORDS: Russian, Northern dialect, adverbs of place and direction

FOR CITATION: Knyazev S. V. On the Expression of Spatial Relations in a Northern Russian Dialect. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2022. No. 2. Pp. 53–71. DOI: 10.31857/S013161170019844-7.

ACKNOWLEDGEMENTS: I sincerely thank E. A. Galinskaya, A. V. Ptentsova, and M. N. Sheveleva for their support and assistance in preparing this article (all remaining shortcomings are entirely on the author's conscience).

Одним из основных средств выражения пространственных отношений в современном русском литературном языке (СРЛЯ) являются наречия места: локативные (связанные с местоположением — *тут, там, здесь* и др.) и наречия направления (*туда, сюда, оттуда* и пр.). В других языках это различие может отсутствовать: так, например, в английском наречие *there* может иметь значение 'там' и 'туда', *here* — 'здесь' и 'сюда' и т. п. Сходная картина наблюдалась в этом отношении и в древнерусском языке: слова *тамъ* (*тамо*), *туда* (*туда*) могли иметь как значение 'в том месте', так и значение 'в ту сторону, в то место' [СРЯ 29: 210–211; 30: 217], а слово *ту* (*туто*) — значения 'там' [Срезневский 1912: 1030; СРЯ 30: 214–215], 'туда, в то место', 'здесь' и 'сюда' [СРЯ 30: 233]. В значении 'сюда' употреблялось также слово *сьмо* [СРЯ 24: 56].

Ниже в качестве иллюстраций приведены примеры из древнерусских памятников письменности, в которых *тамо* и *ту* употреблены в значениях, не свойственных современному литературному языку:

- (1) ...[уд]у ожь ти будь гость мнь жди торгуи м[нь двь гривь]:нь правл
▲ како доспью буду а борь[ц]ь оставиво а ты брать нь дь:щиси сде
ли ти быть **тамо** ли в соши ити а ци воспрашееть местилов:ь сыно
цого малаго дай ту ▲ стою
'...если будет купец (т. е. покупатель), меня жди. Торгуй, посылая
(отчисляя?) мне две гривны. Я, как только управлюсь, приеду, оставив [вместо себя] сборщика. А ты, брат, не спеши (?), [независимо от того], здесь ли тебе быть или идти туда в Соши (?). А если запросит Местилов сын чего-нибудь небольшого, то дай — я за этим стою (т. е. за этим заранее стоит и мое согласие)' [Берестяная грамота 68 (1240–1260)]¹

¹ Здесь и далее грамоты с сайта www.gramoty.ru приводятся в переводе А. А. Зализняка.

- (2) ...[в]ѣдамъ **тамо** ажо ти не вѣда:... ...[ов-л]ѣ [л]ега ми е въ деванос[с]ѣ:(т)-... гривнѣ
'...выдам **туда**. Если же не дадут (?) ..., то я могу (мне позволено) за девяносто...' Берестяная грамота 815 (1160–1180)]
- (3) поклоно ѡ Якова куму и другу максиму укупи ми кланяюся ѡвса у ондреа вже прода возми у него грамоту да приш[ли] ми цтениа доброго да вести ми прикажи [w]----- дее во годе вже ти **ту** не буде ѡвса и... (...)(...) ... возми со собою
'Поклон от Якова куму и другу Максиму. Купи мне, прошу тебя, овса у Ондreja. Если продаст, возьми у него грамоту (очевидно, об акте продажи) да пришли мне, [причем] удобочитаемую. Да прикажи вести [овес] ко мне, [а сделай это] в подходящий момент.' Если же **там** не будет овса, то...' На обороте: '...возьми с собой'. [Берестяная грамота 271 (1360–1380)]
- (4) и рѣхъ ѣмоу азъ не могуо **тамо** ити
[Чудеса Николы, конец XII в.]²
- (5) и поидоша съ вѣца въ оружии на тысячьского вадцеслава и розграбиша дворъ ѣго и бра^т ѣго бѣуслава и андречевъ влѣцна стольника и двѣдковъ софиискаго и соудимировъ а на доушильца на липньска^т стар^оу. **тамо** послаша грабитъ а самого хотѣша повѣсити. [Новгородская первая летопись старшего извода, 1228 г., л. 106 об. (218)]

Локативные наречия в СРЛЯ частотнее наречий направления, они могут выполнять в языке и иные функции. Так, у наречий *тут*, *здесь* и *там* выделяются следующие значения [Апресян 2014; Маркова 2019]:

- 1) пространственное ('в данном месте'):
(6) *Ты где это взял? — Там.*
- 2) ситуативное ('в данной ситуации'):
(7) *Куда там успеть!*
- 3) временное ('в тот момент'):
(8) *Там посмотрим.*

При этом у наречия *тут* в СРЛЯ преобладает ситуативное значение (с небольшим отрывом от временного и пространственного — 40 %, 32 % и 28 % соответственно), а у *здесь* — с большим отрывом пространственное

² По древнерусскому подкорпусу Национального корпуса русского языка: (https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?mode=old_rus&text=lexform&sort=gr_created&lang=ru&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&doc_url=&nodia=0&f=i&req=тамо)

(88 %) [Апресян 2014: 12]; *там* используется преимущественно в пространственном значении (98,9 % всех случаев), *туда* и *сюда* — только в значении направления [Косарева 2016: 15].

Там может использоваться и как соотносительное слово при придаточном предложении с союзным словом *где*:

(9) *Хорошо там, где нас нет.*

В литературном русском языке наряду с наречием *есть* и частица *там*, которая может использоваться, например, для усиления отрицания [Евгеньева 1984]:

(10) — *Он писатель? — Какой там писатель!*

как маркер «несущественной детали» [Шмелев 2007: 211]:

(11) *Давайте посидим без всяких там разговоров о работе и политике.*

как маркер «недоступности информации» [Левонтина 2011: 277]:

(12) *Как там по-научному называются эти цветы?*

как «знак отчуждения и — в силу отчуждения — знак отрицательной оценки» [Пеньковский 2004: 42]:

(13) *Ну давайте там про перестройку* [Рачёва 2018: 264].

Настоящая статья посвящена анализу функционирования наречий места и направления *там* // *туда* и *тут*, *здесь* // *сюда* в одном архаическом русском говоре.

Материалом исследования служили магнитофонные записи, сделанные в 1987 и 1990 гг. в ходе диалектологических экспедиций МГУ и ИРЯ АН СССР под руководством С. К. Пожарицкой в деревнях Вадюга и Тинева Верхнетоемского р-на Архангельской области, расположенных в верховье реки Пинеги. Этот говор еще во второй половине 20-х годов XX в. был описан П. С. Кузнецовым [1949]³, первым указавшим на его архаическую интонацию — наличие «пословного тонального контура», то есть изменения частоты тона на каждом слове во фразе, а не на одном (или нескольких), как в литературном языке. Описание состояния говора через 60 лет после его исследования П. С. Кузнецовым см. в [Князев, Левина, Пожарицкая 1997], подробнее об интонации в нем — [Князев 2022].

³ К большому сожалению, сейчас не представляется возможным сравнить состояние говора, зафиксированное нами в 1987 и 1990 гг. с наблюдавшимся П. С. Кузнецовым в 20-е годы XX в. в отношении использования наречий места и направления, так как в его описании «по обстоятельствам военного времени вторая часть работы, содержавшая морфологию и общие выводы, зимой 1941–1942 гг. была почти полностью утрачена» [Кузнецов 1949: 5].

Запись материала производилась автором статьи на кассетный стереомагнитофон «Соната 213С» с использованием выносных динамических микрофонов, впоследствии записи были оцифрованы А. В. Архиповым и С. В. Князевым. Значительная часть этих записей представлена в корпусе звучащих текстов говорів верхней Пинегы и Выи [Князев 2021]. В большинстве случаев тексты представляют собой беседы интервьюеров с носителями диалектов, в редких случаях — диалоги носителей говора.

В ходе работы над корпусом было отмечено, что наречия *там* и *туда* в говоре употребляются не всегда вполне так же, как в литературном русском языке; после ее завершения было предпринято исследование этих различий.

В первую очередь, бросается в глаза тот факт, что слова *туда* и *туды*, *сюда* и *сюды* в говоре встречаются относительно редко: таких случаев в корпусе на почти 10 часов звучания отмечено всего 22 (16 *туда* и 6 *туды*, последние почти исключительно в речи одного, если можно так сказать, «наименее диалектного» из всех информантов) и 20 соответственно. Еще 6 случаев, представленных в выдаче по запросу «туда» являются, по-видимому, результатом неточной расшифровки⁴, где за наречие *туда* принято сочетание постпозитивных частиц *-то* и *да*. В то же время выдача по запросу «там» в корпусе составляет 442 вхождения, что в 20 раз больше, чем случаев *туда* и *туды* вместе взятых; по запросу «тут» и «здесь» — 326 вхождений (в 16 раз больше, чем *сюда*).

В говоре Вадюги и Тиневы есть еще наречие *этто*, которое может употребляться как в значениях 'тут, здесь' (14, 15, 16) и 'сюда' (17), так и в значениях 'там' (18, 19) и 'туда' (20, 21); в скобках после примера — инициалы информанта и год его рождения:

- (14) *Из дома из этого никуда, этто родилась, и всё этто век, и всё так* (PNS1907);
- (15) *О-ой, этто у нас первый день попируют, потом на Зайцеве пойдут* (PNS1907);
- (16) *Река-то шла не этто, этто было остров-то* (ХРХ19ХХ);
- (17) *Раньше ведь шибко весело жили. И здесь в каждой деревне какой праздник вот, але на Вые, але выян-то этто наедет дак, отовсюль-то сюда наедут!* (PNS1907);
- (18) *После-то, говорят, набрал он этто <в отдаленной часовне> деньги-то и унес, набрал и на всех понес; вино-то тогда продавали вольно да* (XNA1914);

⁴ Автором данной статьи; эти ошибки будут исправлены в новой версии корпуса.

- (19) *Ак ведь он тогда на Заячьем <в другой деревне> был **эпто**, всё и пошел туда* (XNA1914);
- (20) *Дак у нее две сумки шалей-то да, бывает, ещё и в Вые-то оставили сколько, в Гаврилово **эпто** бегали да <из Тиневы>* (XZV1907);
- (21) *ак да уж чего, кто там на волок-то всё ходят, да везде было на Выю-то, я на Выю-то ещё ходила да **эпто** везде ходила* (PNS1907).

Это наречие встретилось в текстах 98 раз. Однако поскольку оно может употребляться во всех анализируемых значениях и почти не встречается в других использованных нами корпусах (1 вхождение в корпусе Лужникова и 58 в корпусе Устьи), то в дальнейшем эти данные в подсчетах не учитываются.

Выше уже было отмечено, что наречие *там* — вследствие большего числа значений — обычно частотнее, чем *туда*, но разница эта в верхнепинежском говоре представляется слишком большой даже с учетом этого факта. Поэтому на следующем этапе исследования было произведено сопоставление частотности наречий *там* и *туда*, *тут/здесь* и *сюда* в русском литературном и диалектном языке по материалам следующих корпусов:

- Национальный корпус русского языка (НКРЯ) и его подкорпусы: диалектный, старорусский и мультимедийный (МУРКО);
- Корпус повседневной русской речи *Один речевой день* (СРЛЯ) — по материалам [Косарева 2016];
- Корпус южнорусского говора Хиславичского района Смоленской обл. [Рыко, Спиричева 2020];
- Корпус южнорусского говора д. Нехочи Хвастовичского района Калужской обл. [Тер-Аванесова и др. 2020];
- Корпус южнорусского говора с. Роговатое Старооскольского района Белгородской обл. [Тер-Аванесова и др. 2018];
- Корпус южнорусского говора с. Спиридонова Буда Злынковского района Брянской обл. [Гардер и др. 2018];
- Корпус среднерусского говора д. Лужниково Вышневолоцкого района Тверской обл. [Мальшева, Тер-Аванесова 2021];
- Корпус среднерусского говора Опочецкого района Псковской обл. [Ронько и др. 2019];
- Корпус среднерусского говора Южского и Пестяковского районов Ивановской обл. [Кувшинская 2020];
- Корпус севернорусского говора Устьянского района Архангельской обл. [Даниэль и др. 2013–2018];
- Корпус севернорусского говора дд. Вадюга и Тинева Верхнетоемского района Архангельской обл. [Князев 2021].

Полученные данные приведены ниже в таблицах 1 и 2.

Табл. 1. Количество вхождений наречий *там* и *туда* (*туда*), по данным речевых корпусов

	<i>там</i>	<i>туда</i> (+ <i>туда</i>)	<i>туда</i> в % от <i>там</i>
НКРЯ	334 796	64 263	19 %
диалектный подкорпус	3290	672	20 %
старорусский подкорпус	2524	68	3 %
МУРКО	18 493	2 042	11 %
Один речевой день	2009	225	11 %
Хиславичи (Смоленская обл.), ю.-рус.	1 897	317	17 %
Нехочи (Калужская обл.), ю.-рус.	444	93	21 %
Роговатое (Белгородская обл.), ю.-рус.	889	141	16 %
Спиридонова Буда (Брянская обл.), ю.-рус.	438	52	12 %
Лужниково (Тверская обл.), ср.-рус.	580	83	14 %
Опочка (Псковская обл.), ср.-рус.	694	83	12 %
Лух и Тёза (Ивановская обл.), ср.-рус.	776	170	22 %
Устья (Архангельская обл.), сев.-рус.	7 725	904	12 %
Вадюга (Архангельская обл.), сев.-рус.	442	22	5 %

Приведенные в таблицах данные свидетельствуют о том, что в литературных и диалектных текстах количество наречий направления обычно составляет более 10% от числа соответствующих локативных наречий: от 11% до 22% в случае *туда* vs *там* и от 11% до 28% в случае *сюда* vs *тут* и *здесь*⁵. На этом фоне говор дд. Вадюги и Тиневы явно стоит особняком: в нем наречия *туда* и *сюда* встречаются гораздо реже (5 % от *там* и 6 % от *тут/здесь* соответственно); аналогичная картина наблюдается лишь в старорусском подкорпусе Национального корпуса русского языка.

Навряд ли можно предположить, что само значение направления передается в говоре в два-три раза реже, чем в других текстах на русском языке. Представляется, что гораздо более правдоподобным является объяснение, согласно которому в верхнепинежских говорах в этой функции используются локативные наречия *там* и *тут* (*здесь*). Так, в «Словаре русских народных говоров» (СРНГ) для слова *там* в качестве второго значения

⁵ Обращает на себя внимание тот факт, что в севернорусских и среднерусских говорах число вхождений *здесь* сопоставимо с количеством случаев употребления *тут*, в то время как в южнорусских *тут* существенно преобладает над *здесь*.

Табл. 2. Количество вхождений наречий *тут*, *здесь* и *сюда*, по данным речевых корпусов

	<i>тут (туда) + здесь (здесь, здесь)</i>	<i>сюда (сюды)</i>	<i>сюда в % от тут + здесь</i>
НКРЯ	268 584 + 275 819	60 385	11 %
диалектный подкорпус	1492 + 300	201	11 %
старорусский подкорпус	276 + 192	32	7 %
МУРКО	7 204 + 11 939	4202	22 %
Один речевой день (СРЛЯ)	574 + 590	186	16 %
Хиславичи (Смоленская обл.), ю.-рус.	803 + 63	232	27 %
Нехочи (Калужская обл.), ю.-рус.	243 + 32	77	28 %
Роговатое (Белгородская обл.), ю.-рус.	369 + 4	83	22 %
Спиридонова Буда (Брянская обл.), ю.-рус.	154 + 28	34	19 %
Лужниково (Тверская обл.), ср.-рус.	200 + 125	51	16 %
Опочка (Псковская обл.), ср.-рус.	194 + 117	70	23 %
Лух и Тёза (Ивановская обл.), ср.-рус.	290 + 177	75	16 %
Устья (Архангельская обл. ⁶), сев.-рус.	3 942 + 1311	582	11 %
Вадюга (Архангельская обл.), сев.-рус.	295 + 31	20	6 %

указано «2. В ту сторону, в то место, туда» [СРНГ 43: 254], причем примеры приводятся только из пинежских говоров Архангельской области; для слова *тут* — значения ‘туда’ и ‘сюда’ со значительно более широкой географией [СРНГ 45: 291] (для слова *здесь* таких значений не отмечается [СРНГ 11: 231]).

Ниже приведены примеры употребления *там* в значении направления из говора Тиневы и Вадюги. Этих случаев, по-видимому, существенно больше, но примеры, в которых нельзя на основании контекста с уверенностью судить, к какому из употреблений — локативному или ситуативному — следует отнести то или иное *там*, не включены в это число.

- (22) Побежала **там** скорей опять того искать (РАО1920);
 (23) шёл бы **там** <на реку>, всё бы выполоскал да и выстирал (РАО1920);
 (24) и вот пойдут девочки большие купаться вот **там** <на> маленькую речку (РАО1920);

⁶ Этот говор, в отличие от говора Вадюги и Тиневы, по своим лингвистическим характеристикам относится к Вологодской, а не к Архангельской группе говоров.

- (25) *чего ино девочки пойдут купаться вечером-то поздно и ней⁷ утянут там* (РАО1920);
- (26) *А молодка-то нынь привезла матерь там, вот где она родилась* (РАО1920);
- (27) *ак скорее позвонила да на скорую да, увезли там, дак спасли жизнь-то* (РАО1920);
- (28) *ночью ещё иногда гонялись, ак угонимся там на низ, дак ведь у-у-у <в> какую даль* (НАР1925);
- (29) *далеко там на луг всё было ходили, да везде ходили, да что ты* (PNS1907);
- (30) *на второй день на Зайцево опять, там все на Зайцево уйдем* (PNS1907);
- (31) *это самолет-то на Тиневу прилетел, дак его и увезли там, операцию делали, аппендицит было сделалось дак* (PNS1907);
- (32) *Я вот ведь когда-то два бидона было наварила матерых⁸, там свезла* (RMI1900);
- (33) *А эти два раза два года этто забивали на улицы, на своём, на машину навалим, и поеду я сдавать там* (RMI1900);
- (34) *В Горку придут, а там извещение почта принесёт* (МРЕ1917);
- (35) *у нас-то в Архангельском ишь-ко у ней сын да доци дак, семья дак, увезут там <молоко>, увезут, приедут увезут* (МРЕ1917);
- (36) *ой, мы переживали, думаем, ой, наш парень там в море ишь-ко уйдёт, дак ведь охти мне* (МРЕ1917);
- (37) *<сёмга> она заходит там <в речку>* (МРЕ1917);
- (38) *городом не натыкались, дак у нас и порядка-то нет, там ведь приедешь, дак всё порядок* (МРЕ1917);
- (39) *Вот это мужики опять молодые, вот такие, мужчины, опять там пойдут да, подпихают, потом опять поставят* (RMI1900);
- (40) *Ак вот у меня тоже вчера жонка там ходила <за грибами>* (ХІА);
- (41) *Она там ходила, плетенку губ⁹ принесла маленьких вот, желтянки эти* (ХІА);
- (42) *Да, ну, коньки¹⁰-да, маленько в сторону заходила, в сторону там, в болотину какую-то, ак от половина мешочка* (ХІА);
- (43) *Ак меня спроводит: «Да поиди погрейся там в овин-то дак погрейся у печки дак»* (ХРХ19ХХ);

⁷ Её.

⁸ Больших.

⁹ Род грибов.

¹⁰ Род грибов.

- (44) *приеду там да, Фаина, молодка-то: «О-о, кабыть вот колхозница!»* (ХРХ19ХХ);
- (45) *Ак ведь их прогнали новгородцы-то, пришли дак вот и, отступали они там дак от Выи-то* (ХРХ19ХХ);
- (46) *а теперь какой вырастет, да отправят там где-то учить* (ХЗV1907);
- (47) *мы их там прогоним да* (ХЗV1907);
- (48) *в Гаврилово сбегает дак, сходили там в Гаврилово-то* (ХЗV1907);
- (49) *Да, да, вот ко мне бы сходили, да тут пошли да там, да в другую деревню сходят да* (ХЗV1907);
- (50) *ак там вот привезу эти долготьё¹¹-то дак, чего* (PNS1907);
- (51) *а боле она ничего не может, там уехала, тоже у дочери всё живёт* (PNS1907);
- (52) *ак да уж чего, кто там на волок-то всё ходят, да везде было на Выю-то, я на Выю-то ещё ходила да этто везде ходила* (PNS1907);
- (53) *дак она посмотрит, чего у ней, опять там уведёт было, как ещё маленькая-то была* (PNS1907);
- (54) *Тесто, тесто, да, раскатанное, да, да, и вот и в ней там спрятаеш в тесто-то рыбу-то* (МРЕ1917);
- (55) *Вот, он ведь любитель ходить на озёра, ак вот на озёра-то там, ведь и там унесёт ней дак* (МРЕ1917);
- (56) *ак всё молоко-то посылала там-то, месяц чего и каждый день всё бидончик ему* (NAP1925);
- (57) *Раньше в поле пойдут, тусок нальют молока и пошли обедать там да* (NAP1925);
- (58) *а не знаю, бывае¹², за пять километров, ак там доярки ездили на лошаде вот да на телёге* (NAP1925);
- (59) *бидоны наставят, вот там придут к нам доиться* (NAP1925);
- (60) *потом в Ухту уехал там* (NAP1925);
- (61) *там в санаторию съездил, да вот его через военком¹³, да всё равно устроили его там* (NAP1925);
- (62) *Лиза меня созвала там, иди-ко посмотри, Мария у нас, свет горит, ой, светло лампочка включена* (NAI1910);
- (63) *и повезёт на раз десять штук, паровоз и там привезёт* (RMI1900);
- (64) *а жеребец, он там побежал да я вяжу дак, а за телегу запутываю* (RMI1900);

¹¹ Стволы поваленных деревьев.

¹² Наверное.

¹³ Военкомат.

- (65) *там* бабка увезла ещё в Тамичи них дак, Серёжкина-то матери (МРЕ1917);
- (66) Не ходит, дак ведь Вера-то, та бывает, бывала или не бывала а, в лодке-то перевезут, а и *там* ведь и не ходят (ХНА1914);
- (67) А у меня мама-то было была, она тоже молилась было, так она часто ходила *там* в часовенку-то (ХНА1914);
- (68) У нас этто и было вот в Мякинино-то не дойдешь, две часовенки-то да, *там* все ходили, бывает, уж десять километров доходили (ХНА1914);
- (69) Не хожу *там*, дак не знаю (ХРХ19ХХ);
- (70) и зиму *там* ему возила да, сами кушали дак коровушка-та была, ак и я возила, всё, кормила их (РМ1900);
- (71) и положу *там* яичко чего разобью да (РМ1900);
- (72) Да, тоже, говорит, Федька пошёл да к коням *там*, говорит (РАО1920)¹⁴.

Таким образом, как минимум в 51 случае из 442 наречие *там* употреблено в диалектных текстах в значении 'туда' (само слово *туда* употребляется при этом гораздо реже — всего 22 случая). Это означает, что, как и предполагалось, значение это выражается в верхнепинежском говоре не реже, чем в других русских говорах или СРЛЯ: с учетом 51 употребления *там* в функции 'туда' таких случаев оказывается не 5 %, а 19 % — ровно столько, сколько и по материалам НКРЯ в целом, и почти столько же, сколько по данным диалектного подкорпуса НКРЯ.

Далее приведены примеры употребления *здесь* и *тут* в значении направления:

- (73) Хорошо, что Нина *здесь* к нам часто ездит к нам дак (МРЕ1917);
- (74) <дом> мужика это ведь, я *здесь* вышла к нему, дак вот мужика это дом (ХЗV1907);
- (75) Одну зимой, а другую летом поживу-ка, два конца, как он, вот зайдешь *тут* и, а там зайдешь (РМ1900);
- (76) вот кидали бы истопку, его пооттирали, в комнату не заносили, всё у него всё отошло бы, вот в тот же хоть бы в коридор занесли или хоть и *тут* (NSX1940);
- (77) Да, да, вот ко мне бы сходили, да *тут* пошли да там, да в другую деревню сходят да (ХЗV1907);

¹⁴ Нельзя не отметить, что в говоре в значении направления может использоваться и предложный падеж существительного: *А раньше разве так? Заиграет гармонь-то, да песни-то поют, да пляшут да, о-о, как баско было, о-ой, этто у нас первый день попируют, потом на Зайцеве пойдут* (PNS1907), а также винительный падеж без предлога, см. примеры 23, 27.

- (78) *Муки-то иногда и привозят тут* (МА1932);
(79) *Нет, это Колька, служил вот на подводной лодке, он там он есть на фотографии. Тоже вот парень-то негов уж вот сидит дак, послана фотография, и вот послана тут* (МРЕ1917);
(80) *Я уж тут приехала, она говорит, мы с папой да, с папой вот* (ХНА1914);
(81) *а тут боле завозили после-то всяки шалюшечки-то, ак и рады* (ХЗV1907);
(82) *все тут в одну деревню, в Горку, в три дома зашли* (SMA1918);
(83) *ак всё Петровна придет тут, эта Нина-то Петровна* (NAP1925);
(84) *У сестры-то опять ребята, сыновья есть дак, тут тоже всё к ней ходят дак, хоть чего, дак пособят* (PNS1907);
(85) *Всю рассадил меня, а почто, меня тут пригонили* (PNS1907);
(86) *дак скороварком навторой раз приготовлю, лучку покрошу, маслица положу, и это, рыбка такими маленькими нарезана, уже выварёна, тут крутого кипятку налью, чашкой перекрою сверху, и хорошо* (NAI1910);
(87) *на чей кого ты жерновах смелешь да, кипяток вскипит да в чугунок да, и поставишь парить да, а потом ставишь ты ведро ведерочко эмалированное, что боле ложишь да, тут водичку наливаешь да* (RMI1900);
(88) *Ак большой, войдете, хватит места вам. Как у Лёни, вот тоже у Лёни-то, тут зайдешь* (RMI1900);
(89) *Тут вот и в тот клуб я тоже ходила* (RMI1900).

Примеров этих в корпусе оказалось 17, почти столько же, сколько зафиксировано вхождений *сюда* (20); общее количество случаев *сюда* и *тут*, *здесь* в значении 'сюда' — 37¹⁵ или 12 % от *тут* и *здесь* в значении 'в этом месте'. Это число снова почти совпадает с соответствующими данными по НКРЯ в целом и по его диалектному подкорпусу (11 %), хотя и несколько меньше, чем определяется по данным других диалектных корпусов. Последний факт может объясняться более широким употреблением в говоре Тиневы и Вадюги в этом значении наречия *этто*.

Таким образом, приведенные выше данные свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что в говорах Верхней Пинеги все еще сохраняются весьма заметные следы архаической системы выражения пространственных отношений без использования наречий *туда* и *сюда*, хоть и разрушающейся под влиянием современного литературного языка.

¹⁵ В действительности тоже, по всей вероятности, больше.

Верхняя Пинега не является, впрочем, единственным местом, где наблюдается это явление, оно зафиксировано, например, и в наших записях из Мезенского (дд. Калино и Езевец на реке Пёзе, правом притоке Мезени), Верхнетоемского (д. Тимошино), Плесецкого (д. Низ), Лешуконского (д. Кеба) и Пинежского (д. Веегора) районов Архангельской области. Там подобные употребления встречаются несколько реже, но следует, впрочем, отметить, что и во многих других отношениях (например, в плане просодического оформления высказывания) эти говоры не такие архаичные, как верхнепинежские¹⁶. Соответствующие примеры приведены ниже (90–100 Калино, 101–122 Низ, 123–128 Тимошино, 129–136 Кеба, 137–143 Веегора):

- (90) *ездила в Мезени, лежала в больнице;*
- (91) *а то теперь вредят, да ещё повезут **там** дак;*
- (92) ***там** в Езевец хотела ехать;*
- (93) *дак ведь <её> **Мосеево** привезли да прилетел вертолёт дак;*
- (94) *разъехались, **Мосеево** переехали тут да;*
- (95) *ездят на озеро **там**;*
- (96) *больше они переехали в лесхоз **там**;*
- (97) *и пойдёшь куда ле на работу **там**;*
- (98) *утром придут пообедают, вечером опять вот **там** потом;*
- (99) *чтобы **там** во хлеве не залетали;*
- (100) *А раньше-то ведь негде было спать-то, вот мы вот **там**-то пришли, вот одна изба, одна койка была... А **здесь**-то перешли, что ты!.. Да и то мы на койке-то не спали, пока я ребят носила;*
- (101) *дак ходили в-за-реку за морёшкой **там**;*
- (102) *дак **там** ходит в-за-реку, на ту сторону ходит;*
- (103) ***там**-то я ведь зимой-то уйду, в Архангельске живу у дочи-ти;*
- (104) *дак некто **там** не лез, дак и я не полёзла больше (под амбар);*
- (105) ***там** ребята запехали под этот, под онбар-от;*
- (106) ***там** в Шёнкурско ехать;*
- (107) *они **там** залёзли потём (под амбар);*
- (108) *да к цёрту зарёжу да снесу **там** (на рынок);*
- (109) *он сразу **там** пошёл в милицию;*

¹⁶ Однако диалект информанта ТТФ 1908 г. рождения из д. Низ, в речи которого встретились эти примеры, как раз можно считать одним из самых архаичных для говора: дело в том, что на момент записи в 1988 г. ТТ уже много лет была полностью глухой, что, по-видимому, способствовало консервации диалектных особенностей вследствие отсутствия влияния на ее речь средств массовой информации. Подробнее о некоторых чертах ее говора см. в [Князев 2021].

- (110) *новы́е с вино́м при́дут **там** продава́ть* (на рынок);
- (111) *То́нька, я так бо́юсе, как ты уйдёшь **та́м**-то, у меня ведь вся ду́ша бо́лит* (в лес за ягодами);
- (112) *а пото́м съэ́здила **та́мотки***;
- (113) *Ми́ша хо́дит за реку́ все́ **та́мотки***;
- (114) *У Зи́ны у Шутовой ягнёнок зашёл **тамотки** в навоз-от да улип да и, и Миша говорит, не может и вылезти*;
- (115) *я залезу **там на куче***;
- (116) *а они **там** пойдут во двор глядеть*;
- (117) *А ночь мя́со друго́й раз **в магазине** привезут, дак ой!*;
- (118) *друго́й раз на окошко повалится да **там** за окошко блюёт*;
- (119) *Ребя́та вот ходили на озеро **там** ездили да*;
- (120) *Теперь никто не живёт, сузём¹⁷, о, говорят, сузём, ушёл **тамотки***;
- (121) *<кобыла> в лесе была спущена да и там пошла да и в Бардозерский ручей там куды*;
- (122) *уехали **там в Свердловском**-то*;
- (123) *(Что, тут тоже купил дом?) Материн перетащил **тутока**, материн перетащил*;
- (124) *(Может быть, съездим в Заболотье да в Семёновское.) Да-да, **там** ходят эти автобусы да машины да... До Семёновска, наверное, хоят и*;
- (125) ***там** раньше на мельницу ездили, так вот ездила на мельницу **там***;
- (126) *да отец не дал **там** нам за Двину в школу-то ходить*;
- (127) ***там** на вёслах ездили в лодке раньше*;
- (128) *Дак гуляла, дак он **в армии** ушёл*;
- (129) *А я говорю: «Ты, дедина, пойдёшь ле к матери-то **там**, в конец-то?»*;
- (130) *Ак я говорю: «Пойдём, да нас уж утяни **там**»*;
- (131) *У нас ведь русские тоже выходят **там** замуж* (из Кебы в Коми);
- (132) *Сегодня, говорят, чего-то навезли **там** в магазин-от*;
- (133) *Зять-от уехал **там**, на пожню-то, бригадиром работать*;
- (134) *дак робишь-робишь, **дома-то** в воскресенье пришла, дак еще надо вот и дрова пилить на смену*;
- (135) *Поехали вверх, вот **там** тебе за десять-то километров, **там** поехали*;

¹⁷ Глухой дремучий лес.

- (136) он еще один раз ездил **там**, был на Украины;
- (137) Потом с войны-то **тут** пришли дак;
- (138) Она **там** ушла ведь и послала Клашу-то;
- (139) Ребята приходят **тут**, ребята сидят да лежат да;
- (140) Так как я буду, да как вот **там** приедешь-то да?;
- (141) Белила — приведут невесту, на смотрење **там** приведут, в это место-то, не здесь, а невесту **тут** приведут...
- (142) А белила-ти — дак уйдут на поветь, либо **там**, в другую комнату, в холодную;
- (143) из-за стола выведут и повезут **там** к отцу, матери.

Источники

Гардер М. О., Петрова Н. С., Мороз А. Б., Панова А. Б., Добрушина Н. Р. Корпус говора села Спиридонова Буда. 2018. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ [Электронный ресурс]. URL: <http://linghub.ru/spiridonovabuda/>

Даниэль М., Добрушина Н., Вальденфельс Р. фон. Говор бассейна Устьи. Корпус севернорусской диалектной речи. 2013–2018. Берн, Москва [Электронный ресурс]. URL: www.parasolcorpus.org/Pushkino

Князев 2021 — Князев С. В. Корпус говоров бассейна Верхней Пинеги и Выи. 2021. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции НИУ ВШЭ [Электронный ресурс]. URL: <http://lingconlab.ru/vaduga/> (дата обращения: 12.12.2021).

Кувшинская Ю. М. Корпус говоров низовья рек Лух и Теза. 2020. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ [Электронный ресурс]. URL: <http://lingconlab.ru/lukhteza/> (дата обращения: 20.12.2021).

Мальшева А. В., Тер-Аванесова А. В. Лужниковский корпус. 2021. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН [Электронный ресурс]. URL: <http://lingconlab.ru/luzhnikovo/> (дата обращения: 20.12.2021).

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 20.12.2021).

Ронько Р. В., Вольф Е. А., Гребенкина М. Ю., Ершова М. Ю., Охупкина А. В., Хадасевич А. С., Морозова В. А. Корпус опочечских говоров. 2019. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН [Электронный ресурс]. URL: <https://lingconlab.ru/opochka> (дата обращения: 20.12.2021).

Рыко А. И., Спиричева М. В. Корпус Хиславичского района Смоленской области. 2020. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ [Электронный ресурс]. URL: <http://lingconlab.ru/khislavichi/> (дата обращения: 20.12.2021).

Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (1–23), Ф. П. Сороколетов (24–52), Ленинград; СПб., 1965–2019–. Вып. 11. 1976. Вып. 43. 2010. Вып. 45. 2013.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–31–. М., 1975–2020–. Вып. 29. М.: Наука — Азбуковник, 2011. 480 с. Вып. 30. М.; СПб.: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова, Нестор-История, 2015. 320 С.

Срезневский И. И. *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*. СПб.: Издание Отделения русского языка и словесности Императорской АН, 1912. Т. 3.

Тер-Аванесова А. В., Дьяченко С. В., Корпечкова Е. В., Малышева А. В., Пекунова И. С., Толстая М. Н. Корпус говора деревни Нехочи. 2020. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции (НИУ ВШЭ), Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Институт славяноведения РАН [Электронный ресурс]. URL: <http://lingconlab.ru/nekhochi/>

Тер-Аванесова А. В., Дьяченко С. В., Колесникова Е. В., Малышева А. В., Игнатенко Д. И., Панова А. В., Добрушина Н. Р. Корпус говора деревни Роговатка. 2018. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции (НИУ ВШЭ) [Электронный ресурс]. URL: <http://lingconlab.ru/rogovatka/> (дата обращения: 20.12.2021).

Литература

- Апресян В. Ю. Тут, здесь и сейчас. О временных значениях пространственных дейктических слов // Русский язык в научном освещении. 2014. № 1 (27). С. 9–41.
- Евгеньева А. П. Словарь русского языка. Т. 4. М.: Русский язык, 1984. 800 с.
- Князев С. В. Пословный мелодический контур и один из способов оформления незавершенности в говоре с. Церковное Архангельской обл. // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2021. № 2 (27). С. 39–65.
- Князев С. В. О фразовой интонации в русских говорах с пословным мелодическим оформлением // Вопросы языкознания. 2022. № 1. С. 7–39.
- Князев С. В., Левина А. Н., Пожарицкая С. К. О говорах Верхней Пинеги и Выи // Русские диалекты: история и современность. Вопросы русского языкознания. Вып. VII. М.: МГУ, 1997. С. 198–220.
- Косарева Е. О. О частотности дейктических пространственных наречий в повседневной речи // Вестник пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2016. № 1 (33). С. 14–20.

- Левонтина И. Б. Частицы переспроса и припоминания // Слово и язык. Сборник статей к восьмидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 269–278.
- Маркова Н. С. Дейктические локативные наречия в русском языке: лингводидактический аспект. Статья II: там, туда, сюда, отсюда, оттуда, досюда, дотуда // Преподаватель XXI век. 2019. № 4. С. 418–425.
- Пеньковский А. Б. Очерки по русской семантике. М.: Языки славянских культур, 2011. 610 с.
- Рачёва А. А. Дейктические единицы «здесь», «тут» и «там» в устной речи: маркирование дискурсивных процессов // Сибирский филологический журнал. 2018. № 4. С. 257–272.
- Шмелев А. Д. Частица *там* как маркер «несущественной детали» // Язык как материя смысла. Сб. ст. к 90-летию юбилею академика Н. Ю. Шведовой. М.: ИЦ Азбуковник, 2007. С. 208–218.

References

- Apresyan V. Ju. Tut, zdes' i sejchas. O vremennyh znachenijah prostranstvennyh deikticheskikh slov. *Russkij jazyk v nauchnom osveshhenii*, 2014, no. 1, pp. 9–41. (In Russ.)
- Evgenyeva A. P. *Slovar russkogo jazyka*. Vol. 4. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1984. 800 p.
- Knyazev S. V. *Pjslovnyi melodicheskii kontur i odin iz sposobov oformleniya nezavershennosti v govore s Tserkovnoe Arkhangel'skoi oblasti* [Word-by-word melodic contour and one type of incompleteness marking in Tserkovnoe dialect, Arkhangelsk Oblast]. *Trudy Instituta russkogo yazyka imeni V. V. Vinogradova*, 2021, no. 2 (27), pp. 39–65. (In Russ.)
- Knyazev S. V. *O frazovoy prosodii v russkikh govorakh s poslovnym melodicheskim oformleniem* [Sentence intonation in Russian dialects with word-by-word melodic contour]. *Voprosy yazykoznanija*, 2022, no. 1, pp. 7–39. (In Russ.)
- Knyazev S. V., Levina A. N., Pozharitskaya S. K. *O govorax Verxney Pinegi i Vyi* [On Upper Pinega and Vyya dialects]. *Russkie dialekty: istoriya i sovremennost'. Problemy russkogo yazykoznanija* [Russian dialects: history and present state. Problems of Russian linguistics. VII]. Moscow, Moscow State University Publ., 1997, pp. 198–220. (In Russ.)
- Kosareva E. O. *O chastotnosti deyticheskikh prostranstvennykh narechij v povsednevnoy rechi* [Frequency of deictic local adverbs in everyday speech]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*, 2016, no. 1 (33), pp. 14–20. (In Russ.)
- Kuznetsov P. S. *O govorax Verxney Pinegi i Verxney Toymy* [On Upper Pinega and Upper Toyma dialects]. *Materialy i issledovaniya po russkoy dialektologii. Tom 1* [Materials and studies in Russian dialectology. Vol. 1]. Moscow – Leningrad, 1949, pp. 5–44. (In Russ.)
- Levontina I. B. "Chasticy peresporsa i pripominanija". *Slovo i jazyk. Sbornik statej k vos'midesjatiletiju akademika Ju. D. Apresjana*. Moscow, Yazyki Slavjanskih Kultur Publ., 2011, pp. 269–278. (In Russ.)

- Markova N. S. Deykticheskie lokativnye narechiya v russkom yazyke: lingvodidakticheskiy aspekt. Stat'ya II: tam, tuda, syda, otsyuda, ottuda, dosyuda, dotuda. *Prepodavatel' XXI vek*, 2019, no. 4, pp. 418–425. (In Russ.)
- Pen'kovskiy A. B. *Essays in Russian semantics*. Moscow, Yazyki Slavjanskih Kultur Publ., 2004. P. 610.
- Racheva A. A. The deictic units “zdes” (here), “tut” (here) and “tam” (there) in oral speech: marking of discursive processes. *Sibirsky filologichesky zhurnal*, 2018, no. 4, pp. 257–272. (In Russ.)
- Shmelev A. D. “Chastica *tam* kak marker ‘nesushhestvennoj detail’”. *Jazyk kak materija smysla. Sb. st. k 90-letnemu jubileju akademika N. Ju. Shvedovoj*. Moscow, IC Azbukovnik, 2007, pp. 208–218. (In Russ.)

«Растѣкашется мыслию по древу»

Владимир Иванович МАКСИМОВ, Общество исследователей Древней Руси при ИМЛИ РАН
(Россия, Москва), vladimir_maksimov44@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170019845-8

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается знаменитое высказывание автора «Слова о полку Игореве», характеризующее творческую манеру древнерусского барда Бояна — «растѣкашется мыслию по древу». Предложено толкование «мысли» как другого названия омелы — растения, паразитирующего на деревьях разного вида. Это название представлено в ряде европейских языков — английское *mistle(toe)*, немецкое *Mistel*, шведское *mistel* и фонетически практически совпадает с русским словом *мысль*. В древние времена у германцев, галлов, кельтов омела являлась культовым растением, ей приписывались особенные защитные и целебные свойства, а дерево, на котором росла омела, считалось священным. У славян омела была символом плодородия, жизни и бессмертия. Особенно почитался поросший омелой дуб. Возможно, именно он и обозначен в «Слове» как «мыслено древо». Не исключено, что автор «Слова» обыграл фонетическое совпадение двух слов, обозначающих разные, но в чем-то подобные понятия — человеческую мысль, охватывающую время и пространство, и необычное растение, распространяющееся по дереву. Высказанное предположение позволяет сохранить тройственное сравнение творчества Бояна, перевести его в реальное пространство — омела, волк, орел — и не прибегать к представлению о воображаемом «мысленном дереве».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: «Слово о полку Игореве», Боян, мысль, мыслено древо, омела

для цитирования: Максимов В. И. «Растѣкашется мыслию по древу» // Русская речь. 2022. № 2. С. 72–95. DOI: 10.31857/S013161170019845-8.

From the History of the Russian Language

“Rastekashetsya Mysliyu po Drevu”

Vladimir I. Maksimov, Society of Researchers of Ancient Russia at the Institute of World Literature
(Russian Academy of Sciences) (Russia, Moscow), vladimir_maksimov44@mail.ru

ABSTRACT: The article examines the famous statement of the author of “Slovo o Polku Igoreve” (“The Tale of Igor’s Campaign”), which characterizes the creative manner of the Old Russian bard Boyan — “he will spread his thoughts on the tree”. The interpretation of “thought” as another name for mistletoe — a plant that parasitizes trees of different types — is proposed. This name is represented in a number of European languages — English mistle(toe), German Mistel, Swedish mistel and phonetically almost coincides with the Russian word *thought*. In ancient times mistletoe was a cult plant of the Germans, Gauls, Celts, it was attributed special protective and healing properties, and the tree on which the mistletoe grew was considered sacred. Among the Slavs mistletoe was a symbol of fertility, life and immortality. The mistletoe-covered oak was especially revered. It is suggested that the tree mentioned in the “Slovo” and named a “the thought tree” is an oak tree covered with omela. It is possible that the author of the “Slovo” played the phonetic resemblance of two words that denote different, but somewhat similar concepts — a human thought that encompasses time and space, and an unusual plant that spreads on the tree. This assumption allows us to preserve the threefold comparison of Boyan’s work, to translate it into real space — mistletoe, wolf, eagle — and not to resort to the idea of an imaginary “thought tree”.

KEYWORDS: “The Tale of Igor’s Campaign”, Boyan, thought, mistletoe, tree

FOR CITATION: Maksimov V. I. “Rastekashetsya Mysliyu po Drevu”. Russian Speech = Russkaya Rech’. 2022. No. 2. Pp. 72–95. DOI: 10.31857/S013161170019845-8.

Не слишком лестная характеристика, данная автором «Слова о полку Игореве» творчеству своего предшественника Бояна, — «растѣкашется *мыслию* по древу» — самое знаменитое «темное» место памятника. Эта формула известна нам со школьной скамьи — так говорят о человеке, витиевато и неконкретно излагающем свое мнение по какому-либо вопросу. И, хотя изначальный ее смысл неясен, при каждом удобном случае, оценивая говорящего, люди заученно повторяют: «растекается мыслию по древу» (именно в настоящем времени, которое так похоже на имперфект, древнерусскую форму прошедшего времени), хотя не все помнят продолжение — «серым волком по земле, сизым орлом под облаками».

Почему характеристика не слишком лестная? Потому что автор обещает излагать историю Игорева похода «по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню», и тем самым отказывается от стиля и манеры изложения, свойственных Бояну, который, если пел кому величальную песнь, начинал издали — вспоминал «первых времен усобицы». И здесь вполне уместным представляется сравнение со строками из «Науки поэзии» Горация:

«Он для Троянской войны не вспомнит про Ледины яйца;
Сразу он к делу спешит, бросая нас в гущу событий...»
(Перевод М. Гаспарова).

Гораций ставит в пример поэтам Гомера, который в «Илиаде» сразу начинает излагать текущие события. Так и автор «Слова», характеризуя творчество Бояна, критически отозвался о присущей Бояну манере повествования «ab ovo» (от яйца) и отметил излишнюю широкоохватность Бояновых песен, сравнив процесс их создания с некоторыми, безусловно известными слушателям, явлениями живой природы:

«Боянь бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется
мыслию по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ
подъ облакы».

Первой в этой триаде однородных сравнений оказалась таинственная «мысль». А после рассказа о намерении Игоря идти в поход, в непосредственном воззвании автора к Бояну — «О Бояне, соловию стараго времени! Абы ты сиа плѣкы ущекоталь, скача славию по мыслену древу» — к ней добавилось не менее таинственное «мысленое древо».

Первые издатели перевели «растѣкашется *мыслию* по древу» довольно «темно» — «носился мыслию по деревьямъ». Понимали ли они «мысль» как некоего реального зверька вроде белки-летяги или куницы или как мысль

человеческую, неясно — комментариив к этому месту они не оставили, и современники понимали «мысль» в значении творческой фантазии, воображения [Виноградова 1971: 82]. При этом дерево издатели однозначно считали реальным, что следует из подмены его в переводе множественным «по деревьям» и подтверждается переводом другого выражения с упоминанием мысли и дерева: «скача славлю по мыслену древу» — «скача соловьемъ мысленно по древу». Для глагола «растѣкашется» они выбрали значение «носился», соответствующий стремительному, но, скорее, беспорядочному движению, видимо, из-за того же сравнения Бояна с соловьем, скачущим по «мыслену древу». Похожий перевод этих мест, но соответствующий более спокойному перемещению, — «расстилался мыслию по древу», «скача соловьемъ мысленно по древу» — представлен и у неизвестного автора (1790-е годы), видевшего черновик перевода первых издателей [СПИ 1967: 98, 99]. Но хотя глаголы с корнем «течь», как в «Слове» — «которыи дотечаше [догонял, настигал. — В. М.], та преди песнь пояше», так и в наше время (например, бел. уцякаць, укр. втикати — убежать, бежать от кого, чего) могут характеризовать быстрое движение, мы привыкли к образу Бояна, отвлекавшегося в ходе своего повествования от основного сюжета. Значение глагола **растѣкатися** — *разливаться* в Словаре Срезневского представлено с опорой именно на эту фразу из «Слова» [Срезневский 1912: 94]. Такое же значение глагола встречаем у В. В. Капниста и В. А. Жуковского. Другое значение — «разбежаться» привела В. П. Адрианова-Перетц [Адрианова-Перетц 1966: 28]: «Сынове же Израилеви всюду растекъшеса, ратныя исекоша». Но и в том и другом случае характерно распространение вширь, в разные стороны¹.

В том, что мысль невещественна, нет ничего удивительного, но позже, кроме мысли, в некоторых переводах перестало быть реальным и дерево: у В. В. Капниста — «растекался по мысленну древу», «скача соловьем по мысленному древу» (1809–1813), у В. А. Жуковского — «растекался мыслию по древу», но «скача соловьем по мысленну древу» (1817–1819).

Однако не всех исследователей «Слова» устраивала абстрактная мысль, носящаяся по мнимому мысленному дереву. Многие обращали внимание на то, что, судя по структуре фразы, в процессе песнопения творческий взор Бояна, широко охватывая пространство, простирался подобно тому, как некое неизвестное существо по древу, как волк по земле, как орел под облаками: «не зверок ли, не птичка ли какая, ибо тут видимая постепенность сравнений — облака, земля, дерево — орел, волк — мысль?» (Н. А. Полевой, 1833) [ЭСПИ 1995: 79], «по аналогии с серым волком и сизым

¹ Другие примеры употребления глаголов движения с приставкой *рас-* (*раз-*) в «Слове»: «и, рассушяся стрелами по полю, помчаша красныя дѣвки Половецкыя», «мое веселие по ковылию развезя».

орлом тут должен быть какой-нибудь зверок» (Н. П. Корелкин² со ссылкой на мнение Н. А. Полевого и А. С. Пушкина, 1854) [ЭСПИ 1995: 293]. Такого же мнения придерживался Е. В. Барсов: «Художественный смысл рѣчи подсказывает, что подъ *мыслию* здѣсь скрывается какой-нибудь звѣрокъ, способный растекаться по древу, как волкъ по землѣ или орель под облаками» [Барсов 1887: 128]. Позже (1889), видимо, как компромисс между реальностью и абстракцией, он предположил в этом месте гаплографию — пропуск после слова «мыслию» похожего на него «мысию» (от «мышь», в некоторых северных говорах означающего белку).

В итоге под реальным зверьком, который мог «растекаться» по реальному дереву, стали понимать мышь-белку³, а запись *мыслию* — считать результатом ошибки переписчика. Так возникла белка разных видов в переводах А. Н. Майкова (векша) и К. Д. Бальмонта, И. А. Новикова (мысль летяга-векша), А. К. Югова (мысль-белка). Белку-мышь приняли А. А. Косоруков, А. М. Домнин (но оба признавали мифическое дерево), О. Н. Трубачев (но считал «мысленное дерево» ошибкой), И. И. Шкляревский.

Тем не менее при понимании «мысли» как некоего зверька или добавления пропущенного слова с его названием главную трудность представляет согласование «мысли, растекавшейся по древу», и самого «мысленного древа», которую первые издатели попытались преодолеть, переведя исходное «скача славлю по мыслену древу» с некоторым отклонением от древнерусского текста — «скача соловьемъ мысленно по древу»⁴. Из-за этого же не принимал ни «мышь»-белку, ни, тем более, «мышь»-мышь Д. С. Лихачев: «...никак нельзя согласиться, что “мыслену” надо исправлять на “мысию”⁵ [? — В. М.] и древо, следовательно, считать реальным. “Мышь”, т. е. “мышь”, выпадает из обычных ассоциаций “Слова” со звериным миром. Творчество Бояна может быть сравнено с полетом орла, сокола, пением соловья и полетом лебедей, но не со скоком мышей (тем более, что сказать о мыши, что она “скачет”, вообще невозможно)» [Лихачев 1998: 56]. Добавим, однако, что реальность «мыслена

² Он же предложил мышь как псковское название белки, которое позже вошло в Словарь В. И. Даля.

³ Другие варианты: рысь (Корш), горноста́й (Андриевский), соня (Шарлемань), лесная мышь (Егоров), соловей (Деларю, Набоков, Виноградова).

⁴ Сравнительное «скача соловьемъ», т. е. «скача, как соловей» выглядит гораздо лучше, чем возникающий вследствие звательного падежа «славлю» образ самого Бояна, «скачущего по мысленному древу». Само «славлю» могло возникнуть как результат ошибочного считывания на каком-то этапе. Так, если слово оказывалось в конце строки и немного не хватало места, окончание зачастую заменялось неопределенной «завитушкой». Такое написание можно видеть, например, в Екатерининской копии «Слова».

⁵ Здесь, видимо, имеет место смешение древнерусского текста «по мыслену древу», где такое исправление невозможно, с переводом «мысленно по древу».

древа» не зависит от того, считать ли «мысль»-«мысь» мышью или белкой: если «мысль» реальна, то реальным должно быть и «мыслено древо», так же как реально небо орла и земля волка. И кем бы ни была эта «мысль», необходим ответ еще на один вопрос: почему Боян скачет соловьем по «чужому» дереву?

В связи с трудностью толкования рассматриваемого места А. С. Демин, в частности, отметил: «В древнерусской литературе XI–XIII вв. не обнаруживается ни одного примера, который помог бы считать характеристику пения Бояна в “Слове о полку Игореве” реально-пространственным художественным образом» [Демин 1988: 57].

Выход из положения многие видели в представлении о мыслях Бояна, непосредственно распространяющихся по воображаемому «мысленному древу», как символическом изображении творческого процесса. Так понимали Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев, О. В. Творогов, Н. А. Мещерский, Л. Н. Гумилев. Так переводили Г. П. Шторм, С. В. Шервинский, В. И. Стеллецкий, Н. А. Заболоцкий. Характерно, что представление о свободном движении абстрактной мысли подкреплено ее упоминанием в других местах «Слова» — «ни мыслию смыслити» в плаче русских жен, «не мыслию ти прилетети» в обращении киевского князя Святослава к Всеволоду Большое Гнездо, «храбрая мысль носит вашъ умъ на дело» в обращении Святослава к Роману и Мстиславу, «Игорь мыслию поля мерить» перед побегом из плена.

Однако при таком толковании число сравнений в исходной фразе, несмотря на стремление сохранить все три — «Боян... растекался мыслию по дереву, серым волком по земле, сизым орлом под облаками» (объяснительный перевод Д. С. Лихачева) — фактически сокращается до двух, что видно из сопроводительного текста к этому переводу — «витийственно стелющегося мыслию по дереву воображения» (а это уже не сравнение!) [Лихачев 1985: 51], и еще более отчетливо — в представленных во многих изданиях переводах Н. И. Рыленкова («мысль, как серый волк в степи, бежала, поднималась к облакам орлом...», 1966) и А. Г. Степанова («по мысленному древу раскинется: серым волком по земле, сизым орлом под облаком», 1967), где волк и орел тождественны мысли. Это относится и к образу песенных «гуслей-мыслей», предлагавшихся Н. В. Шарлеманем (со ссылкой на М. Г. Халанского) для объяснения поведения Бояна, растекавшегося мыслию по древу — играя на гусях, он разбежался по ним мыслию [Шарлемань 1958: 41–42]. Этот эффект при символическом толковании мысли отметил А. С. Демин: «“Древо” в данном отрывке не похоже на реалию, скорее это символ, притом не совсем понятный нам. Тройственная структура реально-пространственной характеристики того, как пел Боян, оказывается подорванной» [Демин 1988: 54].

Как еще одна альтернатива реальному пониманию образов, характеризующих творчество Бояна, возникло мифологическое толкование, в основе которого лежит восходящее к европейским мифам представление о мифическом мировом древе, видимо, являющееся экстраполяцией некоторых реальных священных деревьев, зафиксированных в исторических хрониках. Так, сохранились сведения о священном дубе бога германцев Водана (Бодана), стоявшем в Гессене, который в годы правления Пипина Короткого (VIII в.) срубил архиепископ франков Бонифаций, чтобы показать бессилие языческих богов [Бадак и др. 1996: 324]. «В Германии в ходе завоеваний Карла Великого франки сожгли священную рощу саксов и стоявшую в ней главную святыню — огромный ствол Ирменсуль [Бадак и др. 1996: 328].⁶ Какие-то отголоски похожих древних преданий зафиксировал Адам Мицкевич в поэме «Пан Тадеуш» (1834):

«А как Баублис дуб? В стволе его зияло
огромное дупло; сходилось в нем, бывало,
двенадцать рыцарей на пиршестве веселом.
< ... >

Дуб, старый говорун, разросся в поднебесье,
Нашептывал певцу сказания не раз он!»,

сам же написавший в комментарии: «В Росенском уезде [Россиенский уезд Виленской губернии. — В. М.], в имени Пашкевича, земского секретаря, рос дуб, прозванный Баублис, некогда, в языческие времена, считавшийся священным. В дупле этого исполина Пашкевич устроил кабинет литовских древностей». Хотя нельзя исключить, особенно в связи последними строками, что этот стих своим происхождением обязан не только истории короля Артура, но и «Слову о полку Игореве».

К сожалению, в работе Д. М. Шарыпкина, рассматривающей в качестве аналогов поэзии Бояна образцы скандинавской поэзии и мифологии, предложено толкование весьма общего характера без прямого перевода отрывка, лишь с указанием, что «здесь “мысль” аналогична мифологической “мыси” [белке. — В. М.] и в смысловой функции, и в фонетическом звучании. Читая выражение “растѣкашется мыслию по древу”, следует помнить, что по мысли (воображаемому) древу в поэтическом представлении скальдов бежит воображаемая “мысль» [Шарыпкин 1976: 19]. При этом, однако, не ясно, заменяет ли белка-«мысль» при таком понимании «мысль» или, как в версии Барсова, дополняет ее. Кроме того, это

⁶ «Видукинд в “Истории саксов” (10 в.) соотносит с культовым столпом саксов И<рминсуль> (по-видимому, культовый аналог Иггдрасиля, мирового древа скандинавской мифологии) божество германской мифологии И<рмина>» [Токарев (гл. ред.) 1980: 464].

толкование не объясняет, почему по «мыслену древу» скачет не белка-«мысль», а соловей.

История вопроса и практически современное его состояние достаточно подробно изложены в Энциклопедии «Слова о полку Игореве» в статьях **Мысль** и **Древо**.

В первой статье ее автор, изложив разные исторические предположения о «мысли», пишет: «Скорее всего, в авторском тексте читалось все же слово “мысль”. Об этом говорит прием параллелизма, использованный в рассматриваемом фрагменте, свидетельствующий о том, что наряду с волком и орлом здесь упомянут зверек или птичка, так же прочно связанный в нашем сознании с деревом, как орел с небом, волк — с землей. Таким зверьком и является белка. Особенно убедительным выглядит в данном фрагменте чтение “мысль” в значении “белка”, если учесть, что здесь упомянуто не простое дерево, а “мировое древо”, отражающее космологические представления язычников» [Соколова 1995а: 295].

Во второй статье она связывает изложенное с «мысленным деревом»: «Древо», упомянутое во втором фрагменте (“О Бояне...!”), охарактеризовано эпитетом “мысленное”. В связи с этим исключалась материальная трактовка этого Древа (тем не менее такая попытка была предпринята Ф. Е. Коршем). “Мысленное древо” толковали как мифологическое (И. Н. Жданов видел в нем родословное Древо, символизирующее смену и вместе с тем связь человеческих поколений, а Гаспаров — Древо познания), так и как метафорический поэтический образ: «дерево мыслей, мышления» (Веселовский, Айналов) или «дерево поэзии, древо песен» (Ржиги)⁷ [Соколова 1995б: 140].

Статья завершается выводом в пользу мистико-мифологического толкования древа, хотя за мысленными ипостасями Бояна сохраняются их предметные образы: «Представляется, что наиболее удачным следует считать толкование Древа во фразе “растёкшется мыслию по древу” как мифического мирового Древа, впервые предложенное Майковым и развитое Д. М. Шарыпкиным и Е. Л. Мороз. В скандинавской мифологии, например, повествуется о космическом Древе — ясене Иггдрасиль, на вершине которого сидит орел, у корней находится дракон Нидхег, а по стволу бегают белки — медиатор между верхом и низом. Боян, таким образом, растекается по мировому Древу в образе зооморфных представителей трех космических зон: орла, волка, белки (мыси), т. е. становится всеобъемлющим, всеведущим. Здесь автор Слова отразил, по мнению исследователей, языческое представление о поэтическом

⁷ Подробнее толкования упомянутых выше и других исследователей приведены в работе В. Л. Виноградовой [Виноградова 1988: 141, 142].

творчестве как о волхвовании, сопровождающемся мистич<ескими> превращениями» [Соколова 1995б: 140].

Мистические толкования этой фразы «Слова» перешли и в справочные издания более широкого назначения. Так, в энциклопедии «Мифы народов мира» в статье БОЯН (авторы статьи — В. В. Иванов, В. Н. Топоров) говорится: «в восточнославянской мифологии эпический поэт-певец. Известен по “Слову о полку Игореве” (имя Б<оян> встречается также в надписях Софии Киевской и в новгородском летописце): “Боян бо вещей, аще кому хотяше песнь творити, то растекашется мыслию по древу, серым вълком по земли, шизым орлом под облакы”. В песнях Б<ояна>, таким образом, сказалась шаманская традиция, связанная с представлением о мировом дереве» [Токарев (гл. ред.) 1980: 153]. Практически тот же текст приведен в «Мифологическом словаре» [Мелетинский (гл. ред.) 1990: 101].

Довольно долго никто к теме «мысли» не обращался. Но в 1996 г. появилась работа А. Н. Барулина [Барулин 1996], в которой автор, не слишком оригинально определив мысль как форму творческого процесса Бояна, «кстати, рассчитанного на высокий интеллектуальный уровень слушателей песни», сократил число виртуальных ипостасей Бояна до двух. При этом с опорой на фразу «меча бремени чрезъ облакы»⁸, он изменил исторически принятый творительный падеж в сравнении «шизымь орломъ подъ облакы» на идентичный для «облакъ» мужского рода винительный, полагая при этом, что глагол «растекашется» может иметь значение «разгонялся», что создает образ орла, стремительно взмывавшего вверх к облакам вместо традиционно парившего под облаками. В своей следующей работе в результате рассмотрения весьма сложных метафизических представлений о творчестве Бояна (состояние транса, мыслено древо как модель мирового древа знания, мысль как инструмент познания, связывающий внутренний мир Бояна с реальностью) А. Н. Барулин сформулировал результат своего исследования: «Теперь смысл всех слов понятен, можно сделать перевод. “Ведь вещей Боян, когда кому-то хотел сложить песнь, разгонялся мыслию по Древу: серым волком по земле, сизым орлом под облака”» [Барулин 2007: 28]. Не соглашаясь с выводами исследователя в целом, отметим, что изложенный подход позволяет исключить сомнительное совмещение в одном потоке сравнений абстрактной мысли и вполне реальных волка и орла. Но по сути это весьма близко к толкованию Е. В. Барсова — «мыслию мысию» и В. Л. Виноградовой — «мыслию соловьем», только с сокращением объектов, с которыми сравнивается мысль

⁸ К сожалению, это ошибочное написание В. мн. «облаки» (в Ек. копии: «облакы») для существительного «облакъ» мужского рода пропущено в «полном списке таких ошибок» А. А. Зализняка [Зализняк 2008: 135].

Бояна, с трех («мысль», волк, орел) до двух (волк, орел), как это ранее уже было воспроизведено в переводах Н. И. Рыленкова (1966) и А. Г. Степанова (1967).

Последними к настоящему времени работами, затрагивающими эту тему, по-видимому, являются монография А. А. Бурыкина «“Слово о полку Игореве”: текст, язык, автор» [Бурыкин 2017] и книга С. Л. Николаева «“Слово о полку Игореве”. Реконструкция стихотворного текста» [Николаев 2020]. Однако заметных изменений в толкование «мысли» и «мыслена древа» они не внесли.

Бурыкин в комментарии к тексту «Слова» фактически повторил сказанное им и Н. А. Мещерским в последнем издании «Слова» в Библиотеке поэта [СПИ 1985: 442, 445] и, соответственно, отраженное в Энциклопедии «Слова»⁹. Добавлено только: «Новейшие лингвогеографические данные по слову *мысль* в ряду названий белки... ничего не прояснили в рассматриваемом вопросе, кроме документации самой лексемы *мысль* в современных русских говорах... Оригинально предположение В. Г. Складенко, что под “древом” тут имеется материал для письма — дощечки, наподобие тех, что были найдены в Новгороде в 2000 г.» [Бурыкин 2017: 416]¹⁰.

Николаев без подробного рассмотрения вопроса указал в комментариях: «**Мыслию** {мыслию}. Северный диалектизм: рус. псков., урал. *мысль* ‘белка’ (СРНГ, ПОС). Может восходить к **mystl̥*, ср. лат. *mūstela* ‘ласка, горноста́й’ (Фасмер III sub *мысль*)¹¹. В “Слове”, по-видимому, игра словами *мысль* ‘белка’ и *мысль* ‘мысль’: ср. **по мыслену древу**». То есть дословно повторил сказанное в своей более ранней работе: «**Мыслью**. Северный диалектизм: русск. диал. *мысль* ‘белка’ Пск., Урал. [СРНГ, ПОС]. Может восходить к **mystl̥*, ср. лат. *mūstela* ‘ласка, горноста́й’ [Фасмер]. В “Слове”, по-видимому, игра слов: ср. ниже *по мыслену древу* [так. — В. М.]» [Николаев 2014: 525].

Таким образом, автор полагает, что в тексте «Слова» присутствуют два совершенно разных образа: реальная белка и воображаемое мысленное дерево. Однако игра словами, значение одного из которых («мысль» как белка) является узкорегинальным и даже, возможно, профессиональным (у охотников), а другое связано со сложным философским представлением о мироздании или поэзии («мысль» в контексте «мыслена древа»),

⁹ По-видимому, работы А. Н. Барулина остались неизвестными автору монографии.

¹⁰ Версия В. Г. Складенко с дощечками скорее напоминает сомнительную историю Велесовой книги.

¹¹ Предположение о происхождении «мысли-белки» (*мысль* как обозначение быстро движущегося, «летающего» зверька) от **mystl̥* [Трубачев 1974] затем перешло в [ЭССЯ 1994: 52], однако уже во 2-м издании словаря Фасмера [Фасмер 1987: 25] О. Н. Трубачев, будучи редактором его русского издания, исключил приведенную версию происхождения слова и оставил лишь отсылку к работе [Мавродин 1958] (см. ниже).

представляется довольно странной. Вряд ли такая игра могла быть оценена слушателями и читателями «Слова». Опять же, в тексте *древо* представлено в единственном числе, а белка-летяга характерна своим умением перелетать с одного дерева на другое. Нельзя обойти вниманием и прозаический перевод Николаева (совместно с А. Ю. Черновым¹²), приведенный в книге. Следование авторов толкованию «растекаться» как «бежать» повлекло «Вещий Боян *мчался* белкой по дереву, серым волком по земле, сизым орлом под облаками». Но глагол «растекаться» должен удовлетворять не только образу белки, но и образам волка и орла. И если «мчаться» хоть как-то соответствует рышущему волку, то орел никуда не мчится, он парит, плавает под облаками в поисках добычи.

Тем не менее, несмотря на мнение отдельных исследователей о белке как прообразе реальной «мысли», в итоге практически победившим является символическое толкование с разной степенью абстрагирования, начиная с «мысли» и «древа» (собственно «мысленное древо» современные исследователи считают воображаемым либо мифологическим объектом, расходясь лишь в его верификации¹³) до полного переноса всех объектов, включая волка и орла, из реальности в область мифологии. Правда, без довольно пространственных комментариев зачастую трудно понять, какую именно белку имеют в виду конкретные переводчики, реальную или воображаемую. Кроме того, некоторые толкования предполагают весьма изощренное представление не только автора, но и слушателей «Слова» о мироздании¹⁴.

Но при всех различиях эти толкования, что реалистические, что мистические, сохраняя трехчленное сравнение творчества Бояна, сохраняют явно или неявно и мысль-белку «мысль» либо, переводя «мысль» в категорию умственной деятельности Бояна, приводят к двучленному сравнению.

Что касается «мыси»-белки, то полезно вспомнить возражение В. П. Адриановой-Перетц в связи с упоминанием «мысли» в «Задонщине»: «Исследователями было высказано немало догадок по поводу того, как следует читать и понимать фразу первого издания: “растѣкашеться мыслію по древу”. Наиболее привилась поправка, предложенная Карелкиным, вместо “мыслію” читать “мысію”, т. е. белкой. Задонщина показывает, что по крайней мере в том тексте Слова, который использовал Софония,

¹² А. Ю. Чернов также считает, что «в данном фрагменте текста, если следовать логике образа, ни без “мысли”, ни без “белки” не обойтись» [Чернов 2006: 129].

¹³ Некоторые образы с эпитетом *мысленные* (солнце, светильник, камень, щит, лоза, ковчег) из Миней 1095–1097 гг., указанные В. П. Адриановой-Перетц, в силу их религиозной окраски вряд ли аналогичны «мыслену древу» «Слова» [Адрианова-Перетц 1966: 33].

¹⁴ Отметим, однако, отсутствие каких-либо подтверждений существования на Руси столь сложных мифологических представлений.

читалось "мыслию". Отсюда в списках Задонщины разные варианты образа Слова, слитого притом со следующим ("растѣкашется мыслию по древу, сърымь вълкомъ по земли"): "не поразимся мыслию но землями" (Унд.), "не поразился мысленными землями" (Синод.), "потрезвимься мыслями и землями" (Ист. М. No 2060). Образ Слова остался непонятым автором Задонщины, но, как бы неудачно ни передавали его переписчики, всегда остается след чтения "мыслию", а не "мыслю"» [Адрианова-Перетц 1948: 218, 219].

Кроме того, при любом из рассматриваемых толкований, считающих *мысль* мыслию Бояна, необходим ответ на вопрос: почему мысль употреблена в единственном числе? Мы легко соглашаемся с этим лишь в силу заученности с детства выражения «растекаться мыслию по древу», хотя оно напоминает высказывание известного персонажа из мультфильма про 38 попугаев — «У меня есть мысль, и я ее думаю». В то же время это единственное число как обобщенное выглядит вполне естественно, если под мыслию наравне с орлом и волком скрывается некоторая реальность.

И вот здесь вернемся к высказыванию Лихачева: «Что такое "мысленное древо", пытались толковать в литературе о "Слове" очень многие. Это и древо религиозных представлений, и древо метафорическое. Одним словом, какое-то необыкновенное» [Лихачев 1998: 56].

Но для того, чтобы понять, какое это необыкновенное древо, видимо, нужно сначала выяснить, что же такое «мысль». Поэтому, исходя из трюиственности сравнения и того, что автор «Слова» вряд ли мог совместить в нем абстрактные мысль и древо и предметных волка и орла, попытаемся вернуть «мысль» и «мыслено древо» в реальное пространство. Вернемся к исходным вопросам: кто мог растекаться по реальному древу? может ли древо, которое далее называется «мысленным», быть реальным? Рассмотрим несколько шире, чем обычно, структуру сравнений: *мысль* — по дереву, *зверь* — по земле, *птица* — по небу. Отсюда следует, что *мысль* не может быть ни мышью, ни белкой, ни соней, и вообще, никаким лесным зверьком — это место уже занято волком. Не может она быть и птицей (соловьем) — это место занято орлом. Стало быть, по дереву — не зверь и не птица. Причем эта *мысль* должна быть известной и значимой сущностью, равноценной волку и орлу.

Между тем можно изменить вопрос: *мысль* — не *кто* это, а *что* это? Что, если это — растение, растение особенное, почитаемое, культовое, название которого похоже на слово *мысль*? И такое растение существует. Порусски это растение называется *омела*. И по-древнерусски называлось так же: омела или имела. А вот в западноевропейских языках оно называется по-другому. Так, например, по-английски оно называется mistle(toe)

[misltoʊ], где первая часть сложного слова (первая буква *t* в этом слове — немая¹⁵) фонетически практически совпадает с русским *мысль*. Вторая его часть — *toe*, происходит от староанглийского *tān* (*twig* — веточка), а этимология первой части не ясна [OED 2001–2022]. В старой форме *missel* слово засвидетельствовано в начале XVII в. (1620) в составном названии разновидности дроздов, питающихся ягодами омелы, «*missel thrush*»¹⁶. Эта форма как вариант сохранилась и в современном английском языке. Полагают, что староанглийская форма *missel*, а также старосаксонское и древневерхненемецкое *mistil*, немецкое *Mistel* (*f*), датское и шведское *mistel* происходят от общего протогерманского предка. Отметим, что в словаре Срезневского статье **имела** приведены ее другие названия (лат. *viscus*, греч. *ἰξός* и др.), в том числе *mistel* [Срезневский 1912: 1092, 1093]. Не могла ли эта европейская *missle* оказаться русской «мыслию» Бояна?

Чем же знаменито это растение? Поскольку мы начали изложение гипотезы с опорой на английское слово, приведем описание растения из английского источника:

«Омела — вечнозеленое растение, слабо окрашенное, с толстокожими листьями, которые растут парами. Большинство видов омелы — полупаразиты, растущие на других растениях, называемых хозяевами, но поскольку у омелы есть немного зеленого пигмента, она может производить некоторое количество питательных веществ сама. Наиболее распространенное дерево-хозяин английской омелы — яблоня, но омела также растет на боярышнике, тополе, иве, липе, рябине, клене и — очень редко — на дубе.

Маленькие желтоватые цветы омелы появляются в феврале-марте. Они растут группами по три, мужские — на одном растении и женские — на другом. Белые ягоды, привлекающие птиц, содержат клейкую мякоть, и птица, склевав ягоду, чистит клюв о дерево, оставляя семена в трещинах коры. Те потом пускают в кору корни-присоски. В основном омела питается за счет дерева, на котором растет, и обычно умирает вместе с хозяином.

Существует много поверий и легенд об омеле. Одно из них, что омела приносит счастье, безопасность и благополучие, пока не коснется земли. Поэтому существует обычай вешать омелу в доме под Рождество, когда, полагают, она приносит счастье тем, кто поцелуется под ней»¹⁷ [Children's Britannica 1988–93: 54].

¹⁵ Выпадение звука *t* в сочетаниях *stl* в английском языке типично (ср. *wrestle* [resl] — борьба, *thistle* [θisl] — чертополох, *whistle* [wisl] — свист).

¹⁶ В немецком языке *Mistel drossel* — дрозд-рябинник.

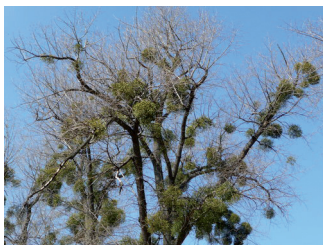
¹⁷ Перевод автора статьи.

Омела занимает важное место в европейской и скандинавской мифологии: «ОМЕЛА, вечнозеленое растение, растущее на ветвях различных деревьев, в различных мифопоэтических традициях выступает как **СИМВОЛ ЖИЗНИ**», «Особую роль в мифологии играет образ дуба, увитого “золотой ветвью” омелы» [Токарев (гл. ред.) 1980: 755, 858]. Еще Плиний Старший в своей «Естественной истории», написанной в первом столетии нашей эры, рассказывает, что дуб почитался британскими жрецами, друидами, как священное дерево, и описывает срезание омелы, выросшей на дубе, золотыми серпами.

Наиболее полным исследованием роли омелы в мифологических верованиях европейцев и скандинавов является книга Дж. Дж. Фрезера «Золотая ветвь». Фрезер считал, что омела и дуб являлись одними из древнейших объектов поклонения всех племен и народов арийского происхождения: «Переходя из Южной Европы в Центральную, мы сталкиваемся с великим богом дуба и грома у варварских народов арийской расы, которые жили в обширных дремучих лесах. Так, у кельтов Галлии друиды считали более всего священной омелу и дуб, на котором она произрастает. Для совершения торжественных служб они выбирали дубовые рощи и ни одного обряда не справляли без дубовых листьев. “Кельты, — пишет греческий автор, — поклоняются Зевсу, а кельтским символом Зевса является высокий дуб”. Кельтские завоеватели, которые поселились в Азии в III веке до нашей эры, видимо, принесли с собой на новую родину культ дуба. В самом сердце Малой Азии галатский сенат собирался в местечке, которое носило типично кельтское название “священная дубовая роща” или “храм из дубового дерева”. Специалисты считают, что само слово “друиды” означает “люди дуба”» [Фрезер 1980: 185].

«В основе представления о том, что в омеле была заключена жизнь дуба, как мы предположили, лежит тот факт, что омела и зимой продолжает зеленеть на лишенном листвы дубе. Кроме того, это растение вырастает не из земли, а из ствола или ветвей дерева. У первобытного человека могла возникнуть мысль, что дух дуба, как и он сам, был кровно заинтересован поместить свою жизнь в сохранный место и для этой цели остановился на омеле, самым своим положением, промежуточным между небом и землей, защищенной от всех опасностей» [Фрезер 1980: 779].

В древние времена из сока ягод омелы приготавливали так называемый птичий клей, использовавшийся для ловли птиц — им намазывали ветки деревьев, и птицы, сев на них, прилипали. Отсюда латинское название *viscus* — «липучка». На Руси охотники, использовавшие этот способ, назывались «имельниками». Использование омелы для ловли птиц отмечено в «Словаре древнерусского языка» И. И. Срезневского — приманка для птиц и у В. И. Даля — птичий клей.

Не исключено, что омела послужила реальным прообразом популярного в христианстве процветшего креста, поскольку вполне могла прорасти на срубленном дереве. На современных изображениях процветшего креста обычно представлена обвивающая крест виноградная лоза с гроздьями ягод, однако растение, изображение которого встречается на древних «висльях»

печатях с процветшим крестом, это вовсе не виноград и очень похоже на омелу: у него удлинённые парные листья и круглые парные ягоды, расположенные в местах ветвления. Таковым, к примеру, является изображение процветшего креста на оборотной стороне вислой печати Ярослава Всеволодовича, который во время похода Игоря был князем Черниговским (это о нем великий князь киевский Святослав говорит: «А уже не вижду власти сильнаго и богатаго и многова брата моего Ярослава съ Черниговскими былями, съ Могуты, и съ Татраны, и съ Шельбиры, и съ Топчаки, и съ Ревугы, и съ Олбѣры») (см. электронный Журнал Sammlung/Коллекция. Свидетельство ЭЛ № ФС77-72407). Но, поскольку культ омелы был связан с языческими верованиями, позже ее могли заменить виноградной лозой.

У славян отношение к омеле было скорее прикладным, а не мистическим, она являлась символом плодородия, жизни и бессмертия. Так, энциклопедический словарь «Славянская мифология» связывает омелу с охраной здоровья людей и домашних животных, защитой жилища от молнии, лечением различных болезней, знахарством и поиском кладов [Толстая (отв. ред.) 2002: 151]. Этимологический словарь польского языка также отмечает, что «...это необычное растение играло важную роль в культуре славян (и других народов), где ему приписывалась магическая сила и в связи с этим оказывалось почитание» [Boriś 2005: 212].

Омела распространена в Белоруссии, на Украине, в Средней России, на юге европейской части России и на Северном Кавказе. Цветет в марте-апреле, т. е. расцветание омелы приходилось на начало года во времена мартовского (доюлианского) календаря на Руси; ягоды созревают в августе-сентябре. Основными переносчиками семян омелы являются питающиеся ее ягодами дрозды [Губанов 2003: 42].

Растение имеет несколько названий, в европейских странах наиболее распространенными являются *mistel* (*mistletoe*) и омела (имела). Распространенность названий этого растения выглядит так: в германских языках — *mistel*, в славянских языках — омела (имела). При этом в зоне контакта видим похожее на западное название омелы польское название

охотника *myśliwy* (старопольское *mysliwiec*)¹⁸. Однако, возможно, источником для польского *mysliwiec* послужило *mistel*, и оно, как и древнерусское *имельник*¹⁹, вначале означало птицелова, поскольку охота на небольших птиц в древности была весьма распространенным занятием. Похожее предположение, отталкиваясь от мыси-белки, высказывал в свое время В. В. Мавродин: «Не является ли украинское (как, впрочем, и чешское *myslivec* — «охотник», польское *mysliwiec* — «охотник») «мисливство» — «охота», «охотничий промысел», «мисливец» — «охотник», «мисливський» — «охотничий» и т. п. языковым явлением, аналогичным «белкованию»? Только в языке украинского охотника память о той далекой поре, когда охота на пушного зверя была охотой в первую очередь на «мысь», т. е. на белку (уже хотя бы потому, что дань платили в первую очередь беличьим мехом), отразилась в виде одного названия древнерусской «веверицы» — «мысь», а в языке сибирского охотника в виде другого — «белка»» [Мавродин 1958: 63 (прим. к сноске 4)].

Каким образом западноевропейское название растения могло попасть на Русь и превратиться в *мысль*?

Русь домонгольского периода имела довольно обширные связи с Западом, Взаимодействие Руси с Европой начиналось со знаменитого пути из варяг в греки, своего рода древней «кругосветки», а затем с приходом Рюрика с братьями началось смешение славянских и варяжского этносов. Какое-то количество варягов здесь осело, по большей части в Новгороде. Но они распространились и южнее, как следует из истории княжения в Киеве Аскольда и Дира, куда позже пришел Олег. При походе Олега на Константинополь его дружина была варяжской, и в заключенном затем договоре с греками были перечислены поименно подписавшие его дружинники-варяги. У Святослава тоже была варяжская дружина воеводы Свенельда. В летописях отмечено присутствие варягов в Киеве при Владимире (казнь отца и сына христиан-варягов за нежелание признать языческих кумиров), посещение Владимира немцами при выборе религии, участие варяга Якуна Слепого с дружиной на стороне Ярослава Владимировича (Мудрого) в битве с братом Мстиславом при Листвене, приведение Изяслава в Киев поляков для свержения захватившего киевский стол Всеслава, поход Мономаха в Польшу для поддержки зятя Казимира и посещение Киева венграми (уграми). Известны матримониальные связи, династические браки: так, дочь Владимира, Анна, была выдана замуж во Францию, другая, Добронегга, — в Германию, жена Мономаха Гита была

¹⁸ Похожее названия охотника существуют в Чехии и Словакии (украинское *мисливец* — калька старопольского *mysliwiec*).

¹⁹ Термина, подобного *имельник*, в польском языке нет. Его место занял польский *omelnik*-свиристель.

дочерью английского короля Гаральда II. Очевидно, с ними переселялись и какая-то свита и прислуга. Англосаксы проникали и дальше: известно, что во времена Олега Святославича («Гориславича») при дворе византийского императора службу несли гвардейцы-англосаксы, которые могли попасть туда после поражения англичан при Гастингсе в 1066 г. и завоевания Англии норманнами [Гумилев 1997: 89, 102]. На широту европейских контактов домонгольской Руси при анализе текста «Слова» обращал особое внимание Д.С. Лихачев [Лихачев 1998: 9].

Поэтому в результате контактов со шведами, немцами, англичанами в русский язык вполне могло быть занесено западное название омелы. Не исключено, что «английское» *мысль* не смогло удержаться в русском языке на фоне близкого «мысль» и, слившись с ним фонетически, образовало омоним, который просуществовал недолго и затух в ходе борьбы христианства с язычеством. В подтверждение проникновения слова на восточноевропейскую территорию можно указать еще одно свидетельство — название омелы в крымскотатарском языке, входящем в подгруппу кыпчакско-половецких языков, — *месля* (meslâ), далекое, как от татарского, так и от турецкого названия растения, но весьма близкое к *мысль*. Оно же указывает на давнюю утрату в слове звука «т».

На Руси это второе название омелы, видимо, было редким и, в конце концов, было совсем утрачено в результате вытеснения словом *мысль* в его современном понимании. Но некоторые следы этого названия, возможно, еще долго сохранились в русском языке. Так, в связи с представлением о том, что «двойные листья или ягоды О<мелы> обычно символизируют высшую плодотворную потенцию» [Токарев (гл. ред.) 1980: 756] есть основания полагать, что этот оттенок второго названия омелы в русском языке сохранился в приведенном в Словаре В. И. Даля поварском термине «Мысли, поварск. ядра, ятра животных, идущих в пищу. *Бараньи мысли с подливою*».

На фоне изложенного ясно, что, если догадка О. Н. Трубачева, пытавшегося примирить оба прочтения («мыслию» и «мысию»), о существовании праславянского *mys-tl, означавшего некоего зверька и перешедшего в *mysl*, несколько не помогает толкованию «мыслена древа», древнеанглийская форма с утраченным -t- *missel* (n.) — Old English *mistel* ‘basil, mistletoe’, зафиксированная в 1620 г. в названии дрозда *missel-bird* ‘*missel thrush*’²⁰, ясно указывает на связь птиц с деревьями, на которых растёт омела. Именно птицы разносят омелу по дереву, и это позволяет привести оба выражения — «растекается мыслию по дереву» и «скача, славлю, по мыслену древу» — к «общему знаменателю».

Таким образом, автор, характеризуя поэтическую манеру Бояна, использует сравнение не с белками, муравьями или мышами, а с растением,

²⁰ Online Etymology Dictionary. <https://www.etymonline.com>

имевшим особое значение в культуре многих народов. Да и дерево оказывается, как и предполагал Д. С. Лихачев, необыкновенным. Такая трактовка ничуть не снижает выразительности образа Бояна, который «поэтически творил», по определению Д. С. Лихачева. Боян растекался не мыслями, а волшебными узорами и красками своего повествования, как цветущая омела по дереву. При этом ее положение между землей и небом вполне соответствует принятым толкованиям фразы: волк — внизу на земле, орел — наверху в небе. А чудесная *мысль*-омела — посередине. Немаловажно, что предлагаемое толкование устраняет странное несоответствие между творчеством Бояна и его описанием с употреблением слова *мысль* в единственном числе. Отпадает и вопрос, почему Боян скачет соловьем по чужому дереву: оно ничье, оно само по себе «мысленное», увенчанное омелой. Предлагаемое толкование, в отличие от других, дает возможность рассматривать в едином ключе оба случая употребления — и «мыслию по древу» и собственно «мысленное дерево» как объекты, принадлежащие реальному миру. Положительной стороной предлагаемого понимания является перевод *мысли* в реальное пространство и согласование ее с реальным же *мысленным деревом* как деревом, на котором росла омела (ср. лиственное дерево, хвойное дерево, пыльное) без введения каких-либо изменений в текст «Слова». **Мыслено древо**, по-видимому, дерево, под которым происходило все действие песнопения, дерева особенного, знаменитого. Возможно, это был священный дуб, увитый омелой. Ведь одно из определений плодов омелы в Словаре В. И. Даля — дубовые ягоды. Был ли он единственным, ритуальным, неясно. Скорее всего, название «мыслено древо» относилось к любому дереву, на котором поселялась омела. И Боян уже не скачет соловьем по «чужому» дереву, то ли беличьему, то ли мышиному. Это особенное «мысленное» дерево, потому что на нем растет «мысль» — mistle-омела. Сохраняется исходная тройственная структура сравнения песнопения Бояна с явлениями живой природы. Кроме того, вид дерева, захваченного омелой, вполне соответствует высказыванию «растекшется мыслию»: каждый куст омелы («ведьмино гнездо») на дереве соответствовал отдельному «боковому» сюжету в повествовании Бояна.

Предложенное толкование, в отличие от других, обеспечивает прямой перевод рассмотренных высказываний:

«Боян же вещий, когда хотел кому песню сложить, то растекался
мыслию-омелой по дереву, серым волком по земле, сизым орлом
под облаками»

и

«О Боян, соловей старого времени! Если б ты эти полки воспел,
скача соловьем по увитому омелой дереву...».

Сравнение Бояна как поэта с соловьем восходит в древнейшей традиции (Аристофан) и в «Слове» вполне совместимо с реалиями: «излюбленные места обитания соловья — припойменные и низменные влажные дубравы подзоны хвойно-широколиственных лесов и дубравы европейской лесостепи»²¹.

Несмотря на то, что предлагаемая версия порождает новый гапакс и выходит за рамки лексики русского языка и даже современных славянских языков, она представляется вполне допустимой на фоне уже ранее привлеченных для объяснения *мысли* и *мыслена древа* скандинавских сказаний (В. Ф. Ржига, Д. М. Шарыпкин) и апелляции Н. А. Мещерского к древнему англо-саксонскому эпосу для поддержки идеи о «мысленом древе» как символе инструмента, на котором аккомпанировал себе Боян: «Если древний англо-саксонский поэт мог называть свой музыкальный инструмент “деревом радости”, то не представится для нас странным и то, что его русский современник, автор “Слова о полку Игореве”, характеризуя “замышления Бояна”, именует музыкальный инструмент, игрой на котором сопровождается его вдохновенное, но и полное глубоких мыслей пение, “деревом мысли”» [Мещерский 1958: 46].

При этом образ волшебного растения, распространяющегося по дереву, гораздо более соответствует глаголу «растекаться», чем белка Рататоск, медиатор-посредник, целеустремленно переносящая по дереву сообщения снизу (с земли) наверх (на небо). Орел и волк растекаются в пространстве в поисках добычи, осматривая местность, но не перемещаясь целенаправленно как белка Рататоск из пункта А (низ — земля) в пункт Б (верх — небо) и обратно. Естественным становится использование *мысли* в качестве обобщающего единственного числа наравне с волком и орлом, в то время как это вряд ли можно считать удачным, рассматривая ее как мысль Бояна либо мифическую белку скандинавских сказаний.

Подводя итог, перечислим аргументы в пользу предложенной версии:

- фонетическая близость «мысли» и английского названия омелы *mis[t]le* (Old English — *missel*);
- похожее название омелы («месля») в языке крымских татар, потомков половцев;
- поварской термин «бараньи мысли» как отражение представлений об омеле как символе потенции (парность листьев и ягод омелы) и плодovitости (поверье о свойствах омелы);
- сохранение триединого сравнения творчества Бояна с объектами природы;

²¹ Википедия. Соловей обыкновенный (дата обращения: 07.12.2021).

- согласованность с употреблением «мысли» в единственном числе;
- толкование в едином ключе «мысли» («растекашется мыслию по древу») и «мыслена древа» («скача, славлю, по мыслену древу»);
- возможное присутствие омелы на предметах культуры (в изображениях процветших крестов и на печатях).

В заключение, в связи с тем, что Д. С. Лихачев, отказываясь считать «мыслено древо» реальным, в то же время полагал, что «церковную символику можно усматривать только в образе “мысленного древа”, по которому растекалась мысль Бояна» [Лихачев 1998: 44]²², отметим: предлагаемое объяснение, переводящее «мысль» и «мысленное древо» в разряд реальных объектов, подкрепляет мнение Д. С. Лихачева о светском характере Памятника, что особенно важно на фоне некоторых современных публикаций, предлагающих христианизированное прочтение и толкование «Слова».

Источники

Барсов Е. В. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. II. М.: М. Катков, 1887, 322 с.

СПИ 1967 — Слово о полку Игореве. Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд. Л.: Советский писатель, Ленинградское отделение, 1967. 540 с.

СПИ 1985 — Слово о полку Игореве. Библиотека поэта. Большая серия. 3-е изд. Л.: Советский писатель, Ленинградское отделение, 1985. 498 с.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. III. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1912. 996 с.

Литература

Адрианова-Перетц В. П. «Задонщина» (Опыт реконструкции авторского текста) // ТОДРЛ. Т. 6. 1948. С. 201–255.

Адрианова-Перетц В. П. Фразеология и лексика «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. Л.: Наука, 1966. С. 13–126.

Бадак А. Н. и др. Всемирная история в 24 т. Т. 7. Раннее Средневековье. Минск: Литература, 1996. 592 с.

²² Скорее всего, это мнение Д. С. Лихачева связано с перечисленными в статье В. П. Адриановой-Перетц «мысленными» образами (солнце, светильник, камень, щит и др.) из Минеи 1095–1097 гг. [Адрианова-Перетц 1966: 33].

- Барулин А. Н. Мыслию по древу (Перевод темного места в «Слове о полку Игореве») // Московский лингвистический журнал. Т. 3, 1996. М.: РГГУ. С. 46–69.
- Барулин А. Н. Мыслию по древу (семиотико-лингвистический анализ первого абзаца «Слова о полку Игореве») // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции Диалог-2007 (Бекасово, 30 мая – 3 июня 2007 г.). С. 1–38. [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/1974479/%D0%9C%D1%8B%D1%81%D0%BB%D0%B8%D1%8E_%D0%BF%D0%BE_%D0%B4%D1%80%D0%B5%D0%B2%D1%83_%D1%81%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D0%BE%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%BE_%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B3%D0%B2%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7_%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B2%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D0%B0%D0%B1%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B0_%D0%A1%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0_%D0%BE_%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BA%D1%83_%D0%98%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%B5_RANGED_IN_THOUGHT_OVER_THE_TREE_Linguistic_and_semiotic_analysis_of_the_first_section_of_The_song_of_Igor_s_Campaign_2007_%D0%90%D0%B2%D1%82%D0%BE%D1%80%D1%8B_Alexander_Barulin (дата обращения: 17.11.2021).
- Бурыкин А. А. «Слово о полку Игореве»: текст, язык, автор. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2017. 416 с.
- Виноградова В. Л. «Растекаться мыслью по древу» // Русская речь. 1971. № 1. С. 81–85.
- Виноградова В. Л. К лексико-семантическим параллелям СПИ // «Слово о полку Игореве». Комплексные исследования. М.: Наука, 1988. С. 141–152.
- Губанов И. А., Киселёва К. В., Новиков В. С., Тихомиров В. Н. Иллюстрированный определитель растений Средней России. Т. 2: Покрытосеменные. М.: Т-во научных изданий КМК, 2003. 665 с.
- Гумилев Л. Н. От Руси до России. М.: Институт ДИ-ДИК, 1997. 560 с.
- Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. 3-е изд., доп. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. 480 с.
- Лихачев Д. С. Избранное. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. 3-е изд., доп. СПб.: Logos, 1998. 528 с.
- Мавродин В. В. Одно замечание по поводу «мыси» или «мысли» в «Слове о полку Игореве». // ТОДРЛ, т. XIV. М. – Л., 1958. С. 61–63.
- Мелетинский Е. М. (гл. ред.). Мифологический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 672 с.
- Мещерский Н. А. К изучению лексики и фразеологии «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. Т. 14, 1958. С. 43–48.
- Николаев С. Л. Лексическая стратификация «Слова о полку Игореве» // Slověne. 2014. № 2. С. 7–109.
- Николаев С. Л. «Слово о полку Игореве». Реконструкция стихотворного текста. М. – СПб.: Нестор-История, 2020. 640 с.
- Соколова Л. В. Древо // Энциклопедия СПИ в 5 т. Т. 2. 1995. С. 138–141.

- Соколова Л. В. Мысль // Энциклопедия СПИ в 5 т. Т. 3. 1995. С. 293–296.
- Токарев С. А. (гл. ред.). Мифы народов мира. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1980. 1147 с.
- Толстая С. М. (отв. ред.). Славянская мифология: энциклопедический словарь / редколлегия: С. М. Толстая (отв. ред.), Т. А. Агапкина, О. В. Белова, Л. Н. Виноградова, В. Я. Петрухин; Ин-т славяноведения РАН. 2-е изд. М.: Междунар. отношения, 2002. 512 с.
- Трубачев О. Н. Еще раз мыслию по древу // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. К 80-летию члена-корреспондента АН СССР С. Г. Бархударова. М.: Наука, 1974. С. 22–27; [то же: Трубачев О. Н. Еще раз мыслию по древу // Этимология. 1973. М.: Наука, 1975. С. 4–5].
- Трубачев О. Н. (ред.). Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. 21. М.: Наука, 1994. 236 с.
- Фрезер Дж. Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии (Frazer J. G. The Golden Bough. London, 1923, пер. с англ. М. К. Рыклина). М.: Политиздат, 1980. 832 с.
- Чернов А. Ю. Слово о полку Игореве. СПб.: Вита Нова, 2006. 360 с.
- Шарлемань Н. В. Заметка к тексту «Растъкашется мыслию по древу» в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. Т. 14. 1958. С. 41–42.
- Шарыпкин Д. М. Боян в «Слове о полку Игореве» и поэзия скальдов // ТОДРЛ. Т. 37. С. 14–22.
- ЭСПи – Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин. Т. 3, 1995. 387 с.
- Children's Britannica. Encyclopædia Britannica, Inc., 1988–1993. Vol. 12. 320 p.
- OED – Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <http://www.etymonline.com> (дата обращения 03.11.2021).

References

- Adrianova-Peretc V. P. ["Zadonshchina" (An experience of reconstructing the author's text)]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proc. of the Old Russian Literature Department]. Vol. 6. 1948, pp. 201–255. (In Russ.)
- Adrianova-Peretc V. P. [Phraseology and vocabulary "The tale of Igor's campaign"]. "*Slovo o polku Igoreve*" I pamyatniki Kulikovskogo tsikla ["The tale of Igor's campaign" and monuments of the Kulikovo cycle]. Leningrad, Nauka Publ., 1966, pp. 13–126. (In Russ.)
- Badak A. N. et al. *Vsemirnaya istoriya v 24 t. T. 7. Rannee Srednevekov'e* [World history in 24 volumes. Vol. 7. Early Middle Ages]. Minsk, Literatura Publ., 1996. 592 p.
- Barulin A. N. [Thinking along the tree (Translation of a dark place in "The Tale of Igor's Campaign")]. *Moskovskii lingvisticheskii zhurnal*. Vol. 3, 1996, pp. 46–69. (In Russ.)
- Barulin A. N. [Thinking along the tree (semiotic-linguistic analysis of the first paragraph "The Tale of Igor's Campaign")]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii*:

- Trudy mezhdunarodnoj konferencii Dialog-2007 (Bekasovo, 30 may – 3 june 2007)* [Computer Linguistics and Intelligent Technologies: Proc. of the International Conference Dialogue-2007 (Bekasovo, May 30 – June 3, 2007)]. Electronic publication: Barulin A. N. barulin@rambler.ru, Alexander_B@abbyy.com ABBYY Software House.
- Burykin A. A. “*Slovo o polku Igoreve*”: tekst, yazyk, avtor [“The Tale of Igor’s Campaign”: text, language, author.]. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2017. 416 p.
- Children’s Britannica*. Encyclopædia Britannica, Inc., 1988–93. Vol. 12. 320 p.
- Frezer J. G. *Zolotaya vetv’* (Frazer J. G. The Golden Bough. London, 1923). Moscow, Politizdat Publ., 1980. 832 p.
- Gubanov I. A., Kisel’ova K. V., Novikov V. S., Tikhomirov V. N. *Illyustrirovannyi opredelitel’ rastenii Srednei Rossii. T. 2: Pokrytosemennye* [Illustrated guide to plants of Central Russia. Vol. 2: Angiosperms]. Moscow, Tovarishestvo Nauchnyh Izdaniy KMK Publ., 2003. 665 p.
- Gumilev L. N. *Ot Rusi do Rossii* [From Rus’ to Russia]. Moscow, Institut DI-DIK Publ., 1997. 560 p.
- Lihachev D. S. *Izbrannoe. “Slovo o polku Igoreve” i kul’tura ego vremeni* [Favorites. “The Tale of Igor’s Campaign” and the culture of his time]. 3rd ed. St. Petersburg: Logos Publ., 1998. 528 p.
- Mavrodin V. V. [One remark about the “mys” or “thought” in the “Tale of Igor’s Campaign”]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proc. of the Old Russian Literature Department]. Vol. XIV. Moscow – Leningrad, 1958, pp. 61–63. (In Russ.)
- Meletinskii E. M. (ed.). *Mifologicheskii slovar’* [Mythological dictionary]. Moscow, Sovetskaya Enciklopediya Publ., 1990. 672 p.
- Meshcherskii N. A. K izucheniyu leksiki i frazeologii “Slova o polku Igoreve” [To the study of vocabulary and phraseology of “Tale of Igor’s Campaign”]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proc. of the Old Russian Literature Department]. Vol. 14, 1958, pp. 43–48. (In Russ.)
- Nikolaev S. L. [Lexical stratification of “The Tale of Igor’s Campaign”]. *Slověne*, 2014, no. 2, pp. 7–109.
- Nikolaev S. L. “*Slovo o polku Igoreve*”. *Rekonstruktsiya stikhotvornogo teksta* [“The Tale of Igor’s Campaign”. Reconstruction of the poetic text]. Moscow, St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2020. 640 p.
- OED – *Online Etymology Dictionary*. Available at: <http://www.etymonline.com> (accessed 03.11.2021).
- Sharleman’ N. V. [Note to the text “The thought will spread on the tree” in “The Tale of Igor’s Campaign”]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proc. of the Old Russian Literature Department]. Vol. 14, 1958, pp. 41–42. (In Russ.)
- Sharypkin D. M. [Boyan in “The Tale of Igor’s Campaign” and Poetry of Skalds]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proc. of the Old Russian Literature Department]. Vol. 37, pp. 14–22. (In Russ.)
- Sokolova L. V. [Tree (Drevo)]. *Enciklopediya Slova o polku Igoreve* [Encyclopedia of “The tale of Igor’s campaign”]. In 5 vols. Vol. 2, 1995, pp. 138–141. (In Russ.)

- Sokolova L. V. [Thought (Mysl')]. *Enciklopediya Slova o polku Igoreve* [Encyclopedia of "The tale of Igor's campaign"]. In 5 vols. Vol. 3, 1995, pp. 293–296. (In Russ.)
- Tokarev S. A. (ed.). *Mify narodov mira* [Myths of the peoples of the world]. Vol. 1. Moscow, Sovetskaya Enciklopediya Publ., 1980. 1147 p.
- Tolstaya S. M. (resp. ed.). *Slavyanskaya mifologiya: enciklopedicheskij slovar'* [Slavic mythology: encyclopedic dictionary]. Ed. by S. M. Tolstaya, T. A. Agapkina, O. V. Belova, L. N. Vinogradova, V. Ya. Petruhin. 2nd ed. Moscow, Mezhdunarodnye Otnosheniya Publ., 2002. 512 p.
- Trubachev O. N. [Once again thinking along the tree]. *Voprosy istoricheskoi leksikologii i leksikografii vostochnoslavjanskikh jazykov. K 80-letiju chlena-korrespondenta AN SSSR S. G. Barkhudarova* [Issues of historical lexicology and lexicography of East Slavic languages. On the occasion of the 80th anniversary of S. G. Barkhudarov, Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences]. Moscow, Nauka Publ., 1974, pp. 22–27. (In Russ.)
- Trubachev O. N. (ed.). *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh jazykov: Praslavyanskii leksicheskii fond* [Etymological dictionary of Slavic languages: Proto-Slavic lexical fund]. Issue 21. Moscow, Nauka Publ., 1994. 236 p.
- Vinogradova V. L. "Rastekat'sya mysl'ju po drevu" ["Spreading the thought along the tree" ("Rastekat's'a mysl'ju po drevu")]. *Russkaya rech'*, 1971, no. 1, pp. 81–85. (In Russ.)
- Vinogradova V. L. K leksiko-semanticheskim parallelyam Slova o polku Igoreve [To the lexical-semantic parallels of "The tale of Igor's campaign"]. *"Slovo o polku Igoreve". Kompleksnye issledovaniya* ["The tale of Igor's campaign". Comprehensive research]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 141–152. (In Russ.)
- Zaliznyak A. A. *"Slovo o polku Igoreve": vzglyad lingvista* ["The Tale of Igor's Campaign": a linguist's view]. 3rd ed. Moscow, Rukopisnye Pamyatniki Drevnei Rusi Publ., 2008. 480 p.

Языковой аспект литургических текстов глазами Синодальной цензуры

Мария Викторовна Мирошниченко, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва), nukterina1@gmail.com

DOI: 10.31857/S013161170019846-9

АННОТАЦИЯ: В настоящей работе рассматривается языковая составляющая литургических текстов, написанных в течение Синодального периода русской церковной истории на церковнославянском языке, как значимый критерий, влиявший на результат их рассмотрения цензурными органами. Новые богослужебные тексты всегда предварительно рассматривались церковными властями, а процесс институционализации цензуры в результате реформ Петра Великого привел в конце концов к появлению нескольких статей в Уставе 1828 г., описывающих языковые характеристики, которыми должен был обладать богослужебный текст для его одобрения. Цензоры, работающие в духовных комитетах, в отличие от цензоров светской литературы, могли исправлять грамматические и стилистические ошибки рассматриваемых текстов. Однако несмотря на то что именно в Синодальный период стали появляться новые грамматики и учебники церковнославянского языка, нормативной грамматики, которая была бы предписана для использования органами цензуры, не существовало, поэтому цензоры корректировали тексты в соответствии с собственными представлениями о языковой норме. Процесс рассмотрения текстов подробно документировался, и, изучая архивные материалы, можно сделать вывод, что цензурные органы сыграли определенную роль в процессе изменения церковнославянского

языка, а также что часто именно существенные языковые недостатки новонаписанных текстов влияли на принятие цензорами отрицательного решения относительно их публикации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: церковнославянский язык, история языка, цензура, язык богослужения, исправление богослужебных книг

для цитирования: Мирошниченко М. В. Языковой аспект литургических текстов глазами Синодальной цензуры // Русская речь. 2022. № 2. С. 96–109. DOI: 10.31857/S013161170019846-9.

From the History of the Russian Language

The Linguistic Aspect of Liturgical Texts as Viewed by the Synodal Censorship

Maria V. Miroshnichenko, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy
of Sciences (Russia, Moscow), nukterina1@gmail.com

ABSTRACT: This work is devoted to the linguistic component of liturgical texts written in Church Slavonic during the Russian Church Synodal period. This component was a significant criterion affecting the result of the censorship review. New written liturgical texts were always inspected by Church authorities. The censorship became institutionalized as a result of Peter the Great's reforms. In the Censorship Code (1828) there were some articles prescribing the language characteristics relevant to approval of new liturgical texts. Censors in the ecclesiastical committees in contrast to the secular ones had the right to correct grammatical and stylistic mistakes. Since at that time there were not normative grammar rules prescribed to censorship boards, censors corrected texts under their own view on Church Slavonic grammar. The process of examination was fully documented. Now the researchers studying the archive materials can infer: 1) The censorship boards affected the change of Church Slavonic, 2) The language weaknesses frequently led to disapproval of new liturgical texts.

KEYWORDS: Church Slavonic, liturgical texts, correction of service books, censoring, censorship

FOR CITATION: Miroshnichenko M. V. The Linguistic Aspect of Liturgical Texts as Viewed by the Synodal Censorship. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2022. No. 2. Pp. 96–109. DOI: 10.31857/S013161170019846-9.

Церковнославянский язык является уникальным в своем роде: будучи языком богослужения (к тому же созданным именно для этой цели), он не стал классическим в традиционном понимании этого термина. На церковнославянском продолжали и продолжают до настоящего времени создаваться тексты: службы новопрославленным святым, акафисты, — и за более чем тысячелетнюю историю своего существования он сильно изменился как в плане грамматики, так и в плане лексики. Однако процесс изменения богослужебного языка, существующего только в письменной форме, происходит, конечно, гораздо медленнее, чем изменения разговорного. Поскольку церковнославянский язык сам по себе долгое время воспринимался (и в какой-то степени воспринимается некоторыми до сих пор) как некая сакральная сущность, выражающая религиозные догмы и ценности, отношение к нему и его «правильности» было серьезным настолько, насколько это было возможно.

Изменения в церковнославянском языке происходили и происходят в результате изменений в том корпусе письменных текстов, которые активно воспроизводятся и используются. Новонаписанные тексты, относящиеся к богослужению, должны были проходить проверку церковных властей. До XVIII в. роль цензоров играли справщики под контролем священноначалия; речь в то время шла в основном о соответствии текстов греческим оригиналам. Как институт же духовная цензура оформилась вместе с гражданской только в Петровскую эпоху.

Для эпохи книгопечатания наиболее актуальные процессы происходят или в Правильных палатах типографий, где осуществлялось редактирование книг и их корректура, или в институциях, специально созданных для того, чтобы следить за книгоиздательской деятельностью. Необходимость институционализации цензуры появилась вследствие проведения Петровских реформ и его программы, которая была направлена на регулирование всех сфер жизни, а кроме того на распространение книг, грамотности и книгопечатания, в результате чего количество текстов

существенно увеличилось. После реформ и учреждения Синода контроль за церковной книжностью осуществлял Синод. 5 октября 1720 г. вышел указ о запрете печатать церковные книги без предварительной цензуры, в 1721 — «Духовный регламент», в котором были, в частности, такие пункты, определяющие обязанности Синода:

«I. Разыскать вновь сложенные и слагаемые акафисты и иные службы и молебны, которые наипаче в наши времена в малой России сложены суть не малое число, суть ли оная сложения Писанию Священному согласная и не имеют ли нечто в себе слову Божию противное, или хотя нечто непристойное и празднословное?

II. Також определить, что оные многочисленные моления, хотя бы и прямые были, однако не суть всякому должные, и по воле всякого наедине, а не в соборе церковном употреблять оных мощно, дабы по времени не вошли в закон и совести бы человеческой не отягощали» [Духовный регламент 1874: 13].

Характерно, что документ, с появлением которого связано начало Синодального периода в истории Русской Церкви, говорит о контроле над печатной продукцией то же самое, что и документ Поместного Собора, посвященный высшему управлению Русской Церкви. Согласно соборному определению «О круге дел, подлежащих ведению органов высшего церковного управления», ведению Синода подлежало: «Охранение текста богослужебных книг, наблюдение за его исправлением и переводом и, с одобрения Церковного Собора, благословение на печатание вновь составленных или переизданных отдельных служб, чинов, молитвословий» [Деяния Собора: 12–13]. Сравнение приведенных выше цитат показывает, что на протяжении Синодального периода идея о том, что высшие органы церковной власти должны осуществлять контроль за изданием церковной литературы, не была скомпрометирована и должна была сохраняться и в будущем. В 1796 г. вышел указ об учреждении духовных цензурных комитетов, а 14 марта 1799 — «Положение о духовной цензуре или комиссии»: «Рассеянный дотоле между представителями высшей духовной власти, епархиальными владыками, учебными заведениями, избранными духовными особами, наконец, смешанными комитетами, церковный надзор за печатью теперь кристаллизовался в особое установление» [Котович 1909: 13]. Первые цензурные комитеты появились в Санкт-Петербурге, Москве, Риге и на Радзивиловской таможне. Позже осталось всего два основных комитета — санкт-петербургский и московский, полномочия других были незначительными. Первый цензурный устав был утвержден в 1804 г. и относительно духовной литературы содержал такое предписание: «Книги и сочинения церковные, к священному

писанию, вере, либо толкованию Закона Божия и святости относящиеся, подлежат рассмотрению цензуры духовной, находящейся под ведением Святейшего Синода и епархиальных архиереев. Таковые книги и сочинения должны быть печатаемы в синодской или иных типографиях, под ведением Синода состоящих». Второй устав — шишковский, названный «чугунным», — в 1826 г., но в отношении духовных текстов в нем не было существенных изменений. 22 апреля 1828 г. Николаем I был утвержден третий «Устав духовной цензуры» вместе с «Уставом» светской, и он существовал (с некоторыми дополнениями) вплоть до 1917 г.

Процесс рассмотрения новых богослужебных текстов и произведений духовного содержания в соответствии с новым уставом был максимально формализованным и подробно описывался и документировался. О роли цензуры в истории русского литературного языка писали неоднократно [Живов 1996: 475–478]. При этом в истории церковнославянского языка нормообразующая роль цензуры проявлялась куда сильнее, чем для русского литературного. Если после 1828 г. цензорам литературы на русском языке специально возбранялось обсуждать проблемы языка, то цензоры церковнославянских текстов продолжали активно исправлять грамматические и стилистические ошибки. Таким образом, цензоры наряду с рецензентами, назначаемыми Синодом, активно участвовали в редактировании новых церковных служб, определяя характер изменений, происходивших в церковнославянском языке.

Высказанные выше общие соображения дают основания предположить, что материалы духовной цензуры и вообще переписка, связанная с утверждением к печати новых служб и акафистов, дает историку церковнославянского языка в XVIII — начале XX в. ценнейший материал. Однако анализ этого материала, объемного и разбросанного по разным архивохранилищам, для лингвиста весьма затруднителен. При написании статьи автор использовал уникальный источник — рукопись-диссертацию иеромонаха Германа (Вейнберга) «Службы русским святым, появившиеся за Синодальный период русской церковной истории», написанную в 1916 г. и по общественно-политическим причинам не опубликованную, а позже забытую. В этом труде проанализирована история более 100 русских служб (практически всех из написанных в тот период), приведены выдержки из архивных материалов цензурных органов¹. Обширный материал диссертации, обеспечивающий практически исчерпывающую выборку, позволяет характеризовать деятельность духовной цензуры. Синодальный период особенно интересен для исследователей и по той причине, что в это время происходило бурное развитие науки и вслед за

¹ В статье цитаты из архивных материалов приводятся по этой книге.

первыми грамматиками церковнославянского языка, вышедшими в начале XVII в., начали появляться новые грамматикки, а позже — учебники, словари, пособия, и авторы новых церковнославянских текстов, предназначенных для келейного или общественного богослужения (а также цензоры), имели возможность, как предполагается, ими пользоваться. Впрочем, в какой степени это было применимо на практике, нам доподлинно неизвестно.

Одобрение нового богослужебного текста проходило в три этапа: сначала он поступал в Цензурный комитет, состоявший из трех членов (по Указу от 22 октября 1796 г. — «цензуру <...> составить в каждом месте из трех особ — из одной духовной, из одной гражданской и одной ученой»; духовных особ избрать Синоду, гражданских Сенату, а ученых — Академии наук и Московскому университету» [Законы: 960]), и получал рецензию одного из них; потом, согласно статье 257 Цензурного устава [Сборник законоположений: 103–104], он отправлялся в Святейший Синод и получал рецензию члена Святейшего Синода. Если рецензия была положительной, он возвращался в Цензурный комитет для постановки печати «Одобрено». Авторы и переводчики, не довольные решением Цензурного комитета, могли обратиться напрямую в Святейший Синод, который обладал правом быть апелляционной инстанцией. Решение, вынесенное Святейшим Синодом, обжалованию более не подлежало. Обычно отзывы не оспаривались и порядок прохождения всех этапов соблюдался точно, однако исключительные случаи все же были, например, когда в процессе одобрения службы Цензурный комитет не фигурировал вовсе. Привилегией подавать рукописи непосредственно в Синод без предварительной цензуры в комитетах обладали авторы в архиерейском сане и члены Синода. Так было, например, со службой святому Гавриилу Младенцу, также связанной с именем епископа Антония. Он сам написал эту службу, а отредактировал ее А. В. Александров, профессор славянского языка Казанского университета (позже — преосвященный Анастасий). Епископ Антоний представил эту службу в конце 1908 г. непосредственно в Святейший Синод, и в 1909 г. она была пропущена.

Редко, но встречались также и противоречия во мнениях цензоров, доходившие до серьезной полемики, иногда превращавшейся даже в войну. Самый яркий пример — дело о службе преподобному Герману Соловецкому (1894 г.). Она не была одобрена Цензурным комитетом после первого рассмотрения: цензор отметил достаточно много мест, которые показались ему «темными» или с языковой, или с догматико-исторической точек зрения. Московская Святейшего Синода Контора подробнейшим образом пересмотрела всю службу и обвинила Цензурный комитет в пристрастии: большинство выражений, отмеченных цензором,

были взяты из богослужебных книг, например, из службы преподобному Сергию Радонежскому; также цензор был уличен в незнании древнеславянских слов (например, слова «оток») и жития преподобного Германа. Служба получила одобрительный отзыв Конторы, и Синод (видимо, для принятия окончательного решения) направил службу на рассмотрение епископу Херсонскому и Одесскому Иустину (Охотину). Епископ Иустин написал: «При рассмотрении рукописи и донесения Синодальной конторы нельзя не видеть, что как Цензурный комитет с излишнею строгостию и даже некоторой придирчивостью отнесся к рассмотрению им службы преподобному Герману, так и Контора не без пристрастия к рукописи и не без натяжки желает отстоять неприкосновенность ее и, так сказать, обелить в ней каждое слово и выражение», а службу рекомендовал к печатанию только после внесения исправлений. Московская Контора взялась за исправление рукописи, желая, по словам иер. Германа [Герман 1916: 77 об.] «доказать белым священникам, заседавшим в Комитете цензурном, что служба все-таки годна», а комитет, уличенный в пристрастии, в этот раз дал одобрительный отзыв, и служба была одобрена к напечатанию в 1897 г.

При рассмотрении новых сочинений члены комитета опирались на положения, изложенные в 6 главе Цензурного устава. Вот выдержки из нескольких статей, определяющие, какими достоинствами должны были обладать богослужебные тексты и какие недостатки могли привести к отклонению текстов:

Ст. 226: «Все вновь составляемые сочинения, относящиеся до церковного служения, должны заключать в себе чистые и назидательные мысли, чистые и назидательные чувствования. Кроме того, они должны быть писаны по принятому обыкновению славянским наречием».

Ст. 227: «Жизнеописания должны быть почерпнуты из достоверных источников и представлены в том чистом духе, которым Святой постоянно руководствовался в жизни своей, или восставал от падения, укреплялся среди соблазнов и соблюдал живую веру до конца своей жизни».

Ст. 236: «сочинения... с большими недостатками в основательности мыслей, чистоте христианских чувств, доброте слога, ясности и правильности изложения, противны образованным, бесполезны необразованным и вредны образующимся, и поэтому не должны быть одобряемы» [Сборник законоположений: 96–98].

Итак, автор или ходатай направлял новосоставленный богослужебный текст в Цензурный комитет и сопровождал его запиской или письмом,

в которой приводил аргументы, почему его сочинение должно быть напечатано. Самыми распространенными были такие обоснования необходимости напечатания:

- в монастырь, где находятся мощи или место погребения святого, приезжает много паломников, которые очень хотят приобрести службу этому святому для домашнего молитвословия;
- памятная дата (круглая дата со дня основания обители или со дня прославления святого);
- служба Общей Минеи «не соответствует ни званию, ни возрасту, ни жизни» святого;
- «употребление [неисправной рукописной] службы затрудняет само совершение службы... унижает высокое достоинство самой службы, от чего слышатся от молящихся вопросы о причине богослужения по книге непечатной» [Герман 1916: 37–37 об.].

Один из членов Цензурного комитета рассматривал новосоставленную службу, докладывал о результатах своего рассмотрения другим членам комитета, объясняя, почему служба достойна или не достойна, по его мнению, напечатания. Одобрительные формулировки были чаще всего клишированными фразами, повторяющимися из отзыва в отзыв: «составлена правильно», «изложена ясно», «с соблюдением должного порядка праздничной службы», «по содержанию прилична празднованию памяти святого», «изложена согласно с духом и образом выражения церковных песнопений», «не заключает в себе ничего противного Уставу Духовной Цензуры», «написана понятным церковнославянским языком», «проникнута живым и религиозным чувством», «служба назидательна», «благодарения приличны и сообразны с житием святого / с характером древних песнопений», «песнопения не растянuty без нужды». Последние фразы демонстрируют, что духовные органы, с одной стороны, поощряли ориентацию авторов на древние песнопения, а с другой — отмечали как достоинства ее понятность и незатянутость (причем в какой-то степени эти качества противоречат друг другу).

Незначительные недостатки, например неверная расстановка знаков препинания или единичные употребления неправильных или «темных» слов и выражений, не влияли на решение о напечатании и подлежали исправлению цензором. Иногда, по мнению цензоров, службу не имело смысл вводить в общецерковное употребление, но, если существовала «настоятельная потребность» в печати, ее могли разрешить выпустить ограниченным числом экземпляров для местного употребления.

Если среди положительных характеристик было много фраз, касающихся богословского содержания служб, то среди отрицательных они

встречались редко: по всей видимости, текстов, противоречащих Уставу Духовной Цензуры или спорных с богословской точки зрения, практически не было или они не доходили до цензурных комитетов. Таким образом, все отрицательные характеристики службы связаны так или иначе с языковой стороной и внешней формой. Среди них: смешение церковнославянских речений и оборотов с русскими, грубые ошибки «против славянского языка», растянутость (например, очень длинные стихиры), тяжелый канцелярский слог, ошибки в структуре текста. Приведем примеры подобных отрицательных отзывов на неодобренные службы: «канон скуден и не способен возбуждать молитвенное усердие в читателе: написан устарелым церковнославянским языком, и от этого встречается темнота и неясность, кроме того, в... ирмосах канона есть погрешности против печатного церковного ирмология»; служба «написана не чистым церковнославянским языком, а смешанным с современным русским наречием, каковой жаргон в церковном богослужении неуместен».

Если ошибки и неточности, даже если их было немало, не казались цензору значительными и служба, по его мнению, в целом была достойна напечатания, текст с замечаниями отдавали автору с разрешением печатать только после внесения исправлений, рекомендованных цензором. Так, например, служба святителю Герману Свияжскому и Казанскому (1860 г.) была одобрена Цензурным комитетом, однако епископ Григорий (Миткевич), рассматривая ее по поручению Святейшего Синода, нашел немало неточностей и ошибок, которые не повлияли на решение об одобрении службы: «...Во внешнем изложении службы мне кажутся неправильными. 1) Употребление большой начальной буквы в местоимениях “ты” и “твой”, относящихся к святителю Герману <...> 2) напротив, употребление малой буквы в тех же местоимениях, относящихся к Господу <...> 3) Начертание слова “Пасства” с начальной большой буквою “П” и вставкою двух букв “сс” <...> 5) Употребление знака “–”, какового в славянских книгах не видно <...> 6) Употребление некоторых слов в формах неславянских, так, на листе 3-м в тропаре “Царстве Казанском”, а не «Казаненстем»; на листе 4-м в стихире “вещественного мира”, которое можно заменить словом “дольняго”; оборот листа 8 — “разгони облака” вместо “облацы”, на листе 12-м на обороте: “среди мирской прелести бренной жизни” вместо “мирския”, “бренныя”; на обороте листа 23 — “тщимся ходить, всего любить, исполнять, служить во благо, соделовать спасение” вместо “ходити, любити...”; оборот листа 24: “предстоящий”, “почивающий”, “вершающий” вместо “предстояи” и проч., на обороте листа 25 “да уготовившись очищением совести ко исходу”, лучше бы заменить: “да предварив исход очищением совести”. 7) на листе 9 сказано: “по ныне отпускаеши и трисвятом

тропарь святителю глас 4 *от юности...* дважды, и в третье, яко великим пастырям, т. е. другой тропарь ему же или Богородице Дево, такожде и на Бог Господь". Это несогласно с уставом, по коему положено по ныне дважды и потом непременно Богородице Дево... А ежели празднование будет не в воскресенье, то на Бог Господь положено тропарь святому дважды, затем слава и ныне, богородичен, по гласу тропаря; а другому тропарю нет места, и Богородице Дево не поется. 8) На листе 11-м в стихире по Евангелии "Человече Божий" сказано: "столпе и утверждение истины". В других службах говорится: "утверждение церкви". 9) В каноне во всех почти песнях стоят в начале стихи не святителю, а в 1-й, 4-й, 5-й, 6-й и 8-й по гласу, в 7-й и 9-й Троице, что необычно и несогласно с составом других канонов, находящихся в церковных книгах, где только в первой песне начальный стих бывает иногда Господу как попросшение помощи на составление похвалы Святому. Стихи таковые в песнях, кроме первой, лучше, казалось бы, отнести на "слава". Поэтому полагаю нужным службу святому Герману, прежде поступления в Типографию, выправить в начертании» [Герман 1916: 79–80 об.].

Мы видим, что замечания цензора касались и структуры службы, и церковнославянского языка: графики, лексики, грамматики. Цензор последовательно исправляет лексические и грамматические русизмы, заменяя их предписанными грамматиками формами и апеллируя к лексическому узусу богослужебных текстов. Однако было и движение, в какой-то степени обратное этому: встречались случаи, когда цензор отмечал церковнославянские слова как непонятные и неуместные в службе (см. выше дело о службе преподобному Герману Соловецкому). При этом отмечались и поощрялись понятные цензорам отсылки авторов к древним, хорошо известным всем службам. Таким образом, очевидно стремление цензоров к некоторому «идеалу» службы с языковой точки зрения: с точки зрения грамматики она должна соответствовать нормам церковнославянского языка; с точки зрения лексики — не содержать, с одной стороны, откровенных русизмов и тем более канцеляризмов, а с другой стороны — древних слов, не понятных современникам (напр., из отзыва о службе святому Трифону Печенегскому (1886 г.): «написан устарелым церковнославянским языком, и оттого встречается темнота и неясность в изложении»); с точки зрения синтаксиса — не содержать слишком длинных, перегруженных песнопений. Неоднократно в отзывах цензоров прослеживается мысль о необходимости понятности богослужения для простого народа. Вот, например, отзыв Святейшего Синода о службе святому Димитрию Ростовскому (1757 г.): «Хотя и изрядно, понеже высоко и вся почти аллегорически сочинена и тако простому народу для негоже

и наивящая состоит потреба, внятна и вразумительна быть не может». Служба была возвращена автору — еп. Амвросию (Зертис-Каменскому) с предложением написать более простым языком (что его сильно обидело, и он отказался).

Грамматические исправления носили достаточно специфический характер. Рассматривая службы, написанные в течение Синодального периода, можно заметить достаточное количество случаев расхождения с нормой грамматик. (Впрочем, о норме говорить в данном случае сложно, поскольку нормативной грамматики не существовало. Есть основания полагать, что в типографиях серьезно относились только к грамматике М. Смотрицкого², но цензоры, по всей видимости, обращали внимание не столько на предписания грамматик, сколько на узус, ориентируясь на собственную начитанность.) Объяснить их можно, вероятно, невнимательностью цензоров, но «ошибки», появляющиеся систематически, скорее будут говорить о том, что цензоры считали эти формы (или их отсутствие) допустимыми, а значит, можно говорить об изменении нормы. Самый яркий пример — утрата двойственного числа. В службе святым Сергию и Герману Валаамским, написанной авторитетнейшим церковным деятелем, уже упоминавшимся выше, — епископом Антонием (Храповицким), который особенно тщательно рассматривал порученные ему службы именно с точки зрения языковой правильности и писал подробные рецензии, — нет ни одной формы двойственного числа, которая бы относилась к святым, хотя эти формы ожидалась бы практически в каждой строке. В связи с этим можно, вероятно, говорить о становлении новой нормы с отсутствием граммеы двойственного числа.

Рассмотрение рукописей могло занимать продолжительное время. Если рукопись была одобрена, автор отдавал текст в набор, а после напечатания снова отдавал несколько экземпляров (в середине XIX в. — 6) в Цензурный комитет. Цензор сравнивал печатный и рукописный варианты текста, проверял, внесены ли исправления, рекомендованные комитетом, и, если тексты совпадали, выдавал разрешительный билет, предъявив который автор или книгопродавец могли получить в типографии остальные экземпляры.

² А. Н. Котович [Котович 1909: 34] пишет о положении дела в начале XIX в. так: «Когда, например, для цензуры понадобилась славянская грамматика, ей была прислана, из типографской библиотеки, “грамматика, или писменича..., изданная в Кременце, року 1658”, с оговоркою, что лучшего и новейшего издания не имеется. И, при всем том, это обстоятельство нисколько не побудило цензуру усилить заботы о приобретении собственного книжного фонда. Библиотека, если и увеличивалась, то почти исключительно “узаконенными”, одобренными самой духовной цензурой, экземплярами».

Надо сказать, что современники считали духовную цензуру очень строгой, и в ее адрес не раз звучала критика, как и в отношении того, что Святейший Синод является высшим духовным цензурным органом. Например, профессор СПбДА Д. И. Ростиславов в своем труде «О православном белом и черном духовенстве в России» [Ростиславов 1866] характеризовал духовную цензуру только в отрицательном ключе. Иеромонах Герман (Вейнберг), рассмотревший в своем труде историю всех служб русским святым, так пишет в 1915 г. о духовной цензуре и цензорах XIX в.: «Периоды строгости и слабости, и эти периоды, тесно связанные с именами цензоров, создали даже литературный труд А. Н. Котовича. В среднее время, т. е. в 70-е годы существования цензуры, цензоры особенно обращают внимание на новизну языка <...>. Из чтения дел также видно, что отзывы комитетов, в особенности 60–70-х годов <стандартны и безжизненны>, и им не придавалось особенного значения. И лишь в 90-х годах они немного стали оживать, чему много способствовал личный состав Московского комитета, и также в самое последнее время в Петроградском комитете, благодаря присутствию архимандрита Александра (Григорьева)³. Отзывы же преосвященных очень живы, и они часто однобоки, односторонни и часто случается, что преосвященный, рассматривая службу с одной стороны, о другой не радел. Эта односторонность часто переходила даже в пристрастие, так, например, в деле о службе преподобному Герману Соловецкому. Появление в свет какой-либо службы заставляло остальные проекты совершенно исчезать с лица земли в преисподнюю архивов, хотя возможно, что могли быть службы более позднего времени, гораздо лучше уже напечатанной» [Герман 1916: 319–319 об.].

Если посмотреть на общее число рукописей, рассмотренных духовной цензурой с 1828 по 1843 гг. (воспользовавшись данными, собранными А. Н. Котовичем [Котович 1909]), можно увидеть, что рукописей на богослужебную и уставную тематику подавалось очень мало, меньше всего (за указанные 15 лет — 48 из 1559), но процент неодобренных среди них самый высокий, даже выше, чем у догматико-апологетической и экзегетической литературы — 37%. Можно предполагать, что такой высокий процент отказов был связан не с чем иным, как с церковнославянским языком, поскольку именно это отличает богослужебную литературу от произведений на духовную тематику, и мы увидели, что часто именно язык становился камнем преткновения в деле одобрения новой службы.

³ Архимандрит Александр (Григорьев) (1874–1938 гг.), с которым иер. Герман связывает положительные изменения в работе духовной цензуры, был назначен старшим цензором Санкт-Петербургского комитета в 1902 г. и занимал эту должность до 1915 г. Впоследствии был членом Поместного Собора 1917–1918 гг., активным участником борьбы церковных группировок в 20-е годы. Расстрелян в Красноярском крае.

Источники

Барсов Т. В. О духовной цензуре в России // Христианское чтение. 1901. № 5. С. 691–719; № 6. С. 966–988; № 7. С. 110–130; № 8. С. 238–257; № 9. С. 390–404.

Герман (Вейнберг), иеромон. Службы русским святым, появившиеся за Синодальный период русской церковной жизни, 1916. Рукопись.

Деяния Собора — Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Вып. 1. М., 1918. Репринт: М., 1994.

Духовный регламент, тщанием и повелением всепресветлейшего, державнейшего государя Петра Первого, императора и самодержца Всероссийского, по соизволению и приговору Всероссийского духовного чина и Правительствующего Сената в царствующем Санкт-Петербурге в лето от рождества Христова 1721 сочиненный. Париж — Брюссель — Лондон, 1874.

Законы — Полное собрание законов Российской Империи. Серия 1. СПб., 1830. Т. 23. 969 с.

Котович А. Н. Духовная цензура в России (1799–1855 гг.). СПб.: Типография «Родник», 1909. 624 с.

Ростиславов Д. И. О православном белом и черном духовенстве в России. Т. 1. Лейпциг: Типография Бера и Германа, 1866. 585 с.

Сборник законоположений — Сборник законоположений и распоряжений по духовной цензуре, ведомства православного исповедания, с 1720 по 1870 год. СПб.: Синодальная типография, 1870. 134 с.

Литература

Живов В. М. Язык и культура в России в XVIII в. М.: Языки русской культуры, 1996. 591 с.

Карпук Д. А. Духовная цензура в России во второй половине XIX в. (по материалам фонда Санкт-Петербургского духовного цензурного комитета) // Христианское чтение. 2015. № 2. С. 210–250.

Кравецкий А. Г., Плетнева А. А. История церковнославянского языка в России. Конец XIX–XX в. М.: Языки русской культуры, 2001. 400 с.

Кравецкий А. Г. Неизвестный церковно-исторический проект иеромонаха Германа (Вейнберга), будущего епископа Алма-Атинского // Вестник ПСТГУ. Серия II: История Русской Православной Церкви. 2021. Вып. 98. С. 93–105.

Спасский Ф. Г. Русское литургическое творчество. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2008. 544 с.

References

- Karpuk D. A. [Ecclesiastical censorship in the second half of 19th century (on materials of St. Petersburg ecclesiastical censoring fund)]. *Khristianskoe chtenie*, 2015, no. 2, pp. 210–250. (In Russ.)
- Kravetskii A. G., Pletneva A. A. *Istoriya tserkovnoslavjanskogo yazyka v Rossii. Konets XIX–XX v.* [The history of Church Slavonic language in Russia (the end of the 19th to the 20th centuries)]. Moscow, Yazyki Russkoi Kultury Publ., 2001. 400 p.
- Kravetskii A. G. [Hieromonk German's (Veinberg), the future bishop of Almaty, unknown church historical project]. *Vestnik PSTGU. Series 2: Istoria Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*, 2021, iss. 98, pp. 93–105. (In Russ.)
- Spasskii F. G. *Russkoe liturgicheskoe tvorchestvo* [Russian liturgical creativity]. Moscow, Publishing Council of the Russian Orthodox Church, 2008. 544 p.
- Zhivov V. M. *Yazyk i kul'tura v Rossii v XVIII v.* [Language and culture in eighteenth century Russia]. Moscow, Yazyki Russkoi Kultury Publ., 1996. 591 p.

Историософия Чаадаева и русское слово

Николай Венальевич Капустин, Ивановский государственный университет (Россия, Иваново),
nkapustin57@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170019847-0

АННОТАЦИЯ: Историософская концепция П. Я. Чаадаева, изложенная в первом философическом письме, вплоть до наших дней находит как своих сторонников, так и противников. Однако в контекст возникающих споров до сих пор не введен принадлежащий О. Э. Мандельштаму аргумент, высказанный им в статье «О природе слова» (1921–1922). По мысли поэта, создавая свою концепцию, Чаадаев прошел мимо русского языка, который «не только дверь в историю, но и сама история». Русский язык, по Мандельштаму, «бытийствен», онтологичен, способен «разрешаться в событие», влиять на духовный и физический порядок вещей, ему свойственно «представление о реальности слова как такового». Таким образом, поэт исходил не из сосюрговской идеи произвольности знака (на чем основывается представление об условной, конвенциональной природе слова), но из признания духовной природы и неконвенциональности слова, что восходит к языковым концепциям В. фон Гумбольдта и А. А. Потебни. В статье показано, что этим концепциям Мандельштама и его предшественников близки языковые интуиции Н. В. Гоголя, выступающего в этом случае антагонистом Чаадаева. Если чаадаевская историософия оторвана от слова, то «русская идея» Гоголя в значительной мере базируется именно на нем.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: П. Я. Чаадаев, историософия, О. Э. Мандельштам, русское слово, Н. В. Гоголь

для цитирования: Капустин Н. В. Историософия Чаадаева и русское слово // Русская речь. 2022. № 2. С. 110–117. DOI: 10.31857/S013161170019847-0.

The Language of Fiction

Chaadayev's Historiosophy and Russian Word

Nikolai V. Kapustin, Ivanovo State University (Russia, Ivanovo), nkapustin57@mail.ru

ABSTRACT: The historiosophical conception of P. Ya. Chaadayev, set out in the first philosophical letter, has had both its followers and opponents up to the present time. However, in the context of the emerging arguments, the topic raised by O. E. Mandelstam in his article “On the Nature of the Word” (1921–1922), has not yet been discussed. According to the poet, while creating his conception, Chaadayev did not take into account the Russian language, which is “not only the door to history, but history itself”. Mandelstam considers the Russian language to be “existential”, ontological, being able to “evolve into an event” and influence the spiritual and physical order of things. One of its qualities is “the idea of the reality of the word itself”. Thus, the poet proceeded not from the Saussurean idea of the sign arbitrariness (concept of the conditional, conventional nature of the word is based upon it), but from the recognition of the spiritual nature and unconventionality of the word, which goes back to the linguistic concepts of W. von Humboldt and A. A. Potebnya. The article shows that these conceptions of Mandelstam and his predecessors are close to the linguistic intuitions of N. V. Gogol, who is an antagonist of Chaadayev under these circumstances. Chaadayev's historiosophy is far from the word but Gogol's “Russian idea” is to a great extent based on it.

KEYWORDS: P. Ya. Chaadayev, historiosophy, O. E. Mandelstam, Russian word, N. V. Gogol

FOR CITATION: Kapustin N. V. Chaadayev's Historiosophy and Russian Word. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2022. No. 2. Pp. 110–117. DOI: 10.31857/S013161170019847-0.

Появившееся в 1836 году в «Телескопе» первое философическое письмо П. Я. Чаадаева сильно задело не только проправительственно ориентированную часть русского общества, но и людей, далеких от таких настроений. Хорошо известно, что, разделяя только часть убеждений Чаадаева, в полемику с ним вступил А. С. Пушкин, свое несогласие выразили П. А. Вяземский, А. И. Тургенев и другие современники. Но и позднее — вплоть до наших дней — историософская концепция Чаадаева порождает споры, находя как своих сторонников, так и противников. Точно замечено, что «басманный философ» — зеркало, в которое смотрится Россия на переломных этапах своей истории» [Ермичев, Златопольская 1998: 9]. Но, насколько нам известно, в контекст возникающих споров до сих пор не введена аргументация, связанная с пониманием русского языка и его особенностей. На это тем более важно обратить внимание, что принадлежит она человеку, хорошо чувствующему и глубоко понимающему Чаадаева. Речь идет об О. Э. Мандельштаме, но не как авторе очерка «Петр Чаадаев» (1915), а как авторе статьи «О природе слова» (1921–1922).

При обращении к этой статье нужно заметить, что чаадаевская тема в ней не самая главная. И, чтобы оценить силу высказанного Мандельштамом возражения Чаадаеву, необходимо начать издаleка.

Статью открывает эпиграф из стихотворения Н. С. Гумилева «Слово»:

Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных тревог.
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что слово — это Бог.
Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества,
И как пчелы в улье опустелом
Дурно пахнут мертвые слова.
[Мандельштам 1990: 172]

Эпиграф служит квинтэссенцией рассуждений Мандельштама о единстве русской литературы, начатых с резкой критики идеи прогресса литературы — идеи, которую он называет «самым грубым, самым отвратительным видом школьного невежества» [Мандельштам 1990: 174]. Стержнем утверждаемого им единства русской литературы является язык: «Когда прозвучала живая и образная речь “Слова о полку Игореве” — насквозь светская, мирская и русская в каждом повороте, — началась русская литература. А пока Велимир Хлебников, современный русский писатель,

погружает нас в самую гущу русского корнесловия, в этимологическую ночь, любезную уму и сердцу умного читателя, жива та же самая русская литература, литература “Слова о полку Игореве”» [Мандельштам 1990: 175]. Основа русского языка, по Мандельштаму, — основа эллинистическая, поскольку, в силу ряда исторических условий, «живые силы эллинской культуры... устремились в лоно русской речи, сообщив ей самоуверенную тайну эллинистического мировоззрения, тайну свободного воплощения, и *поэтому русский язык стал именно звучащей и говорящей плотью*» [Мандельштам 1990: 176]. Разъясняя смысл уподобления «язык — плоть», Мандельштам писал: «Эллинистическую природу русского языка можно отождествлять с его бытийственностью. Слово в эллинистическом понимании есть плоть деятельная, разрешающаяся в событие» [Мандельштам 1990: 176].

Комментируя это высказывание Мандельштама, нужно заметить, что он, в сущности, имеет в виду то, о чем сказано в книге Бытия: «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет» [Быт.: 1:3]. Или у евангелиста Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть» [Ин. 1:1–3].

Становится понятным, почему в начало статьи выносятся эпиграф из Гумилева:

Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных тревог.
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что слово — это Бог.

Русский язык, по Мандельштаму, «бытийствен», или, как бы сказали сегодня, онтологичен, способен «разрешаться в событие», то есть влиять на духовный и физический порядок вещей, ему свойственно «представление о реальности слова как такового» [Мандельштам 1990: 176]. Из этого следует, что Мандельштам, как, впрочем, многие поэты и мыслители начала XX века, исходил не из сосюрховской идеи произвольности знака (на чем основывается представление об условной, конвенциональной природе слова), но из признания духовной природы и неконвенциональности слова, что восходит к языковым концепциям В. фон Гумбольдта и А. А. Потебни.

В связи с этим становятся очевидными суть и мощь возражения Мандельштама Чаадаеву: «Чаадаев, утверждая свое мнение, что у России нет истории, то есть что Россия принадлежит к неорганизованному, неисторическому кругу культурных явлений, упустил из виду одно обстоятельство, именно: язык. Столь высоко организованный, столь органический язык не только дверь в историю, но и сама история» [Мандельштам 1990: 177].

Может показаться, что Мандельштам излишне категоричен в своей оценке языковой позиции Чаадаева. Известно, например, что тот высоко оценил отдельные страницы «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголя, читая которые, как он писал, «радуешься и гордишься, что говоришь на том языке, на котором такие вещи говорятся» [Чаадаев 1989: 467]. Известно также, что Пушкину, когда тот писал по-французски, он советовал писать лишь на языке «своего призвания» (подробнее см.: [Тарасов 1989: 28–29]). Таким образом, Чаадаев отнюдь не принижал статус русского языка. Однако Мандельштам прав: как автор первого философического письма, являющегося основой философской концепции Чаадаева, он действительно прошел мимо темы русского слова. Более того, Чаадаев либо индифферентно, либо негативно отнесся к ряду показательных культурных артефактов, которые создавались на русском языке. Он проходит мимо «Слова о полку Игореве», не находя в русской словесности «ни одного почтенного памятника, который бы говорил о прошедшем с силою и рисовал его живо и картинно» [Чаадаев 1989: 20]. По-своему симптоматично и то, что, развивая свои мысли о ничтожестве России, он не принимает во внимание и творчество Пушкина. В глазах Чаадаева статус «национального поэта» Пушкин обретет только к началу 1830-х годов — после того как будут написаны стихотворения «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» («Бориса Годунова», к примеру, он какой-либо оценки не удостоивает).

То, почему Чаадаев при создании своей концепции исключает язык, отчасти проясняет фрагмент из пятого философического письма: «Главный рычаг образования душ есть, без сомнения, слово: без него нельзя себе представить ни происхождения сознания в отдельной личности, ни его развития в человеческом роде. Но одно только слово недостаточно для того, чтобы вызвать великое явление всемирного сознания, слово далеко не единственное средство общения между людьми, оно, следовательно, совсем не обнимает собой всю духовную работу, совершающуюся в мире» [Там же: 77]. Примечателен ход мысли Чаадаева, постепенно снижающий значимость слова: от «главного рычага образования душ» до того, что оно «не обнимает собой всю духовную работу, совершающуюся в мире». Расстояние до идей В. фон Гумбольдта, осознавшего язык как «объединенную духовную энергию народа», было очень далеким.

Но в какой мере истолкование языка, развиваемое Мандельштамом, свойственно современникам Чаадаева? Не требует ли Мандельштам такого понимания, которое в принципе было недоступно человеку того времени? Оказывается, нет. И наиболее очевидным контрастом Чаадаеву в данном случае будет Гоголь.

В первую очередь нужно отметить, что гоголевской концепции слова, «подарка Бога человеку», свойственны те качества, которые характеризовал Мандельштам. Если говорить коротко, не приводя всего объема гоголевских высказываний, у него наблюдается сильное тяготение к признанию онтологической, бытийственной концепции слова, способного разрешиться в духовное действие. Собственно, на этой основе возникает теургический замысел «Ревизора», «Мертвых душ» и «Выбранных мест из переписки с друзьями» — произведений, которые должны были кардинально изменить русского человека. В сущности, это та «деятельная, разрешающаяся в событие» плоть, о которой говорил Мандельштам.

В то же время гоголевскому восприятию слова свойственно качество, при котором какого-либо «зазора» между означаемым и означающим не возникает. При таком восприятии, отмечал А. А. Потебня, «слово есть самая вещь» или является «сущностью вещи». Это, в свою очередь, приводит к представлению, что «одно произнесение известного слова само по себе может произвести действие, с которым оно связано» [Потебня 1989: 158, 206, 238]. Отсюда гоголевская тема неосторожного обращения со словом, истоки того, что многие чертыхающиеся герои Гоголя находятся во власти темных сил (см. об этом: [Капустин 2017: 266–267, 272]).

О тяготении Гоголя к органическому представлению о слове, его восприятию слова как живого организма свидетельствуют и принадлежащие писателю характеристики, акцентирующие его «материальные», «физические» свойства. Среди них, например, замечания о способности Державина «неестественною силою оживить предмет, так что кажется, что тысячью глазами глядит он», или о могуществе слова Крылова, в творчестве которого «предмет, как бы не имея словесной оболочки, выступает сам собою, натурою перед глаза» [Гоголь 1952: 373, 395]. Ср. также с гимном русскому слову в «Предметах для лирического поэта в нынешнее время»: «... Что ни звук, то и подарок, все зернисто, крупно, как жемчуг, и, право, иное название еще драгоценнее самой вещи» [Гоголь 1952: 279]. В этом контексте любопытно и свидетельство князя Д. А. Оболенского, фиксирующее, что гоголевское восприятие написанного теснейшим образом соотносится с открывающейся зрению реальностью. «На станции, — вспоминал Оболенский, — я нашел штрафную книгу и прочел в ней довольно смешную жалобу какого-то господина. Выслушав ее, Гоголь спросил меня: “А как вы думаете, кто этот господин? Каких свойств и характера человек?” — “Право, не знаю”, — отвечал я. — “А вот я вам расскажу”. — И тут же начал самым смешным и оригинальным образом описывать мне сперва наружность этого господина, потом рассказал мне всю его служебную карьеру, представляя даже в лицах некоторые эпизоды его жизни. <...> Засим он

рассказывал мне, что как-то одно время они жили вместе с Н. М. Языковым (поэтом) и вечером, ложась спать, забавлялись описанием разных характеров и засим придумывали для каждого характера соответствующую фамилию» [Машинский (ред.) 1952: 547]. «Смешная жалоба какого-то господина» не просто послужила основой для разговора о свойствах его характера, но фактически синхронно вызвала к жизни визуальный облик («наружность»), вплоть до того, что некоторые эпизоды жизни писавшего оказались представлены «в лицах» (о том же, в сущности, свидетельствуют и «забавы» с Языковым).

Противопоставляя языковые интуиции Гоголя языковым интуициям Чаадаева, нужно заметить, что онтологические, живые, материально зримые качества слова, представление о которых так свойственно писателю, отчетливо проявляются в хрестоматийном пассаже из «Мертвых душ»: «Сердцеведеньем и мудрым познанием жизни отзовется слово британца; легким щеголем блеснет и разлетится недолговечное слово француза; затейливо придумает свое, не всякому доступное умно-худощавое слово немец; но нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырвалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово» [Гоголь 1951: 109]. Если чаадаевская историософия оторвана от темы слова, то «русская идея» Гоголя во многом на ней базируется. Нет сомнений, что его знаменитый фрагмент о Руси-тройке, от которой «постораниваются и дают <...> дорогу другие народы и государства...», среди прочего подразумевает и гоголевское понимание природы русского слова — то, мимо чего, как пронизательно заметил Мандельштам, прошел Чаадаев, создавая свою историософскую концепцию.

Источники

Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 6: Мертвые души. 923 с.; 1952. Т. 8: Статьи. 816 с.

Машинский С. (ред.). Гоголь в воспоминаниях современников. М.: Гослитиздат, 1952. 684 с.

Чаадаев П. Я. Сочинения. М.: Правда, 1989. 655 с.

Литература

Ермичев А., Златопольская А. П. Я. Чаадаев в русской мысли. Опыт историографии // П. Я. Чаадаев: pro et contra. СПб.: РХГИ, 1998. С. 7–40.

Капустин Н. В. Почему все-таки обиделся Иван Иванович? // Гоголь и славянский мир: шестнадцатые Гоголевские чтения: сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч. конф.,

- Москва, 29 марта; Белград, 30 марта – 4 апреля 2016 г. М.; Новосибирск: Новосиб. изд. дом, 2017. С. 264–272.
- Мандельштам О. Э. О природе слова // Сочинения: в 2 т. Т. 2: Проза. М.: Худож. лит., 1990. С. 172–187.
- Потебня А. А. Слово и миф. М.: Правда, 1989. 624 с.
- Тарасов Б. П. Я. Чаадаев и русская литература первой половины XIX века // Чаадаев П. Я. Статьи и письма. 2-е изд., доп. М.: Современник, 1989. С. 5–37.
-

References

- Ermichev A., Zlatopol'skaya A. [P. Ya. Chaadayev in the Russian thought. Historiosophy case]. *P. Ya. Chaadayev: pro i contra* [P. Ya. Chaadayev: pro and contra]. St. Petersburg, RHGI Publ., 1998, pp. 7–40. (In Russ.)
- Kapustin N. V. [Why did Ivan Ivanovich resent?]. *Gogol' i slavyanskii mir: shestnadtsatye gogolevskie chteniya* [Gogol and the Slavic world: the sixteenth Gogol Reading]. Moscow, Novosibirsk, Novosibirskii Publ. House, 2017, pp. 264–272. (In Russ.)
- Mandelstam O. E. [On the nature of the word]. *Sochineniya: v 2 t.* [Complete works: in 2 vols]. Vol. 2: Proza. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1990. P. 172–187. (In Russ.)
- Potebnya A. A. *Slovo i mif* [Word and myth]. Moscow, Pravda Publ., 1989. 624 p.
- Tarasov B. [P. Ya. Chaadayev and Russian literature of the first half of the 19th century]. *Chaadayev P. Ya. Stat'i i pis'ma*. 2nd ed. Moscow, Sovremennik Publ., 1989, pp. 5–37. (In Russ.)

Язык художественной литературы

Тропологические и аллегорические преобразования семантики антропонимов в русской панегирической поэзии XVIII века

Евгений Михайлович Матвеев, Санкт-Петербургский государственный университет / Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия),
e.matveev@spbu.ru, ematveev@list.ru

DOI: 10.31857/S013161170019848-1

АННОТАЦИЯ: В статье на материале готовящегося в Институте лингвистических исследований Российской академии наук «Словаря антропонимов в русской панегирической поэзии XVIII века» описаны способы семантических преобразований антропонимов в панегирической поэзии XVIII века. Выделяется два главных типа семантических преобразований антропонимов — аллегорический и тропологический. Аллегорическое преобразование семантики возникает, когда имя собственное входит в состав распространенных в поэзии XVIII века аллегорических описаний: в этом случае мифологические и библейские персонажи оказываются героями одического мира, одновременно выражая некую общую идею; антропоним при этом сохраняет свое прямое значение. При тропологических преобразованиях семантики антропонимы получают переносные значения. Выделено четыре основных типа таких преобразований: метонимия (*Анна* в значении ‘Россия’), антономазия (*Геркулес* в значении ‘бесстрашный воин’), олицетворение (*Минерва* для наименования императрицы Екатерины II) и перифраза (*новый*

Феб для наименования Г. А. Потемкина). Большинство выявленных форм семантических переосмыслений имен в панегирике связаны с уподоблением одного персонажа другому. Во многом за счет этих разнообразных по форме уподоблений в панегирической поэзии формируется образ идеальной реальности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: антропоним, русская панегирическая поэзия XVIII века, ода, аллегория, троп, метонимия, антономазия, олицетворение, перифраза

для цитирования: Матвеев Е. М. Тропологические и аллегорические преобразования семантики антропонимов в русской панегирической поэзии XVIII века // Русская речь. 2022. № 2. С. 118–127. DOI: 10.31857/S013161170019848-1.

The Language of Fiction

Tropological and Allegorical Semantic Transformations of Anthroponyms in Russian Panegyric Poetry of the 18th Century

Evgeniy M. Matveev, St. Petersburg State University / Institute for Linguistic Studies, RAS
(St. Petersburg, Russia), e.matveev@spbu.ru, ematveev@list.ru

ABSTRACT: The paper describes various types of semantic transformations of anthroponyms in 18th century Russian panegyric poetry based on the “Dictionary of Anthroponyms of the 18th Century Russian Panegyric Poetry” which is being prepared at the Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences. We have found two main types of semantic transformations of anthroponyms — allegorical and tropological. An allegorical transformation of semantics occurs when a proper name becomes a part of

allegorical descriptions widespread in 18th century poetry. In the context of allegory an anthroponym retains its direct meaning. Mythological and biblical characters turn out to be heroes of the odic world, simultaneously they express a certain general idea. In case of tropological transformations of semantics anthroponyms receive figurative meanings. We distinguish four main types of such transformations: metonymy (*Anna* meaning 'Russia'), antonomasia (*Hercules* meaning 'fearless warrior'), personification (*Minerva* as a name for Empress Catherine II) and paraphrase (*new Phoebus* as a name for G. A. Potemkin). Most of the identified forms of semantic transformations of names in panegyrics are associated with the assimilation of one character to another. Largely due to these assimilations of various forms, panegyric poetry forms an image of an ideal reality.

KEYWORDS: anthroponym, Russian panegyric poetry of the 18th century, ode, allegory, trope, metonymy, antonomasia, personification, paraphrase

FOR CITATION: Matveev E. M. Tropological and Allegorical Semantic Transformations of Anthroponyms in Russian Panegyric Poetry of the 18th Century. *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2022. No. 2. Pp. 118–127. DOI: 10.31857/S013161170019848-1.

В настоящей статье представлены некоторые промежуточные результаты работы над «Словарем антропонимов¹ в русской панегирической поэзии XVIII века», работа над которым ведется коллективом сотрудников отдела «Словарь языка М. В. Ломоносова» ИЛИ РАН (о проекте словаря см.: [Матвеев 2020]). Основной материал словаря составляют торжественные оды и стихи В. К. Тредиаковского, М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, В. П. Петрова, Н. Н. Поповского, М. М. Хераскова, А. А. Ржевского, Г. Р. Державина и Е. И. Кострова. Актуальность такого словаря связана с тем, что антропонимы (мифонимы, теонимы, библеизмы, исторические имена и пр.) и их производные в русской словесной культуре XVIII века исключительно важны для формирующегося в эту эпоху русского литературного языка, и исследователи многократно отмечали уникальность ономастикона² русской литературы XVIII века, который, как отмечала

¹ Антропоним — это собственное имя человека. В словаре этот термин понимается широко: помимо собственно антропонимов, он обозначает также имена богов и других мифологических «человекоподобных» персонажей.

² Ономастика — наука о собственных именах. Ономастикон — корпус имен.

Е. В. Душечкина, «по количеству и разнообразию имен <...> несравним с именниками ни одного другого столетия»; в русской словесности выявляется «многообразие ономастических полей в этот период, их принадлежность к различным стилистическим системам, которые сменяли друг друга, а порой сосуществовали одновременно» [Душечкина 2015: 105]. Использование антропонимов в русской поэзии XVIII века — одно из маркированных средств создания экспрессивной образности поэтического стиля этой эпохи; кроме того, антропонимы служат передаче разнообразных идеологических, информационных и историко-культурных коннотаций. При этом особенно ярко ощутимо функционирование антропонимов в качестве формульных элементов ведущего поэтического жанра эпохи «готового слова» — торжественной оды. Именно в художественном пространстве оды и других высоких поэтических жанров (панегирических стихов, надписей и т. д.), репрезентирующих государственную имперскую мифологию русского XVIII века, соединяются герои, принадлежащие совершенно разным культурным традициям и эпохам — персонажи античных мифов, библейские цари и герои, деятели политической истории средних веков и нового времени, в том числе русские князья, цари, императоры, ученые и литераторы.

Помимо этого, обращает на себя внимание разнообразие способов семантических преобразований антропонимов в панегирической поэзии XVIII века. Проведенный анализ показывает, что возможны два основных типа семантических преобразований антропонимов — аллегорический и тропологический (то есть основанный на каком-либо тропе, типе переносного значения слова). Рассмотрим их подробнее.

Под аллегорией понимается одна из форм иносказания, в которой конкретный образ используется для выражения общего понятия или суждения. В аллегории отсутствует явление лексического переноса (все слова употребляются в прямом значении), а иносказательность возникает только в контексте, причем понимание иносказания невозможно без учета историко-культурных реалий, на которых строится образ. Аллегоричность, иносказательность является важнейшим признаком всей русской панегирической поэзии XVIII века. В русской торжественной оде и в других панегирических жанрах возникает особая поэтическая референция (связь с внеязыковой действительностью): здесь формируется своеобразный художественный мир, внутри которого «на равных» действуют и взаимодействуют исторические герои разных эпох (Иван Грозный, Петр I, Екатерина II), мифологические персонажи (Марс, Нептун), антропоморфно изображенные части света (Азия), страны (Россия), регионы (Кавказ), реки (Нева), явления природы (заря), абстрактные понятия (тишина) и т. д. Как правило, тот или иной конкретный образ, в том числе выраженный

именем собственным, иллюстрирует (в соответствии с принципами риторического изобретения, который был основой для создания панегирических текстов в эпоху «готового слова») некую общую идею, что соответствует структуре аллегории. Пример такого конструирования идеи приводит М. В. Ломоносов в разделе «О изобретении» своего «Краткого руководства к красноречию»: он подробно рассматривает возможные аргументы для темы «неусыпный труд препятства преодолевает». Идея «неусыпность» (в терминологии Ломоносова «термин» или «простая идея») может быть выражена, среди прочего, первичной идеей «сила», которая, в свою очередь, выражается вторичными идеями «Сампсон» и «Геркулес» [Ломоносов 1950–1983: 7, 110–115]. В строках ломоносовской «Оды на восшествие... 1747 года»: *В полях кровавых **Марс** страшился, / Свой меч в Петровых зря руках, / И с трепетом **Нептун** чудился, / Взирая на Российский флаг* [Ломоносов 1950–1983: 8, 200] — имена Марса и Нептуна использованы в аллегорическом контексте. Представленная ситуация, для описания которой использованы конкретные значимые детали (*кровавые поля, меч Марса в руках у Петра, российский флаг*), может быть объяснена следующим образом: «Петр I является столь блистательным военачальником и флотоводцем, что вызывает ужас у римских богов войны и морей». Однако смысл поэтического текста невозможно полностью свести к данной логической формуле: в тексте, с одной стороны, сказано именно то, что сказано, а с другой — имеется в виду общая идея, которую можно попытаться выразить предложенной логической формулой. В результате возникает семантическая двуплановость, которая формируется не за счет явления лексического переноса, а за счет аллегории.

Еще один частотный пример аллегории — контексты с именем *Минерва*. Минерва, покровительница мудрости и наук, может попадать в различные аллегорические описания, например:

1. *И се **Минерва** ударяет / В верхи Рифейски копием, / Сребро и золото истекает / Во всем наследии твоём* [Ломоносов 1950–1983: 8, 205]. Эта аллегорическая картина описывает развитие горной промышленности на Урале.
2. *Ныне разум наш сияет, / Нас **Минерва** напояет, / Как Афинян прежде нас* [Сумароков 2009: 27]. Здесь аллегорически изображается развитие науки в петровское время.
3. *Любезна истинна ликует, / Науки в тишине цветут; / **Минерва** в славе торжествует, / Сияет честность, правда, суд* [Херасков 1798: 155]. В этом примере можно усмотреть аллегорическое изображение двух связанных друг с другом идей: изображается развитие науки в эпоху Екатерины II и торжество правды и справедливости.

В аллегорических картинах, которые рисуют панегирические поэты XVIII века, могут в качестве ключевых слов участвовать и имена библейские. Приведем пример из оды «На взятие Очакова» (1788) В. П. Петрова: *Во светлы ризы облаченный / И сединой преукрашенный / Первосвященник Аарон, / По совершении службы Богу, / Народу предстоящу многу / Средь храма взыдет на амвон / И возгласит твои <Екатерины II> доброты* [Петров 2016: 167]. Здесь аллегорически изображается возможное возвращение константинопольского храма св. Софии христианам, наследникам праведных ветхозаветных патриархов.

Итак, приведенные примеры демонстрируют, как функционирует имя собственное в аллегорических картинах: мифологические и библейские персонажи оказываются героями одического мира, одновременно выражая некую общую идею.

Второй тип семантических преобразований антропонимов, который обращает на себя внимание в панегирической поэзии XVIII века, — это тропологические преобразования семантики. В отличие от аллегории, в этом случае у имени возникает переносное значение. Возможны следующие тропологические преобразования:

- 1) Метонимия — троп, в котором прямое и переносное значения слова находятся в отношениях смежности, связаны логически. Например, имя императрицы Анны Иоанновны может использоваться в значении ‘Россия, российское воинство, россияне’: *На юге Анна торжествует, / Покрыв своих победой сей* [Ломоносов 1950–1983: 8, 23]; *Ахиллес* в значении ‘<Илиада> Гомера’ и *Эней* в значении ‘<Энеида> Вергилия’: *Венец гремящей Поэзии, / Тобой <Херасковым> имеем мы в России, / И незавиден нам Эней и Ахиллес* [Костров 1802: 123].
- 2) Антономазия — это «метафорическая фигура, состоящая в экспрессивном использовании имени собственного в значении имени нарицательного [Москвин 2007: 592]». Например, *Геркулес* в значении ‘бесстрашный воин’: *Каждый рядовой из строя / Мужеством есть Геркулес* [Третьяков 2009: 152]; *Моисей* в значении ‘великий и мудрый законодатель’: *В законах буди Моисеем <обращение к Павлу I>* [Херасков 1798: 204]; *Перикл* и *Алкивиад* в значении ‘выдающийся военачальник’: *Периклов и Алкивиадов / России суждено рождать: / Противу неприступных градов, / Ступайте Россы побеждать* [Сумароков 2009: 65].
- 3) Олицетворение. Традиционно под олицетворением понимают «приписывание семы лица тем именам, которые ее не имеют, посредством сочетания их с антропоморфными метафорами» [Москвин 2007: 498]. Выделяя олицетворение как один из способов семантического преобразования антропонима в русской панегирической

поэзии XVIII века, мы понимаем этот термин иначе. Олицетворением мы называем такие случаи, когда для наименования исторического лица в одах используется имя какого-либо мифологического персонажа или (реже) другого исторического лица. Здесь имя выполняет функцию устойчивого эпитета, который присваивался тому или иному историческому персонажу. О таких наименованиях писала, в частности, Л. А. Войнова: «Такое изображение конкретного лица в образе античного бога или героя, которое условно можно назвать олицетворением, строилось на переносно-метафорическом переосмыслении мифологического собственного имени, в основе чего лежали привычные для поэтики классицизма и всей литературы XVIII в. ассоциативные связи» [Войнова 1977: 126]. Наиболее хрестоматийным примером такого рода олицетворений является использование мифологического имени *Минерва* для обозначения русских императриц: Анны Иоанновны (*Не Минерва ль шлемом блещет?* [Тредиаковский 2009: 152]), Елизаветы Петровны (*Мы сооружим похвал Тебе, Минерве, храм* [Ломоносов 1950–1983: 8, 692]), Екатерины II (*Чего желать России боле; / Минерва на ея престоле* [Сумароков 2009: 71]). Приведем еще примеры. Мифологическим именем Алкид мог обозначаться А. Г. Орлов (*А здесь, исполнясь важна вида, / На памятник своих побед / Она <Екатерина II> смотрела — на Алкида, / Как гидру палицей он бьет* [Державин 1864–1883: 2, 99]) или А. В. Суворов (*И се... се польская столица / Тобой, Алкид, сокрушена* [Дмитриев 1967 297]). Г. А. Потемкин мог изображаться в образе Перикла: *Родства и дружбы вопли, стоны / И Муз ахейских жалкий звук / Вокруг Перикла раздается* (Державин 1864–1883: 1, 481).

- 4) Перифраза — «описательный оборот, образуемый для замены какого-либо общепринятого наименования» [Москвин 2007: 551]. В русской панегирической поэзии XVIII века частотны перифразы, содержащие в своем составе антропонимы. Например, перифразой *новый Феб* у Е. И. Кострова мог называться И. И. Шувалов (*Что тако музы дух плененной торжествует, / Иль новый Феб, меня живя, осуществляет?* [Макогоненко, Серман (сост.) 1972: 119]), у В. П. Петрова — Г. А. Потемкин (*Как в сердце ты моем, Феб новый, ощутился* [Петров 2016: 107]); *Августовы лета* — это ‘золотой век, время благоденствия, процветания’ (*Уже во все пределы света / Проникла славы громка весть: / Настали Августовы лета, / Россию до небес вознесть* [Сумароков 2009: 95]); *слезы Авроры* — это ‘утренняя заря’ (*Летит пчела в пределы Флоры, / Да тамо слезы ссет Авроры; / Росистый съемля мед с цветков* [Тредиаковский 1963: 359]) и т. д. Некоторые имена характеризуются высокой фразеологической активностью, так как формируют обшир-

ную систему перифраз (ими могут обозначаться разные персонажи), например: *Минерва наших лет* 'Елизавета Петровна', *Российская минерва*, *Росская Минерва*, *Минерва наших стран* 'Екатерина II', *Росская Минерва внук* 'великий князь Александр Павлович'. Наиболее продуктивны перифрастические модели со словами *новый* (*новый Август России* 'Петр I'), *росский* / *российский* (*росский Геркулес* 'А. В. Суворов'), *северный* (*северный Орфей* 'М. В. Ломоносов') и др.

Проанализированный материал русской панегирической поэзии XVIII века демонстрирует богатство ее антропонимического тезауруса. При этом видно, что как сами имена, так и формы их семантических переосмыслений в представленном корпусе примеров многократно повторяются: на материале антропонимов особенно ярко ощутима специфика блочного одического мышления, при котором «использование одного элемента блока предполагает следующие элементы» [Алексеева 2005: 296]. Обращает на себя внимание, что большинство выявленных нами форм семантических переосмыслений имен в оде связаны с уподоблением одного персонажа другому. В. А. Кузнецов, который проанализировал характерные для эпохи классицизма поэтические уподобления писателям, «на чей эстетический опыт ориентирована данная национальная литература, с чьим именем связана отправная или функционально важная точка в развитии жанра», отмечал, что «выделимость жанра определяется через отнесенность к лицу, к конкретному имени» [Кузнецов 1993: 74]. Та же персонифицированность классицистического сознания проявляется и в уподоблениях героев панегирической поэзии мифологическим, библейским и историческим персонажам. Во многом именно за счет этих описанных нами разнообразных по форме уподоблений в панегирической поэзии, опирающейся на «готовое слово» и «готовое представление» о действительности» [Михайлов 1997: 117; Алексеева 2005: 197], формируется образ идеальной реальности.

Источники

Державин Г. Р. Сочинения / с объяснительными примечаниями Я. Грота: в 9 т. СПб.: в типографии Императорской академии наук, 1864–1883. Т. 1. 1864. 812 с.; Т. 2. 1865. 736 с.

Костров Е. И. Полное собрание всех сочинений и переводов в стихах: в 2 ч. Ч. 1. СПб.: печатано в Императорской типографии, 1802. 258 с.

Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1983. Т. 7. 1952. 996 с.; Т. 8. 1959. 1280 с.

Херасков М. М. Творения М. Хераскова, вновь исправленные и дополненные: в 12 т. М.: [Унив. тип. у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия], 1797–1801. Ч. 7. [1798?] 418 с.

Литература

- Алексеева Н. Ю. Русская ода: развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб.: Наука, 2005. 369 с.
- Войнова Л. А. Функционально-семантические особенности мифологических собственных имен и показ их в историческом словаре XVIII в. // Проблемы исторической лексикографии / отв. ред. Ю. С. Сорокин. Л.: Наука, 1977. С. 121–129.
- Душечкина Е. В. Антропонимическое пространство русской литературы XVIII в. (заметки к теме) // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Материалы III Международной научной конференции. 7–11 сентября 2015 г. Екатеринбург: издательство Уральского университета, 2015. С. 105–107.
- Кузнецов В. А. Поэтические уподобления в русской литературе XVIII века: (К вопросу о персонифицированности классицистического эстетического сознания) // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 1993. Вып. 1. № 2. С. 73–78.
- Макогоненко Г. П., Серман И. З. (сост.). Поэты XVIII века. Т. 2. Л.: Советский писатель, 1972. 589 с.
- Матвеев Е. М. О проекте словаря антропонимов в русской панегирической поэзии XVIII века // Материалы метаязыкового семинара ИЛИ РАН. Выпуск 3. 2017–2019 годы / отв. ред. С. С. Волков, Н. В. Карева, Е. М. Матвеев. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. С. 71–117.
- Михайлов А. В. Языки культуры. М.: Языки русской культуры, 1997. 912 с.
- Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь Ростов н/Д: Феникс, 2007. 940 с.
- Петров В. П. Выбор Максима Амелина. М.: Б. С. Г-Пресс, 2016. 384 с.
- Сумароков А. П. Оды торжественные. Елегии любовные / издание подготовил Р. Вроон. М.: ОГИ, 2009. [144] + 696 с.
- Тредиаковский В. К. Избранные произведения. М.; Л.: Советский писатель, 1963. 571 с.
- Тредиаковский В. К. Сочинения и переводы как стихами, так прозой / издание подготовила Н. Ю. Алексеева. СПб.: Наука, 2009. 668 с.

References

- Alekseeva N. Yu. *Russkaya oda: Razvitie odicheskoi formy v XVII–XVIII vekakh* [Russian ode: the development of the odic form in the 17th – 18th centuries]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2005. 369 p.
- Dushechkina E. V. [Anthroponymic space of Russian literature of the 18th century (notes on the topic)]. *Etnolingvisika. Onomastika. Etimologiya. Materialy III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. 7–11 sentyabrya 2016 g.* [Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology. Materials

- of the 3rd International Scientific Conference. September 7–11, 2015]. Yekaterinburg, Ural University Press Publ., 2015, pp. 105–107. (In Russ.)
- Kuznetsov V. A. [Poetic comparisons in Russian literature of the 18th century: (On the question of the personification of classicist aesthetic consciousness)]. *Vestnik SPbU*, seria 2, 1993, issue 1, no. 2, pp. 73–78. (In Russ.)
- Makogonenko G. P., Serman I. Z. (comp.). *Poety XVIII veka* [Poets of the 18th century]. Vol. 2. Leningrad, Sovetskii Pisatel Publ., 1972. 589 p.
- Matveev E. M. [On the project of the dictionary of anthroponyms in Russian panegyric poetry of the 18th century]. *Materialy metazykovogo seminaru ILI RAN. Vypusk 3, 2017–2019* [Materials of the metalanguage seminar of the Institute for Linguistic Studies, RAS. Iss. 3. 2017–2019]. St. Petersburg, Institute for Linguistic Studies Publ., 2020, pp. 71–117. (In Russ.)
- Mikhailov A. V. *Yazyki kultury* [Languages of culture]. Moscow, Yazyki Russkoi Kul'tury Publ., 1997. 912 p.
- Moskvin V. P. *Vyrazitelnye sredstva sovremennoi russkoi rechi. Tropy i figury. Terminologicheskii slovar'* [Expressive means of modern Russian speech. Tropes and figures. Terminological dictionary]. Rostov on Don, Phoenix Publ., 2007. 940 p.
- Petrov V. P. *Vybor Maksima Amelina* [The choice of Maxim Amelin]. Moscow, B. S. G.-Press Publ., 2016. 384 p.
- Sumarokov A. P. *Ody torzhesvennyye. Elegii lyubovnya* [Solemn odes. Love elegies]. Moscow, OGI Publ., 2009. [144] + 696 p.
- Trediakovskii V. K. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow, Leningrad, Sovetskii Pisatel' Publ., 1963. 571 p.
- Trediakovskii V. K. *Sochineniya i perevody kak stihami, tak i prozoyu* [Works and translations both in poetry and prose]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2009. 668 p.
- Voinova L. A. [Functional and semantic features of mythological proper names and their display in the historical dictionary of the 18th century]. *Problemy istoricheskoi leksikografii* [Problems of historical lexicography]. Leningrad, Nauka Publ., 1977, pp. 121–129. (In Russ.)

Русская речь

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

Оригинал-макет подготовлен *И. Барановым, И. Мустаевым*

Зав. редакцией *О. В. Антонова*

Редакторы *А. В. Занадворова, М. А. Пузина*

Корректор *В. Л. Цумарева*

Верстка *С. В. Родионовой*

А Д Р Е С Р Е Д А К Ц И И:

119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
редакция журнала «Русская речь»,
тел.: +7 495 637-27-35, e-mail: rus-rech@mail.ru

Подписано к печати 28.04.2022 г.

Формат 60×88 ¹/₁₆

Уч.-изд. л. 10,4

Тираж 210 экз.

Зак. 17/2а

Цена свободная

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Российская академия наук

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

И З Д А Т Е Л Ь:

Российская академия наук

16 экземпляров распространяется бесплатно

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-134-21

ООО «Интеграция: Образование и Наука»

105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314

Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»